

ЕКАТЕРИНА ОЛЕНЕВА

ПРОСТАЯ #2
СМЕРТНАЯ

Annotation

После смерти мужа Анжелика вместе с сыном живёт при дворе отца, короля Вильгельма, пока ко двору не прибывает посланец от Чернокнижника, с ультимативным требованием немедленно вернуть под его протекторат вдову погибшего брата. В противном случае Чёрная Цитадель угрожает Оруэллу войной. Анжелике придётся вернуться туда, где она пережила самые страшные свои кошмары, где познала сладостные минуты любви.

Чем обернётся для неё встреча с призраком из прошлого?

-
- [Простая смертная #2](#)
-

Простая смертная #2

Оленева Екатерина

Глава 1

Сон этот начинался всегда по-разному, но чаще всего, как и само моё существование – в другом мире.

Во сне я вижу и ощущаю себя не взрослой женщиной, какой была на самом деле в момент моего «попаданства», а ребёнком – вернее, подростком. По ощущениям мне лет двенадцать. Я стою у ворот, ведущих в городской сад, обнесённый от тротуара, за которым гудим машинами проезжая часть, высокой металлической, кованной оградой. Вокруг меня яркая, не запылённая листва: такой она бывает только в самом начале лета. А впереди, за воротами, шумная, весёлая, развлекающаяся толпа. Играет музыка, множество цветных воздушных шариков качается под дуновением ветерка, и катаются, кружатся, то поднимаясь вверх, то опускаясь вниз, множество аттракционов. И я, горя желанием прокатиться на всём, едва не дрожа от предвкушения, ступаю за ворота. Меня, как при входе в цирк окутывает запахом сладкой ваты и попкорна.

Я знаю, что большинство людей не чувствует запахов, вкусов и перепадов температуры. Может быть это самообман по пробуждению, но я чётко помню этот настойчивый, бьющий в ноздри запах – запах радости, безмятежности и праздника.

Кружатся вокруг большого столба разноцветные лошадки, пони, единороги. И один крылатый дракон, выкрашенный в чёрный цвет – именно он привлекает меня больше всех. Я уже хочу бежать к нему, чтобы оседлать, но чья-то рука тяжело ложится мне на плечо.

– Девочка, предъяви свой билетик.

Я с грустью и страхом понимаю, что билета у меня нет. Как нет и лица у фигуры под чёрным балдахином.

– Нет билета? – словно прочитав мои мысли ухмыляется существо без лица.

Я не могу видеть его ухмылку, но я слышу её в его глубоком голосе.

– Что ж, в Комнату Страху пускают без него.

– Но я не хочу в Комнату Страха! Я хочу кататься на каруселях...

Но говорить было уже не с кем. Фигура в чёрном капюшоне растворилась, словно ей никогда рядом и не было.

Мой взгляд упал на высокий замок, украшенный сверху гротескной маской химеры и дракона. Оба потешно, скорее весело, чем страшно, скалили бутафорские клыки, а между ними яркие буквы гласили: «Комната Страха».

И я, всё ещё охваченная весёлым настроением, не задумываясь бегу в новым полукруглым дверям-воротам и толкаю дверь от себя. Створки захлопываются за моей спиной. Я оказываюсь в тишине и темноте. Стены словно смыкались над моей головой, я физически ощущала их тяжесть.

Теперь во сне я была просто я; больше не девочка, не ребёнок. Я двигалась вперёд по извилистым коридорам и узким лестницам, надеясь выбраться из этого лабиринта камней, заключённого внутри толстых стен.

– Эй! – закричала я так громко, как только могла. – Эй! Кто-нибудь!

Ответом был только неясный шёпот, неизвестно откуда раздавшийся. Он был всюду. Он был нигде.

Накатила волна тяжёлой паники и я побежала вперёд. Я понимала, что бегу неправильно, мне следовало подниматься по ступеням, а не опускаться, но сверху доносился пугающий неясный шёпот и я, вопреки законам логики, которые во сне зачастую и не работают, спускалась вниз до тех пор, пока внезапно не сорвалась и не полетела в гулкую мглу.

Часть меня, видимо, понимала, что это сон и надеялась проснуться. Но мне так не повезло. Я не проснулась, а плюхнулась на нечто мокрое, скользкое и мягкое. Испуганно охнула, испугавшись, что лежу на куче трупов, но – нет. То были лишь песок и вода.

Наверху вспыхнул свет и, прикрывая глаза рукой от яркого пламени, совсем как наяву, я поглядела вверх и различила три фигуры, три силуэта – Зигмунд в своём парадном царском облачении, рядом с ним его жена, королева Олиера, она держала за руку мальчика лет

пяти. Моего сына. Все они спокойно смотрели вниз, себе под ноги – на меня.

– Где я? – завопила я, цепляясь за выступы холодного камня. – Что это за место?

– Это водяные пещеры под королевским замком, мама, – тихо и спокойно роняет мой сын. – Ты о них знаешь.

– Это твоё место, – добавляет Олиера.

– Зачем я здесь? Отец! – кричу я Зигмунду. – Вытащите меня отсюда!

– Я не твой отец, – сурово доносится сверху. – И ты это знаешь. На самом деле ты не Анжелика Ванхелия, не моя дочь. Ты всего лишь жалкая воровка.

– Жалкая воровка, – смакуя каждое слово, повторила его царственная супруга.

– Если и так, я не виновата! Не я это выбирала. Эта твоя дочь, настоящая Анжелика, пытаюсь спастись от драконов, провела Ритуал Обмена Душами. Сыночек, дорогой, ты ведь поможешь мне?

– Но ты не моя мать. Не моя настоящая мать.

Говорит мой родной и ненаглядный. Ярость и боль затопляют мне сердце.

– Ты мой сын, даже если король мне не отец, и даже если это тело – всего лишь чужая жалкая оболочка. Ты. Мой. Сын!!!

Королева берёт моего сына за руку, и они поднимаются вверх. Свет дрожит и гаснет где-то там, высоко наверху.

– Нет! – рычу я от ярости и страха. – Нет! Вы не можете бросить меня здесь.

Босые щиколотки обжигала ледяная вода. Позади что-то громко плеснуло.

Насторожив слух, прижимаясь к ледяной поверхности стены, я попыталась хоть что-то рассмотреть в беспроглядном мраке.

Снова всплеск.

Дрожа от ужаса и напряжения, я, храбрясь, прокричала во тьму:

– Кто здесь? Зверь? Человек? Демон?..

Зорко вглядываясь во тьму, я увидела, что ко мне что-то приближается.

То был всадник на бледном коне. Всадник – в подземелье? Это не имело смысла, но это было так.

Боевой конь двигался совершенно бесшумно, медленным шагом. Не было слышно ни лязга железа, ни топота копыт, ни водяного всплеска. Только моё собственное прерывистое дыхание.

– Кто ты?.. – повторила я свой вопрос.

Всадник отбросил с лица капюшон, и я увидела лицо своего умершего мужа.

– Эвил...

Его глаза казались двумя льдинками, несмотря на насыщенный цвет. В них не было ни любви, ни нежности – лишь холод и осуждение.

– Эвил?.. Почему ты вернулся?

Белый клочья тумана словно стекали с его тёмных широких плеч. Сам Эвил переливался холодным светом – то светлея, то темнея.

– Мой сын, – тихим, спокойным, бесцветным голосом роняет Эвил, продолжая наступать на неё.

– Твой сын в безопасности рядом со мной.

– Мой сын должен править Десятицарствием. Он должен вернуться в Чёрную Цитадель.

– Нет!

Дикий драконий рёв прокатился по стенам и всё вокруг охватило драконьим пламенем.

Драконий рёв всё ещё стоял в моих ушах, когда я проснулась.

Как выяснилось, проснулась я не сама – меня разбудили. На долю мгновения мне показалось, что кошмар продолжается и я в ужасе отпрянула от протянутой ко мне руки.

– Госпожа!

Это была всего лишь моя служанка, хвала всем богам во всех мирах!

– Турхан? – спросонья я испуганно пробежалась глазами по высоким фигурам, обступившим моё ложе.

Одно из самых неприятных в жизни королей – это церемониал. Тебя почти всё время обступают люди. Даже на горшок

одному не сходить. Тебя окружает стража и фрейлины. Днём. Сейчас ночь. Страже полагается быть за дверь, а не внутри комнаты!

– Что случилось?

Горло совершенно пересохло, чему немало поспособствовал как жуткий ночной кошмар, так и пробуждение от него.

Для того, чтобы предсказать, что произошло что-то из ряда вон, не нужно было быть Кассандрой, Вангой или Мессингом, хоть в здешних краях о таких слыхом не слыхивали.

У фигур, маячивших за спиной служанки, под плащами мерцали доспехи. В спальне было темно, если не считать фонаря в руке одного из лакеев и догорающих в зеве камина угольков.

Так себе побудка, скажем прямо.

Первой моей мыслью был дикий страх за сына:

– Ангэй?.. – схватила я за руку Турхан.

– С ним всё в порядке, ваше величество.

Я выдохнула, откидывая назад, за спину, спутанные волосы.

Один из безликих людей в плаще и доспехах, чьего имени я даже не знала, сделал шаг вперёд:

– Ваше величество, ваш отец прислал нас за вами.

Остатки сны, где Зигмунд и Олиера забрали у меня сына вновь опутали меня зловещей паутиной. Кожа покрылась мурашками.

– Что же случилось? Говорите! Вы пугаете меня.

– Пришло известие из Чёрной Цитадели.

– Что за известие? – я выдохнула.

Чтобы там ни было, ничего непоправимого, пока моему сыну не угрожает опасность. Со всем остальным можно справиться.

Турхан подала мне чашу, чтобы сполоснуть лицо. В пиале последняя была чуть подкислена лимоном, чтобы освежить дыхание.

Ночной ветер сотрясал ставни, изредка, время от времени, донося до слуха угрожающий рёв Молнии, верной моей драконицы. Вот откуда эти крики прорывались в мой беспокойный сон.

– Не могу знать, принцесса. Его высочество не распространялись об этом, но мне было велено немедленно разбудить вас и препроводить в Башню Советов как можно быстрее.

– Что ж? Выходит, дело важное и не терпит отлагательства. Позвольте мне одеться.

– Как прикажите, ваше величество.

Через мгновение рядом со мной осталась верная Турхан и ещё пара девушек, которым я верила. Ни одна из них за шесть лет службы не вызвала ни нареканий, не подозрений. Хотя во дворце все всегда шпионят за всеми. Но цвет моих нижних юбок сложно отнести к тайне государственной важности.

Итак, сон стал предвестником известий из Чёрной Цитадели.

После гибели Эвила все притязания моей драгоценной свекрови на восстановление государства в границах Десятицарствия не имели оснований. Эвил Санистор был последним Порочным Принцем, без истинного короля трудно было воплотить её замысел.

Признаться, в моих снах колдунья-свекровь пугала меня не менее сильно, чем некогда драконы. Драконов я больше не боялась. С Молнией у нас установилась полная идиллия. А связь с Эвилом не только мне подарила сына, но и у Молнии появилось два прекрасных дракончика. Благо, росли они медленно. Почти как люди. Один из огнедышащих ящеров предназначен моему сыну, а второго когда-нибудь оседлает его жена. В любом случае оба дракончика сегодня беспрекословно следует за Молнией, своей матерью, а Молния слушается меня.

Почему я не думала о том, что мой ненаглядный Ангэй тоже Санистор? Последний Санистор?..

Я и сейчас не хотела об этом думать. Не хотела понимать очевидного.

Когда мы вышли из Ромашковой Крепости, ставшей моей резиденцией, звёзды ещё светили, но небо стало понемногу светлеть. К тому моменту, как мы добрались до Башни Совета, восходящее солнце окрасило все верхушки в ярко-красный цвет, но у земли ночь ещё держала свои права. Вокруг было очень тихо – можно было подумать, что всё вокруг вымерло. Но нет, всего лишь погрузилось в крепкий сон.

У входа несли караул четыре стражника. При моём появлении они распахнули дверь, пропуская меня и мою охрану. Стоило оказаться внутри, как дым начал беспощадно есть глаза. Ох, уж эти чадящие факелы! Пользующиеся такими благами цивилизации, как электричество, просто не знают, каким богатством владеют.

Я поднималась вверх, стуча каблуками по камню. Комната Советов расположилась на самом верху. Собравшиеся в зале

разговаривали шёпотом, боясь потревожить короля Зигмунда, который явно был в прескверном настроении.

– Ваше Величество? – даже принцессы обязаны соблюдать этикет.

– Оставь уже эти приседания, – ворчливо фыркнул отец Анжелики.

За столько лет местами я уже даже наедине с собой привыкла называть его своим отцом.

– Судя по этой писулке, что мне доставили послы твоего бывшего мужа, присесть перед тобой надлежит мне.

На лицах главных отцовских советников читалась растерянность. Они не знали, стоил ли услужливо захихикать или и вправду начать раздавать поклоны.

– О чём вы, отец? – поинтересовалась я, приближаясь.

Стук моих каблуков гулко отдавался по зале. Факелы порождали едкие тени и дым.

– Присаживайся, Анжелика. И вы тоже садитесь, господа.

Зал Собраний обставлен был богато. Даже если не приставлять к богато «по средневековым меркам». Вообще роскошь королевских дворцов отличается от роскоши нуворишей того времени и мира, где я родилась. На самом деле и без интернета, электричества и машин можно жить. И даже неплохо. Свечи в большом количестве изготавливаются полагающейся гильдией, а множество людей при этом имеют работу. Все довольны. Масляные факелы, свечи в высоких бронзовых люстрах – во дворце нет недостатка в освещении, правда, оно не такое, какое дают электрические лампы. Живое. Волшебное. Я люблю свет свечей.

Полы залы укрыты мягкими коврами, стены прикрыли гобеленами и расписными ширмами, делящими огромное пространство на более маленькие, которые можно перестраивать и менять при помощи всё тех же, вышеупомянутых, ширм. Статую из мрамора и полированной бронзы отражают свет от своих ощеренных морд.

– Так что за срочное дело собрало нас с такой ранний час, благородные господа? – спросила я.

Я встретилась взглядом с лордом Северных Земель, Северьяном Дархамиром. Не знала, что он вернулся ко двору. В своей

время лорд был возлюбленным моей предшественницы в этом теле, настоящей Анжелики, но о том, что тело одно, а обитательниц сменило две, он не в курсе, поэтому с полным правом считал, что в прошлом был моим любовником. К тому же он спас меня. И поэтому считал себя вправе глядеть на меня с этой своей улыбочкой, граничившей я наглостью.

– Все мы в курсе о тех разрушительных войнах, что ведёт этот наглец – брат вашего мужа, узурпировавший его власть?

– Почему – узурпировавший? – приподняла бровь я.

– Потому что в Атайроне Хасепти нет ни капли благородной крови Санисторов, – всё с той же наглой и высокомерной улыбкой проговорил лорд Дархамир.

– Более того – в нём кровь чёрных колдунов из Горячих Песков. Он истинное отродье своей проклятой матери.

– Иногда власть достаётся не по происхождению, а по самому древнему праву, – твёрдо заявила.

– Да? – поглаживая холёную короткую бородку, напоминающую эспаньолку, мягкими руками в перстнях, проговорил ещё один отцовский советник, лорд Шутэрфэй мягким шалфейным голосом. – Вы, несомненно, просветите нас об этом праве?

– Думаю, речь идёт о праве сильного, – у лорда Агилдара голос был с железной твёрдой интонацией.

Он всегда говорил очень тихо и все замолкали, чтобы услышать его.

– Не так ли, ваше величество? Или теперь мы правда должны обращаться к вам, как к королеве? Отчасти ведь претензии господина Хасепти правильны, как бы мы к нему не относились.

– И вы какой же части они правильны? – спесиво вскинул голову лорд Дархамир.

– Кто-нибудь всё-таки расскажет мне, в чём дело? И почему столь незамедлительно был созван Совет? – напомнила я о собственном присутствии.

Отец разрешал мне заниматься определённого рода государственными делами, ко всеобщему удовольствию. Это было большей части социальные проекты – выражаясь современным языком. Я, как могла, облегчала участь простых людей, ратуя о медицине, гигиене, образовании. Пару раз вникала в водоснабжение и

даже канализацию города. Но на Совет меня звали не часто. Например, когда требовалось наше с Молнией участие в укреплении обороны города. Иди принуждению к миру в разбушевавшейся провинции. Сражаться с драконами никто не жаждал, порядок и мир восстанавливались быстро, а затем каждый занимался делами на своей половине.

Что может знать женщина? – вот всегдашний мужской постулат во всех мирах. Я не горела желанием его оспаривать. Тем более, что делать то, что я считала нужным, мужчины не мешали мне. А я не рвалась на их высокие заседания.

А тут меня будят посреди ночи...

– Атайрон Хасепти объявил себя регентом при малолетнем племяннике, – проговорил своим тихим металлическим голосом лорд Агилдар. – А теперь, поскольку мальчик достиг пятилетнего возраста, он требует, чтобы ребёнка отдали ему.

– Никогда! – ужаснулась я. – Сына я не отдам, пока дышу! Никому и ни за что.

– Его самопровозглашённое по праву сильного регентство, думаю, не станет возражать, если вы придёте вместе с мальчиком, – язвительно проговорил Дархамир. – Даже напротив, рискну предположить, только обрадуется.

– Это не обсуждается! – резко ответил Зигизмунд, так резко, что зашёлся кашлем.

Отца последнее время то и дело сотрясал кашель, что не могло не волновать. Болезнь глубоко укоренилась и, хотя местные лекари были на свой лад не менее искусны, чем мои современники, всё же болезнь медленно, но развивалась. А когда он нервничал, злился или волновался из-за чего-либо, приступы кашля следовали один за другим.

– Анжелика не может отправиться Темную Цитадель.

– Но в случае отказа выполнить его требования, узурпатор грозит нам нападением.

– Даже так? – вырвалось у меня.

– И что с того? У нас есть, чем его встретить! – очередным спесивым жестом вскинул голову Дархамир.

Если бы я не видела его в деле, сочла бы за обычного кичливого брехуна, но это не так. Лорд Дархомир, боец отличный.

Хотя по части стратегии... я-то как раз не стратег, но планирование лучше доверила бы кому-нибудь другому. Северьян слишком самонадеян, а от самонадеянности до опрометчивости один шаг.

– У нас три дракона, а у Хасепти лишь один, насколько мне известно?

Шутэрфэй вновь в задумчивости погладил холёную бородку:

– Так-то оно так, но дракон Чернокнижника в два раза больше нашей драконьицы. И, как всем известно, самцы всегда воинственной самок.

– Если только самка не защищает своих детёнышей. А Молния-то как раз и будет.

– Дракон Чернокнижка старше, крупнее, мощнее и свирепее, – вновь заговорил лорд Агилдар. – И в бою сам Чернокнижник опытнее нашей принцессы. При всём уважении, принцесса Алисия, до сих в стычках с нашим противником, вы имели силовой перевес и никогда ничем не рисковали. Вы атаковали сверху, поливая землю огнём и могли не опасаться контратаки снизу. Но в случае схватки между двумя драконами я бы, если бы пришлось делать ставки, поставил на вашего противника. Я не желаю обидеть, но такова правда. Извините за прямоту, но таково моё мнение.

– Не извиняйтесь, милорд. Я разделяю ваше мнение и отнюдь не рвусь в бой.

– Вот как? Предпочитаете вернуться в Цитадель? К брату вашего покойного мужа?

– Этого нельзя допустить, – вновь решительно произнёс король, мой отец. – В случае возвращения Анжелики мы потеряем драконов, не говоря уже о том, что как только эти проклятые колдуны заполучат моего внука, они вновь начнут претендовать на... – задохнувшись, он закашлялся.

Я не испытывала в этот момент к нему ни малейшего сострадания. Мерзкий расчётливый интриган! Его интересуют только драконы! Прекрасный бонус, чего уж там. Но если я знала о нашем условном родстве, то в его-то глазах я была его дочерью безусловно! В прошлый раз это не помешало отдать ему меня фактически на растерзание. И в этот раз он, не колеблясь, готов поступить так же.

– Сражаться с Атайроном Хасепти – заранее обрекать себя на позорный проигрыш, – скрестив руки на груди, холодно заявила я.

От их буравящих, тяжёлых взглядов мне сделалось неприятно. Это как если бы ты встал в сужающемся кругу, причем образовали бы его волки.

– Атайрон один стоит половины армии, потому что владеет Тёмным колдовским искусством.

– Вы тоже, принцесса, – елейным голосом проговорил Шутурфэй. – Вы тоже.

– Даже теми крохами, что порождаем во мне магия дракона, я управляюсь с трудом. А против меня встанет настоящий мастер-виртуоз, не стесняющийся обрушить на нас всю свою мощь. Его дракон крупнее нашего, его магия – больше моей, а его войско, в отличие от наших стражников, воевало все эти пять лет не с городскими беспризорниками. Моё мнение, благородные лорды – в случае прямого столкновения расклад обернётся не в нашу пользу. И в небе, и на земле нас побьют.

– Я не мог позволить ему забрать у меня внука и драконов! – загрохотал отец.

– Боюсь, он всё равно возьмёт своё, не добром, так войной. В итоге вы потеряете драконов и внука, но в добавок ещё потерпите поражение. Войны всегда обогащают победителей, но побеждённые впадают в нищету.

– Можно подумать, принцесса, что вам самой прямо-таки не терпится вернуться к вашему шурину, – с жёсткой усмешкой проговорил Дархамир.

– Что вы хотите этим сказать? – пришёл мой черёд воинственно вскидывать голову.

– Что помню, какими глазами вы смотрели друг на друга пять лет назад.

Я почувствовала, как алые пятна вспыхивают на моих скулах. Каков наглец!

– Что вы себе позволяете, милорд? – ледяным голосом проговорила я. – Вы забываетесь. Говорить подобным образом с принцессой крови и, как вы справедливо заметили, возможно, королевой-матерью, недопустимо. Ещё одно слово, и я стану настаивать на том, чтобы один из нас покинул совет. Корона нуждается в вас, лорд Дархамир, в вашей отваге и преданности, но не настолько, чтобы терпеть оскорбления. Что касается затронутого вами вопроса...

я не понимаю, о каких взглядах может идти речь? В том вероломном предательстве я потеряла мужа, а Чернокнижник – старшего брата, которого, безусловно, любил и уважал. Если господа примут решение воевать – это их право. Кто я такая, чтобы оспаривать вашу мудрость? Но не рассчитывайте, что я и мой дракон, выступят против Хасепти.

– Значит, вы готовы подчиниться требованиям вашего деверя?

Я со вздохом откинулась на спинку стула. В своё время я предпочла вернуться к отцу, в столицу Оруэлла хотя и опасалась, что родственники мужа воспримут это в штыки...

Они молчали. Атайран развлекался тем, что играл во власть. Нужно отдать ему должное, он вёл захватнические войны куда более талантливо и успешно, чем мой бедный муж. У Атайрона характер жёстче, сердце из камня, совершенно нет нервов, отличная реакция и, к тому же, как воин и маг он сильнее, чем был его младший брат.

Лишь одно его подводило – происхождение. Его власть по законам Семицарствия была нелегитимна. Зато у него был племянник, от имени которого он вполне мог править лет десять. И это как минимум. Так что требования отдать ему ребёнка должно было последовать. Рано или поздно. И Атайрон проявил своего рода благородство, затребовав ребёнка только теперь.

К тому же и Хатериман, хоть и была злобной циничной ведьмой, своих детей любила. Так что её интерес к внуку мог быть вполне настоящим. При дворе Атайрона я стану королевой-матерью, вдовой его брата. При дворе же собственного отца моё положение было... странным. Меня до сих пор не выдали замуж только по одной причине – Зигмунд не желал терять драконов.

Но если завтра с отцом что-то случится, то королевство окажется на пороге гражданской войны. Я буду либо вынуждена бороться за трон и жизнь своего сына, либо умереть. Если я не посажу на трон Ангэя, моя добрая мачеха нацепит корону на голову моему братцу. И тогда за нашу с сыночком жизнь и гроша, ломанного будет дать много.

Отца можно было понять. Ему нравились мои драконы. Меня тоже можно было понять. Я никогда не рвалась к власти, но стоя на ступеньках трона трудно не бороться за неё, потому что зачастую проигрыш означает смерть. Ладно бы только твою, но есть ещё дети.

В Цитадели выгодно видеть моего сына живым, моя же жизнь не имеет особого смысла. Как и смерть.

В Оруэлле смерть Ангэя выгодна слишком много.

К тому же и явившийся мне ночью призрак мужа (не исключено, что его голосом говорило моё собственное подсознание, но мне нравилась мысль, что Эвил на самом деле навестил меня, что он заботится и печётся обо мне и сыне даже после смерти), тоже не двузначно дал понять, что хочет, чтобы я вернулась к его семье.

– Готова ли я подчиниться? – вздохнула я. – Если это спасёт нас всех от войны – безусловно, да.

Глава 2

Нервы мои были напряжены как струны. Я плохо выпалась, голова была тяжёлой, мысли утратили привычную лёгкость. Больше всего на свете мне хотелось побыть в уединении, чтобы как следует всё обдумать, но моя «драгоценная» мачеха пригласила разделить с ней завтрак. Хуже этого было только объявление войны с утра. Или кобра на подушке. Хотя, если бы выбор был за мной, я бы выбрала кобру. Та в разы менее ядовита.

Если бы посторонний наблюдатель затесался в нашу милую царственную семейную компанию, он бы умилился нашим прекрасным манерам, ласковым речам и улыбкам, источающим мёд.

С тех пор, как я была вынуждена к близкому общению с Олиерой Ванхелией, я ненавижу сладкие голоса и сахарные улыбки. Синильная кислота – цианистый калий, отдающий чарующим запахом миндаля и смертельный даже в дозе пятидесяти миллиграмм. Летучая, легкоподвижная, как эта с виду прекрасная и мягкая, но жестокая и лживая женщина.

Не знаю, к чему эта взаимная ложь, обмен комплиментами, демонстрация семейных уз. Я знаю, что при первой же возможности эта сладкая роза убьёт меня, но, что хуже того – она опасна для моего сына. Олиера никогда не блистала умом, ум ей заменяла хитрость, воистину дьявольская, звериное чутьё и необузданная жажда власти.

Её сын, мой младший брат Жуамин (или брат Анжелики, что в нашем с ней случае теперь одно и тоже), по закону Оруэла должен был наследовать трон моему отцу, потому что здесь, совсем как в средневековой Франции нашего мира, было «негоже лилиям прясть».

Но вот тут и начинались подводные камни, из-за которых улыбка Олиеры была особенно миндальной. Я не была «лилией», я была драконьим всадником. Даже и теперь, при жизни отца, многие лорды шепотками, впрочем, весьма громкими, поговаривали о том, что у Ангэя, последнего Санистора, прав на престол Оруэла в разы больше, чем у сына Олиеры, какой-то герцогини с горных хребтов. Я была королевской дочерью, вдовой порочного принца и матерью короля, способного претендовать не только на эту землю. К тому же, в народе и у лордов я была популярна. При том, что к популярности никогда не стремилась, как и к власти. Политические игры меня интересовали мало, на доске я чувствовала себя «фигурой», а не «игроком». Я финансировала проекты, которые в нашем мире назвали бы социальными, инициировала кое-какие реформы, которые, по моим подсчётам, могли хоть как-то смягчить жестокие условия, в которых проживали люди. Ни одна из партий при дворе не могла бы похвастаться тем, что находится ближе ко мне, чем другая. Ни одна не могла на меня влиять. Для всех я оставалась тёмной лошадкой, при этом лордам я казалась податливым материалом. Кто-то желал прихватить власть, кто-то считал меня лучшим вариантом, чем Олиера со всей её кликой, но все брали в расчёт два главных козыря – Молнию и Ангэя. Дракона и последнего, истинного принца крови.

От заговоров лордов удерживало одно: я не желала участвовать в интригах против моего отца. Зигмунда, хоть и сложно было признать самым любящим отцом на планете, определённо и худшим назвать было нельзя. В делах управления государства он был опытен и осторожен. Я же могла возглавлять какое-то направление, но полновластие?.. Нет уж, увольте! Корона – не игрушка. У тех, кто её носит, должен быть железный стержень внутри. Я хороший ответственный исполнитель, но я не лидер. Я вторая скрипка.

Опасность виделась мне повсюду и это не была паранойя. Нас с сыном много раз пытались отравить, к нам подсылали убийц с кинжалами и хотя я знала, кто стоит за наёмниками, каждый раз тех успевали умертвить прежде, чем необходимые улики могли указать на истинного виновника. Каждый раз заговорщиком назначали либо сошку поменьше, либо вообще невиновного, а мерзкая паучиха с красивым лицом продолжала улыбаться мне всё так же ласково, говорила со мной нежным голосом.

Откровенно говоря, я почти с облегчением приняла требования Атайрона. У Чёрной Цитадели ужасная репутация, но я верила, что рядом с бабушкой и дядей мой сын будет в безопасности. Если не родственная привязанность, то чувство выгоды заставит их заботиться о нём и беречь его жизнь.

Охранники, сторожившие вход в апартаменты Олиеры, склонив головы при моём появлении, распахнули двери.

Олиера сидела на тахте, поджав под себя одну ногу. Пышные юбки спадали вниз тяжёлыми складками. Несмотря на ранний час, причёска королевы была безупречна, как и весь её внешний вид. Косметикой здесь умели пользоваться, она была достаточно хорошего качества, фрейлины мачехи были искусны в использовании румян, помад и сурьмой для подводки глаз. Так что даже для придирчивого вкуса наших современников Олиера Ванхелия показалась бы красавицей. Черноволосая, с зелёными кошачьими глазами, мерцающими и влажными, царственная и приветливая, когда хотела, фурия, если не видели пользы скрывать своей истинной природы.

– Дорогая моя, – протянула она ко мне руку, – бесконечно рада видеть тебя. Так приятно, что ты приняла моё приглашение и согласилась провести эти бесконечные утренние часы в моей компании.

Одного, едва заметного жеста в сторону фрейлин было достаточно, чтобы те бесшумно наполнили чашки ароматным напитком, напоминавшим мне кофе.

– Могла ли я отказать себе в таком удовольствии, матушка? – отозвалась я голосом, в котором, надеюсь, миндаля также хватало.

Одна из девушек заботливо пододвинула мне кресло. Вторая осторожно подала угощение, держа его передо мной на серебряном расписном подносе.

– Выпей, милая, – щебетала Олиера. – Этот напиток всегда тонизирует.

– Я выгляжу уставшей? – с улыбкой приняла я чашку тончайшего фарфора величиной побольше напёрстка, но ненамного.

На чёрном поле причудливо раскидывали золотистые крылья белые птицы. Не чашка, а произведение искусства. Я с трудом удерживалась, чтобы не отшвырнуть её от себя. Маловероятно, конечно, что Олиера будет настолько наглой и глупой, чтобы отравить

меня вот так. Тем более сейчас, когда у неё появилась призрачная надежда избавиться от меня куда более простым путём.

Олиера, помимо меня, была единственным человеком в Оруэле, которая обрадовалась предложению Атайрона. Нет, я этого не видела. Но я не сомневалась, что именно так она отреагировала на эту новость. Приятно, когда соперник устраняется сам и его не приходится уничтожать. Пятна на руках кровью неприятно даже Олиерам Ванхелиям.

– Что вы? – тем временем ворковала королева. – В ваши годы, Анжелика, это невозможно. Вот когда разменяете третий десяток, бессонные ночи действительно станут оставлять следы на вашей внешности.

– Бессонная ночь? – притворилась удивлённой я. – С чего вы это взяли? Я спала прекрасна в эту ночь. Впрочем, как и во все предыдущие.

Улыбка немного скисла на её губах.

– Возможно, я сделала преждевременные выводы. Для меня ночь всегда была плохой, если пробуждение случилось ранним. Я слышала, сегодня на рассвете состоялся совет?

– У вас прекрасные осведомители.

– Я не жалею. Люблю быть в курсе событий.

– Прекрасно вас понимаю.

Взгляды наши были ледяными. Клинков у нас не было, так что сражались мы тем единственным, что у нас пока было – шпильками, островами, подначками. Завернутыми в фольгу комплиментов.

– Ну, же, Анжелика, дитя моё!

Убила бы, если бы могла, за одно – «дитя моё». Нашлась мамочка!

– Не томи. Расскажи о новостях.

– Я думала, вы уже слышали о сути дела?

– Конечно. Но мне так хотелось узнать подробности!

Я откинулась в кресле, с удовольствием отставляя от себя чашку, расписанную золотыми птица.

– Мой деверь требует моего возвращения в Тёмную Цитадель.

– Требуется?.. Да как он осмелился!

– Особой храбрости тому, кто преобладает и в силе, и в праве не требуется.

– У нас есть драконы.

– У него тоже. К тому же я не уверена, что Молния пойдёт против своих бывших хозяев.

– Разве она не полностью подчинена тебе?

– Подчинена? Драконы не рабы. То, что вы почитаете за подчинение, я бы назвала неким... симбиозом.

Олиера нахмурилась, пытаясь осознать значение непонятого слова.

– Что такое симбиоз?

– Слияние, сосуществование, соединение. Мы с Молнией связаны, это так. Но она также связана и с родом Хасепти.

– Что это значит?

– Я не уверена, что мы сможем использовать Молнию против этих людей. Поговорите с отцом. Постарайтесь убедить его, матушка, что нам лучше не делать себе врагов там, где можно обойтись и без этого.

Какое-то время мы поговорили о том, о сём. Но я дала Олиере то, что она хотела узнать. Я готова была уехать. Она рада была меня проводить.

Но оставался ещё король Зигмунд. Который не меньше, чем Атайрон желал власти и над драконом, и над последним отпрыском Санисторов.

Впрочем, мне было всё равно, чего желает отец. Слишком много грозowych туч собиралась над нашими с сыном головами. Если потребуется, я воспользуюсь моим единственным козырем без отцовского благословения. Мы с Молнией отыщем дорогу в Цитадель.

Я не отдавала себе в этом отчёта, но ноги сами принесли меня в Драконью Обитель, которую отец повелел отстроить для моей могущественной питомицы. Теперь она обитала здесь вместе с парой своих дракончиков. Я по-прежнему видела в них малышей, хотя оба уже были размером с приличных лошадок. Ну, если к лошадкам приделать ещё крылья, что в размахе достигали около десяти метров.

Почувствовав моё появление, Молния подняла узкую змеиную голову и издала гортанный горловой звук, выдыхая их чёрных ноздрей небольшое облачко дыма.

– Здравствуй, моя красавица. Хочешь покататься?

В жёлтых глазах словно плескалось расплавленное золото, в центре которого островками плавами два вытянутых, узких острых лезвия – зрачки. Молния глядела на меня не мигая. Когда-то этот пристальный взгляд пугал меня до... даже неприлично сказать, до чего. Но я давно перестала бояться мою опасную, чудовищную союзницу.

Я подошла, положив ладонь на горячую, как разогретая печь, драконью чешую. Тому, кто видел Грома или Рока, моя Молния показалась бы изящной. Такой она и была. Девочка-красавица. Но взбираться на неё было приблизительно тоже, что карабкаться по пожарной лестнице на третий этаж.

Земля отодвигалась дальше и дальше, а вокруг меня то поднимались, то опускались, как вздыбленная шерсть, острые шиповатые наросты на драконьей чешуе.

Устроившись на своём излюбленном месте на хребте у Молнии, я прокричала «Лети». И с восторгом ощутила, как мощные мускулы под горячей чешуёй, словно разогретые солнечным светом или пламенем, камни, задвигались. Молния застрекотала и, оттолкнувшись лапами от земли, распрямила крылья. Лицо моё обдало порывом ветра, будто это корабль разворачивал паруса.

Я физически, каждой клеточкой своего тела ощущала сопротивление земли, не желающей нас отпускать. Но что земное притяжение против воли дракона? Мы воспарили!

Как же я любила этот момент. В небе кроме меня и Молнии царили только ветра. Они то сражались с нами, то становились нам союзниками. А всё земное отодвигалось, уходило, отставало.

Я чувствовала людской страх перед нашей с Молнией мощью, их беспомощность и... стыдно в этом признаваться, но я упоённо наслаждалась этим страхом.

Те, кто остаются на земле беспомощны перед парящими в облаках. Сладко быть драконом, способным испепелить любого. Мощь и силы окрыляют не меньше крыльев.

Наша рогатая, крылатая, угрожающая тень парила над городом, укрепляя королевскую власть, внушая страх в сердца отцовских подданных. Молния победно взревела.

Атайрон... я видела его в последний раз более пяти лет назад. Интересно, какой он теперь – Чернокнижник, правящий вместо своего младшего брата? Колдун, ставший королём?

Я всегда избегала думать о том, что связывало меня с братом моего покойного мужа. Я отрицала перед собой эту связь, не желала признавать собственных чувств. Но они были. И это было очевидным для всех. Притяжение между мной и моим деверем было столь сильным, что не укрылось даже от посторонних глаз.

Я никогда не позволяла себе ничего... и Атайрон – тоже. Мы не вольны контролировать собственные влечения и чувства. Только действия. Я была Эвилу верной женой. Я оплакивала моего мужа долгих пять лет. Гораздо дольше, чем знала его.

Атайрон нужен мне. Он нужен моему сыну, без его защиты нам не выжить и не приблизиться к трону. И я больше не стану бегать от того, чему всё равно предрешено свершиться – рано или поздно.

Эвил мёртв. А я – жива. И планирую этим воспользоваться.

Глава 3

Эвил и Атайрон, летая на драконах, никогда не пользовались никакими специальными приспособлениями. В то время как я не могла заставить себя отказаться от «благ цивилизации». На шее Молнии был огромный кованый ошейник, к которому я цепляла нечто вроде уздечки, сделанной из кожи. Подобное приспособление никак не влияло на управление драконом, по аналогии тому, как всадник управляет лошадью, но оно помогало мне держаться более устойчиво, затрачивая меньше усилий.

Молния, сделав последний круг, опустилась в своё логово. Её громогласный рёв заставил содрогнуться пространство. Ему ответили голоса снизу.

Увидев, что между лап «дракончиков», который уже достигли размеров крупной лошади, мне навстречу бежит моё драгоценнейшее сокровище и надежда государства, я едва не возопила громче Молнии.

– Мама! – радостно приветствовал меня Ангэй.

Видеть пятилетнего ребёнка рядом с зубастыми монстрами...

Молния гневно рыкнула и, изогнув узкую клыкастую морду, поглядела на меня кроваво-алыми глазами.

«Прости!», – мысленно извинилась я перед ней. – «Прости, но, когда речь идёт о детях, даже умнейшие из женщин превращаются в медведицу».

Но Молния доверяла мне своих дракош. И сама я, в случае опасности, велела служанкам и самому сыну бежать к Драконьему Дому, потому что этот мир таков, что люди порой в разы опаснее чудовищ. Не при Молнии об этом думать.

– Мама! – радостно бросился сын ко мне, стоило мне, как с горки, съехать вниз по драконьему хребту. – Доброе утро, мамочка! Как покаталась? Я тоже скоро оседлаю моего дракона. Правда, Пингвин?

Чёрный, без единого отблеска, юный дракон, приподняв верхнюю губу, обнажил острые клыки и фыркнул. Из троих детёнышей Молнии именно этот больше всего напоминал Злого Рока и уж меньше всего напоминал Пингвина. Но тут я была совершенно бессильна. Мой драгоценный сын и его дракон договорились об этом без меня.

Как любая мать я рассказывала сказки сыну на ночь. И одной из его любимых была сказка о медвежонке Умке и пингвинчике Лоло. Богатое воображение Ангэя обмануло его. Он решил, что раз существует кто-то, способный выживать среди вечной ночи, льдов и холода, то он необычайно силён, опасен и ужасен. Именно таким в его воображении представал Пингвин. Я пыталась нарисовать сынишке эту зверюшку, но художник из меня столь посредственный, что моё творчество только утвердило его в убеждении, что Пингвин ужасен и велик. Так что, когда пришло время именинаречения, один из драконов стал Пламенем, вторая – Ведьмой, а третий, самый крупный, мощный, со скверным характером, но верным сердцем, обречён был стать Пингвином. Я не смогла убедить сына дать крылатому убийце другое имя. Одно утешало, что никто в этом мире так и не узнает прообраз и все будут убеждены, что Пингвин – это очень страшно.

Подхватив сына на руки, я жадно и нервно прижала его к себе, оборачиваясь к девушкам, робко жавшимся друг к другу:

– Что это значит? – рывкнула я на них.

Почувствовав моё настроение, Ведьма, Пламя и Пингвин, вытянув вперёд длинные змеиные шеи, зашипели, выпуская из узких ноздрей облачко дыма, что привело Ангэя к ещё больше радости.

– Почему мой сын здесь?

– Простите, ваше величество, но он сбежал, не послушавшись.

– Вы упустили его из вида? – сердца моё упало. – Что за никчёмные создания!

Нет, я не была злобной мегерой. Обычно. Но вокруг куча врагов или глупцов, и никому нельзя доверять.

– Я плачу вам кучу денег! Вы ни в чём не знаете отказа! Всё, чего я прошу взамен, не спускать глаз с ребёнка. Вас пятеро. Пятеро! – бушевала я, всё сильнее распаляясь. – И вы не в состоянии за ним уследить?!

– Простите!

Шипение драконов усилилось. Теперь мои монстры не стихали и подбирались ближе, щёлкая хвостами и зубами. Страх девушек возбуждал их. А мне нравилось ощущение силы, которое я в этот момент испытывала. Это было как прилив адреналина.

– Госпожа, прошу вас! Разрешите мне уйти! – не выдержала девушка, пытаясь схватить меня за руку.

Я шарахнулась в сторону и тут же столб пламени ударил между нами. Раздался пронзительный визг. Это подействовало на меня отрезвляюще.

– Назад! – развернувшись к Пингвину, рывкнула на него я.

Но чёрная тварь и не думала отступать. Он пёр на меня, как танк, разевая пасть. Ангэя, к моему страху и досаде, всё происходящее нисколько не испугало, а лишь веселило. Он радостно заливался смехом. Боль и ужас девушек его не трогали.

Не знаю, осмелился ли бы Пингвин напасть на меня, если бы не вмешалась Молния. Её гибкий хвост обвился вокруг тела непослушного детёныша и решительно, гневно отволокло от меня в сторону, отбросив на землю. Одна голова Молнии была чуть меньше по размерам всего Пингвина целиком. Она рыкнула на него. Он огрызнулся. Получил промеж рожек хвостом и наконец угомонился. Под недовольный клёкот возмущённых брата и сестры.

Молния со своими разобралась. Мне предстояло сделать то же самое.

– Вы не ранены? – обратилась я к насмерть перепуганной девушке.

– Нет, моя госпожа, – всхлипнула она испуганно.
Остальные тоже робко жались, пятась в сторону двери.
– Идёмте, – велела я.

Девушки поспешили к выходу. Я замыкала шествие.

– Пока, Пингвин! – крикнул сын и прощальный рёв его огорчённого товарища прозвучал завершающим аккордом в этой симфонии абсурда.

Верная Турхан Бэш встретила меня на выходе из Драконьего Дома. Внутри она не входила ни при каких обстоятельствах.

– Это никуда не годится, – холодна выговорила я ей. – Они снова не уследили за ним.

В глазах Турхан промелькнуло странное выражение:

– Простите.

– Сделай с этим что-нибудь. Неужели так сложно найти верных людей, на которых можно положиться?

– Я решу этот вопрос, госпожа.

– Реши.

Я чувствовала, что поступаю не совсем правильно. Недовольство собой лишь усиливало дурное расположение духа.

Поведение сына порой пугало меня. То, что я не могу контролировать драконов, пугало меня. Да, они ещё детёныши, но они могут быть разрушительными. Всё, совершенно всё было не так, как надо. Начиная с дурацкого имени – Пингвин.

Турхан передала мальчика его учителю, а сама последовала за мной. Она была для меня не только придворной дамой и наперсницей, но в какой-то мере другом. Одной из немногих людей, которым я доверяла.

– Госпожа, я не могу не отметить, что, девушки, конечно, виноваты. Но, как не неприятно вам будет это слышать, юный принц ведёт себя слишком вольно.

– Он ещё совсем ребёнок, – холодно отозвалась я, опускаясь в кресло и принимая из рук Турхан бокал с прохладной водой, подкислённой лимоном. – За ним просто нужно лучше следить.

– Он ребёнок. Но он ловко умеет сбегать от своих нянек. Чем подставляет и себя и их.

И снова к груди подкатил комок ледяной ярости. Да как она смеет судить меня?! Мой сын – принц!

«Вот именно, – шепнул невидимый собеседник. – Ты растишь его как обычного мальчишку. Балуете. Он не учится тому, чему должен. Но он не просто мальчишка, который, после того, как ему исполнится семь, пойдёт сначала в школу, потом сдаст ЕГЭ, поступит в университет, дабы грызть гранит науки. Твой сын – Санистор. Порок, кровь, магия у него в крови. Его уже сейчас радует чужие страхи и боли. Ему нравится причинять людям боль. Нельзя его баловать. Нельзя. Его нужно приучать к ответственности, учить сдержанности».

– Госпожа? С вами всё в порядке?

– Почему ты спрашиваешь? – устало спросила я.

– Вы так резко побледнели...

– Голова разболелась. Видимо, это от перепада давления. Когда летаешь, там, на высоте, воздух разряжен.

– Хотите, чтобы я натёрла вам виски яблочным уксусом?

– Нет. Оставь.

Сыну нужна твёрдая рука, а не мать, которая потворствует ему во всём, не помня себя от страха за его жизнь. Нужен кто-то, кто лучше меня понимает эту глубинную связь с драконами.

Они кровожадны. Иногда всадник способен обуздать дракона, но иногда их звериные инстинкты захлёстывают нас. И тогда мы тоже начинаем получать удовольствия от вида крови и пламени. Связь – она всегда такая. Взаимозависимость – это то, что работает в обе стороны. У дракончиков Молнии всадников нет, но чем больше они растут, тем больше влияют на меня.

– Вы правда планируете вернуться в Чёрную Цитадель? – вывел меня из задумчивости голос Турхан.

Я не обдумывала. На самом деле решение мной было уже принято. Обдумывала я лишь способ, каким можно покинуть Оруэл. Отец меня не отпустит. Он будет чинить препоны.

– Я не исключаю такой возможности.

– Госпожа возьмёт меня с собой?

– Конечно, – не задумываясь, сказала я.

Хотя не была так уж сильно в этом уверена. Если придётся бежать, то сделать это проще всего на драконах. Молнии не составит труда перенести троих седоков вместо двоих. А по ту сторону моря всегда пригодится верный человек. Даже если Турхан служит не одному хозяину... не то, чтобы я не доверяла. Просто допускала

возможность. Пусть шпионит, если решится. Будет через кого сливать нужную дезинформацию.

Отец вызвал меня к себе после обеда. Неофициально. Пригласил прогуляться в апельсиновой роще. Он часто прогуливался там после обеда. А я нередко составляла ему компанию.

За последние полгода он постарел и осунулся. Дела государственные никому не идут на пользу, если заниматься ими в полную силу. Какое-то время мы просто шли рядом, и песок тихо поскрипывал под нашими ногами.

– Я знаю, ты обдумываешь способ вернуться, – сказал Зигмунд, не глядя на меня. – Ты всегда этого хотела, а уже если ты чего-то решила, ты этого добьёшься. Такая уж ты есть. Всегда такой была. Упёртая, как рок.

Я смолчала. Одна я знаю, что я была такой не всегда. Что на самом деле я и Анжелика Ванхелия совершенно разные лица. Хотя, если так подумать? Ну, чисто теоретически, могла её душа умереть после ритуала здесь, прожить какое-то время, как Ангелина Владимировна совсем в другом измерении, а потом вернуться? Теоретически могло быть что угодно. И думать об этом совершенно бессмысленно, потому что от этого совершенно ничего не меняется.

– Что молчишь? – возвысил голос отец.

– А что я должна сказать?

– Правду.

– Правду? Извольте, ваше королевское высочество, господин отец. Правда в том, что есть множество причин исполнить волю Чернокнижника Атайрона, и я могу озвучить, почему это разумно. И нет причин эту волю не исполнять.

– Озвучь, – прозвучало как приказ, которому я охотно подчинилась.

– Нам не нужна война, в которой мы заведомо проиграем. Даже просто затяжная и кровопролитная война не нужна никому.

А если я не вернусь, Атайрон вынужден будет драться. Наличие племянника позволит ему сохранить регентство, пусть и разделив его со мной, без Ангэя Санистора же кто такие Хасепти?

– Именно поэтому ты так рвёшься к своему бывшему деверю?
– насмешливо протянул отец. – Вождедея исключительно мира?

Кровь бросилась мне в лицо, а потом резко отлила от него.

– Я жажду спокойствия и уверенности в том, что мой сын в безопасности.

– Разве здесь он не в безопасности?

– Рядом с вашей женой?.. Прикажите солгать вам, ваше величество?

– Говори мне правду.

– Чернокнижнику племянник нужен живым. А вот партия, стоящая за спиной вашей жены, жаждет моей смерти, но ещё больше – смерти моего сына. Олиера не уймётся, пока не сживёт нас со свету. И рано или поздно я вынуждена буду отвечать ей, защищаясь.

На какое-то время тишина вновь повисла между нами, тяжёлая и вязкая, словно смола.

– Отошлите меня, отец. Сохраните мир. Сохраните жизни. И дайте нам всем пожить в спокойствии хотя бы ещё немного.

– Если я отдам Хасепти такой крупный козырь, рано или поздно он станет претендовать и на мою корону.

– Разве не я ваша законная наследница? И разве не вы сами назвали меня вашей преемницей?

– Это было до того, как у меня родился сын! Я могу решить этот вопрос иначе, выдав тебя замуж.

– Я не соглашусь выйти замуж по вашей указке.

– Ты посмеешь не подчиниться воле своего отца, дерзкая девчонка?!

– Во имя жизни моего сына – ещё как посмею.

– Ты в моей власти. Ты всего лишь слабая женщина. Сделаешь так, как велю.

– На моей стороне драконы. И на моей стороне армия Чернокнижника.

– Он не посмеет двинуться на меня свою орду, зная, что вы в моих руках.

– Вы станете держать в заложниках собственную дочь и внука, отец?

Мы обменялись тяжёлыми взглядами.

Сердце моё трепетало от ярости и жажды действия. Да, у меня есть драконы. Но они в подземелье. И достаточно будет просто не дать Молнии взлететь...

Зигмунд вздохнул и тяжело опустил руки на мои плечи. Он глядел мне в глаза:

– Ты моя дочь, Анжелика. Моя плоть и кровь. Я не наврежу тебе. Никогда.

– А Олиера? Она дважды пыталась меня отравить и трижды нанимала наёмников, чтобы перерезать мне горло.

– Это лишь твои слова. Доказательств нет.

– Плевать я хотела на доказательства! Ей нужна моя смерть. И если она ударит ещё раз, учтите, я отвечу ударом на удар. И, в отличие от неё, я не промахнусь.

Развернувшись, я решительно направилась прочь.

В голове моей зрел план.

Глава 4

Будучи в своей прошлой жизни Ангелиной Владимировной, я никогда не была интриганкой. Да что там – даже банальные сплетни меня интересовали мало. Конечно, с одной стороны, строя карьеру учителя истории, ради чего плести интриги? Чтобы захватить побольше работы, которая оплачивалась простым «большое вам человеческое спасибо плюс премия в полторы тысячи»? Мотивация – делатель прогресса. По крайней мере в том, что касается интриг.

Нет, мастером «тайн мадридского двора» я не стала, но, захочешь жить – научишься чему угодно. Я черпала вдохновения в сериалах и исторических сценах, дошедших до «моего времени в прошлой жизни».

Итак, что я имела в активе? Драконы – раз. Царское происхождение – два. Веру в то, что Атайрон, при известных обстоятельствах, будет моим союзником – три. В последнем я не сомневалась. Мы нравились друг другу в прошлом и только Эвил не дал этой симпатии развиваться в нечто большее. Но, даже если отбросить этот факт, Атайрон окажется поддержку племяннику из политических и родственных предпосылок. В любом случае в Цитадели ни у кого нет мотивов видеть меня мёртвой.

В отличие от Оруэлла. Драгоценная мачеха рискнёт всем, чтобы сжить меня со свету.

«Ты безумна, – качал головой отец на мои слова об опасности, что угрожает мне и сыну, – никто в здравом уме не станет угрожать

тебе в моём дворце. За смерть родной дочери я отрублю голову жене».

Если только не скончаешься первым, папенька. Логово моих драконов окружают баллисты. Когда я парю на Молнии в небесах – все они не более, чем детские игрушки и выглядят не опаснее иглы для взрослого дракона. Мы спалим их одним выдохом пламени.

Когда мы в воздухе. Но когда дракон взлетает пять десятков баллист вполне способны его уничтожить. Тело драконов покрыто плотной чешуёй, её не пробьёшь, но крылья-то – перепончатые. Их порвать можно. А на земле дракон не так маневрен, как в воде или воздухе. Баллисты способны держать под контролем драконов, значит, и меня. Расправившись со мной, Олиере достаточно закрыть купол и не дать драконам подняться в воздух. Она может попытаться их сжечь. Горят ли драконы? Скорее всего нет. И когда сгорит их логово, мои четыре клыкастых друга поднимутся в небеса и за всё отомстят. А вот если их станут расстреливать и рубить...

Человек найдёт способ расправиться с любым монстром. Хоть с самим дьяволом. Когда доходит до уничтожения, людям нет равных в изобретательности. Увы, но это печальная правда.

В любом случае в своём Логове мои ужасные, но любимые питомцы находятся в заложниках. Да, мне разрешают летать над городом. Пока мой сын находится внизу. С ребёнком летать мне не позволяют, якобы пекутся о безопасности. Как же, как же...

О каждом моём шаге во дворце доносят отцу и Олиере их шпионы. Так же, как о мачехе мне доносят мои.

Пробраться ночью к драконам и улететь в Цитадель – этот вариант пришёл мне в голову первым. При всей естественности и простоте такого порыва реализовать его не так-то просто. Мои покои сторожит моя же стража, стражники стоят вдоль всего коридора и у входа в Логово. Это, не говоря о многочисленной придворной свите, большинство из которых любит таскаться днями и ночами по переходам дворца. Плюс – лучники на баллистах.

Нет, рисковать жизнь драконов и сына – практически всем дорогим, что у меня было в этой жизни, – я стану в последнюю очередь. Когда не останется ничего другого.

План «В» всегда сложнее в исполнении и требует больших усилий. Зато чаще всего последние себя оправдывают. Нужно заставить отца отправить меня к Атайрону в Тёмную Цитадель. А

чтобы он решился на этот шаг, у него не должно оставаться даже тени сомнений в том, что его вторая половина представляет угрозу для меня и моего сына.

После последнего покушения Олиеры прошло почти полгода. Она пыталась отравить меня при помощи одежды. В краситель моих нарядов зелёного цвета добавлялась мышьяк. В больших количествах. Благодаря моей эмпатической и магической связи с драконами, которой драгоценная Олиера ничего не знала, её задумка потерпела фиаско. Погибла лишь служанка, ухаживающая за моим гардеробом. Хотя что значит «лишь»? Очень много, когда ты попадаешь в эту категорию. Жизнь – это всё, что у нас есть. Как бы незначительны мы не были для других, для себя мы – вселенная. Можно ли о чужой вселенной сказать «лишь»?

Доказать вину мачехи в очередной раз не вышло. Я лишь поставила очередную галочку напротив её имени. Я не господь. Аз воздавать не буду. Просто считаю, изучаю и... думаю.

Мачеха пыталась убить меня ядом несколько раз. Пыталась подрезать подпругу коня и даже узду у дракона! Меня ничто не брало.

Тогда я подослала к ней своего человека. Этот человек даже не знал, что он мой. Длинная получалась цепочка. На самом деле сам этот человек даже не подозревал, что состоит в конце выстроенной цепи, что я плела почти год. Он был искренне предан королеве-матери, но у него были союзники, которые лили воду на мою мельницу.

Он активно советовал королеве устроить прямую расправу. Против ножа, прямо направленного в сердце жертвы, трудно выстроить. Случайности в этом случае почти не работают. Нож, при всей его незамысловатой простоте – всегда нож. Не больше, не меньше.

План мой был прост. Верный королеве человек нанимал убийцей верного мне человека. И тот должен был организовать покушение, что не оставило бы никаких сомнений в наличии последнего. Мне необходимо поставить царственного батюшку перед выбором: либо казнить свою Олиеру за покушение на меня любимую, либо... отпустить меня с миром и замять скандал.

Недаром говорят, что всё гениальное просто. Но всё простое отличается невероятной сложностью. И требует колоссального

вложения сил и терпения. Создать волну предстояло Олиере, я должна была успеть её оседлать.

И, конечно же, были риски...

Верный мне человек доложил, что наши враги готовы нанести удар. И фигуры встали на шахматной доске в правильной позиции. Пришло время для решительного рывка.

Я не верила в местных богов. Признаться, я вообще-то не слишком религиозна. Мне нужно было спокойное место, где я могла бы уединиться, обдумать всё и успокоиться.

Последнее, судя по царившей в моей душе буре, мне не грозило. Страх не оставлял меня ни на минуту. Страх и гнев, что мне не оставили выбора.

Опустив голову на руки, сложенные на алтаре, я в сотый раз прокручивала в голове ситуацию и убеждалась, что делаю правильный выбор. Если хочу сохранить нам жизнь, а для сына – трон. Надо создать волну, оседлать её и выбраться на безопасный берег. Или продолжать барахтаться над пучиной, рискуя в любой момент утонуть.

Однако, волна может захлестнуть с головой...

Время тянулось медленно. Как и всегда. Словно я жду-не дождусь сложного экзамена. И страшно идти вперёд и хочется, чтобы всё это осталось уже, наконец, позади. С другой стороны, жизнь наша такова, что, не успеешь закрыть за собой дверь, отрезая от себя один кошмар, как перед тобой организуется следующий ужас.

Кто знает, что на самом деле ждёт меня в Цитадели?

– Госпожа, – шепотом обратилась ко мне Турхан, помогая переодеться перед обедом. – Всё готово. Они приказали сделать это сегодня вечером.

На мгновение сердце будто покрылось тонкой корочкой льда. Я ещё подивилась собственным предчувствиям – ведь не обманули! С другой стороны, любое предчувствие имеет под собой скорее реальную, чем мистическую основу. Просто наше подсознание выдаёт информацию, которую сознание обрабатывать не успевает.

Турхан выжидающе смотрела на меня, и я молча кивнула, стараясь сохранять спокойствие. Моё отражение в зеркале стремительно теряло цвет, словно выцветало.

– Не волнуйтесь, госпожа, – поспешила успокоить меня Турхан. – Всё пройдёт хорошо. Чёрный Капюшон знает своё дело. Я

верю Баниферу. Он не позволит случиться осечке.

– В таких делах легко ошибиться.

– Игры со смертью всегда филигранны, госпожа. Ошибки дорого стоят. Тот, кто в них играет, это не забывают. Накапать вам мятных успокаивающих капель?

– Да, пожалуйста, – устало кивнула я.

Турхан поспешно кинулась исполнять мои пожелания.

– Ангэй точно будет крепко спать? – опрокинув капли так, словно это была водка, спросила я моё доверенное лицо, морщась от вкуса успокоительных капель и вместе с тем необходимости по сотому разу спрашивать одно и то же.

Впрочем, необходимости в этом не было – была потребность.

– И это средство? Оно ведь наркотическое. Оно может навредить моему сыну?

– Не волнуйтесь. Всё будет хорошо.

На её месте я сказала бы себе тоже самое, а на своём я как-то не торопилась в это верить.

– Маковые настойки дают в крайних случаях, и это именно такой. Принц просто заснёт, а когда проснётся, всё будет кончено, – продолжала ворковать Турхан. – Он ничего не увидит, не узнает и не поймёт.

Понурившись, я кивнула.

– А эта несчастная девушка?.. Она-то почувствует.

– Чёрный Капюшон обещал сохранить ей жизнь. Позже мы щедро заплатим ей за всё, до конца дней несчастная ни в чём не будет знать нужды.

– Если выживет, – горько вздохнула я.

Это мерзко, платить за своё благополучие чужим. Но... смысл об этом раздумывать, когда уже решился и дал согласие? Смысла нет. Но голос совести не утихал, звучал и звучал, изнуряя и выматывая, как не пыталась я его заговорить, усыпить или заткнуть. В итоге я смирилась. За всё приходится платить.

«За смерть платят жизнью», – сказала ведьма в одном фильме.

Одна жизнь за шесть. Только тот, чьей жизнью будут рисковать, на это не подписывался.

Необходимая жертва...

Есть ли в этом мире те, кто стоит у власти, не запачканные с ног до головы в кровь? Никто из нас этого не хочет. Никто из нас этого не избегает. Замолчи, проклятая совесть, как бы не был громок твой голос – всё будет, как решено. Я не отступлюсь. Слишком многое, для меня важного, поставлено на карту.

Фигуры на доске заняли нужные позиции. Пора объявлять противнику «шах». Но есть шанс самой получить «мат».

Это было настоящей пыткой, спуститься к столу, сесть рядом с Олиерой, сияющей жизнерадостными улыбками, которые она в этот день расточала особенно щедро, всем и каждому, включая меня. Смотреть на эту гидру и знать, что она уже вложила нож в руки убийцы, и возможно именно этот факт и является причиной её хорошего настроения.

– Отведайте кормарье, дорогая. Блюдо сегодня вышло особенно удачно.

– Непременно, матушка, – ответила я с не менее лицемерной улыбкой, хотя и сомневаюсь, что лицемерить у меня получалось столь же легко и непринуждённо.

Но я старалась и училась.

Я терпеть не могла кормарье и не для кого при дворе это не было секретом. Свиная корейка под соусом из красного вина и экзотических специй.

– Не злоупотребляйте пейн рагуном.

– Ваша забота о моём здоровье так трогательна, – захлопала я ресницами.

Пришлось давиться названным лакомством, больше всего похожим на современную конфету. Пейн рагун готовился из смеси мёда, сахара и воды, томящихся на медленном огне, с добавлением молотого имбиря.

– Я слышала, что юный принц Ангэй сегодня вновь сбежал в Логово? И что драконы сегодня были почти неуправляемы? Право же, уже пора завести мальчика для битья. Ваш сын должен учиться ответственности.

Я ответила холодным взглядом, даже не пытаясь улыбнуться.

– Не слишком ли много нравочений за один вечер, матушка?

Я знала, что королева-мать терпеть не могла подобного обращения от меня и злоупотребляла им при каждом удобном и

неудобном случае.

– Если я и злоупотребила ими, поверь, лишь из лучших побуждений. Мальчик слишком неуправляем для своих лет. У меня с сыном тоже были проблемы, но опытные наставники всегда помогут правильно решить проблему.

– Полагаю, вы хотите сделать рекомендации? Охотно их выслушаю, но давайте поговорим об этом с утра. Вечер – время расслабиться после трудного дня.

– Конечно, – вынужденно согласилась она со мной.

Музыканты продолжали играть на флейтах и арфах, услаждая наш слух сладкоголосыми слащавыми мелодиями. Вскоре к ним присоединились и певцы-трубадуры.

После застолья обычно танцевали. Обильные возлияния за столом требовали движения, танцы прекрасно закрывали эту потребность. При дворе всегда было много красивых и интересных мужчин, флиртовать с которыми одно удовольствие. Недостатка в мужском внимании я не чувствовала. Дочь короля, пусть и не юная дева, но достаточно молодая и красивая, даже по средневековым меркам, пользовалась успехом.

Моя репутация недотроги подстёгивала амбиции прославленных придворных красавцев, не привыкшим получать отказ. А поскольку при дворе ничто долго не могло удержаться втайне, то вскоре моя воздержанность на любовном поле вошла в легенду и даже мой духовник поглядывал на меня с подозрением: молодым людям положено подвергаться «томлениям плоти» как это здесь называется.

Но моя плоть меня не томила, не искушала и жили мы с ней душа в душу, если можно так выразиться.

Мне и без любовников хватало проблем по уши. Политика, интриги, драконы, заботы о ребёнке и некоторые государственные проекты – всего этого мне вполне хватало для того, чтобы не скучать. А прекрасные куртуазные речи нисколько не зажигали моего сердца. Чем больше пыла проявлял очередной кавалер, тем меньше я ему верила.

Мне вполне хватало флирта и танцев для развлечения. Моя целомудренная воздержанность создала мне репутацию женщины с холодным сердцем, почти жестокой.

Мужчины не больше женщин склонны терпеть отказы. Особенно после авансов или того, что они за них приняли. Я старалась не наживать себе врагов, держаться в стороне от каждого, кто был достаточно дерзок и амбициозен, чтобы бросать на меня вождедеющие взгляды. Никого не выделять. И всё равно наживала врагов там, где приходилось говорить твёрдое «нет».

– Ваше Высочество?

Знакомая светлая голова склонилась в приветственном поклоне.

– Лорд Дархомир? Вы вернулись ко двору?

– Вы не рады меня видеть?

– Я предполагала, что вы находитесь в ваших землях. Слышала, там сейчас неспокойно?

– Несколько знаменосцев посмели затеять небольшую смуту.

– С чего бы им такое затевать?

– Всё как обычно, не поделили кусок каменистой земли. Право же, принцесса Анжелика, это вовсе не то, о чём мне хотелось бы говорить с вами сейчас.

– А о чём вы желаете говорить, милорд?

– Вы прекрасны. С тех пор, как мы познакомились с вами, вы лишь хорошеете.

– Это несложно. С учётом того, что мы познакомились с вами не при самых приятных обстоятельствах.

– Я счастлив, что все печали остались в прошлом. Но скажите, правдивы вы ли последние слухи?

– Слухи так часто распространяются, что сложно сказать, какие из них – последние. Если бы вы рискнули уточнить, что именно вас интересует, лорд Дархомир?

– Говорят, что Его Высочество всерьёз ведёт разговоры о вашем замужестве?

Я смерила моего собеседника взглядом, мотая на ус услышанное.

– Именно это меня интересует, как одного из ваших самых верных подданных, – к концу фразы голос Северьяна Дархомира так и сочился сарказмом.

Он помнил нашу с ним любовную связь, а я, естественно, нет. Потому что он был первым мужчиной принцессы Анжелики. Которая

в тот светлый момент собственной персоной пребывала в моём теперешнем теле. Именно за этот факт и многочисленные сальные намёки я и недолго любила господина лорда. Человеком он был... сложным. В нём много чего уживалась. Но правда в том, что он, пусть по-своему, всегда оставался для меня верным и надёжным человеком, на которого в трудный момент я всегда могла опереться. Хотя в его жизни давно уже была другая женщина. Или, если уж отражать факты как они есть – женщины. Смелый авантюрист, красивый мужчина, отличный боец. Да и происхождение у него было самое, что ни на есть, благородное.

– Мне о планах отца ничего не известно. Но если и так – что с того?

– С того то, – он прижал меня к себе чуть сильнее, чем того требовала фигура танца и разрешали правила приличия, – что я, возможно, хочу рискнуть и выдвинуть свою кандидатуру.

– Не думаю, что вы преуспеете. Все эти разговоры нужны лишь для того, чтобы оттянуть неизбежное.

– Что вы называете неизбежным, принцесса? – прямо спросил лорд своим чуть хриловатым, низким голосом.

– Моё возвращение в Цитадель, милорд.

Танец закончился, и я с чистой совестью откланялась.

Я изо всех сил старалась казаться спокойной и непринуждённой, а час «X» тем временем всё приближался.

Обычно я удалялась с ужина без предупреждений, но в этот раз мне нужно было шоу. Поэтому я поспешила к отцу, восседающему на высоком помосте. Олиера в этот раз тоже не танцевала, оставаясь сидеть на месте.

– Разрешите мне удалиться в свои покои, отец, – обратилась я к его высочеству.

– Ты жаждешь покинуть нас в столь ранний час? Ещё даже не подали десерт?

– У меня мигрень. От музыки она только усиливается.

– Частая мигрень может быть признаком серьёзного заболевания, – тоном, полного соболезнования, проговорила Олиера.

– Уверяю вас, что нет ничего страшного. Лягу сегодня в постель чуть раньше и завтра всё пройдёт.

– Видимо, последние новости повлияли на вас не лучшим образом, – вздохнул король Зигмунд, потянувшись к кубку с вином.

– Так я могу идти, ваше высочество?

– Конечно, ступай. Отдохни. И выздоравливай скорее. Грядут беспокойные времена.

– Будто когда-то они бывали спокойными, – буркнула Олиера, отворачиваясь в сторону, словно заинтересовавшись кувырками акробатов, которые последние проделывали под пронзительный визг волюнок. От которых голова начинала болеть вполне натурально, без всякого притворства.

Приближённые фрейлины вынужденно следовали за моей спиной, впереди шагала стража. Вся эта чинная процессия распалась у входа в мои покои. Большинство фрейлин я отпустила, оставив лишь самых надежных и верных.

– Сибил, дорогая, – попросила я одну из них, – будь так любезна, распорядись приготовить воду в купальне. Хочу принять горячую ванну, без которой, чувствую, мне сегодня не уснуть.

– Как прикажете, принцесса.

– Ступай.

Всё было как в дыму или как во сне. Пальцы Турхан, зарывающиеся в мои волосы, расплетающие сложную причёску. Зажигающие свечи девушки. Я как раз успела снять тяжёлое парчовое платье и мне на плечи набросили бархатный халат на алой шёлковой подкладке, как дверь распахнулась и Ангэй, в сопровождении своих гувернанток вошёл в мою комнату.

– Мамочка! Я пришёл пожелать тебе спокойной ночи! – радостно оповестил сын и без спроса забрался ко мне на высокую и широкую кровать.

– Простите, ваше высочество, но он сегодня никак не хотел лечь в кровать, пока не увидится с вами, – вздохнула одна из сопровождающих сына молодая женщина.

– Ничего, – кивнула я.

Взрослея, Ангэй становился всё требовательнее. С ним было нелегко. Особенно слугам.

– Турхан, принеси сыну горячего молока на ночь.

– Но мама! – возмутился сын. – Я не хочу горячего молока.

– Не капризничай. Молоко помогает организму расслабиться перед сном.

Я нервничала, и сын чувствовал мою нервозность. И, судя по громким воплям, несущимся со стороны Логова, драконы – тоже.

Ангэй скатился с кровати, как с горки и бросился к распахнутому окну, опережая охнувших от испуга девушек:

– Слышишь, мама? Они сердятся! – радостно сообщил он, опираясь локтями на подоконник.

– Ваше высочество! – схватив его за руку, девушка постаралась оттащить мальчика от окна. – Осторожнее! Это опасно.

– Пусти меня! Ты не имеешь права трогать меня! Я – сын короля!

Девушка вскинула на меня испуганные, вопрошающие глаза. Я знаком велела закрыть окно.

– Вернись в постель, – приказала я сыну.

– Я...

– Немедленно. И, если без капризов выпьешь молока, я разрешу тебе остаться со мной на ночь.

– Правда? Отлично! Турхан, давай сюда бокал.

Турхан молча шагнула к Ангэю, протянув ему серебряный поднос с бокалом молока. Мы обе не сводили с мальчика глаз.

Моя верная наперсница знаком разрешила девушкам уйти, и мы остались втроём.

– Кажется, собирается гроза? – вздрогнула я, увидев темнеющую гряду, надвигающуюся с северо-востока.

– Это здорово! Я люблю грозу, – радостно сообщил Ангэй, раскидываясь на подушках.

– Любите, ваше величество?

– Она красивая. Чёрная и блестящая. Драконы тоже чувствуют грозу? Слышишь, мама, их голоса?

Я слышала. И мне с каждой минутой становилось всё тревожнее и страшнее. В отличие от Ангэя я грозу не любила.

– Мама, расскажи мне сказку, – лихорадочно блестя глазами, попросил малыш.

Я чувствовала себя чудовищем. Я готова была передумать и, схватив ребёнка, просто убежать из комнаты. Мне хотелось, как страусу, зарыть голову в песок.

Но вместо этого я тихо спросила:

– Какую сказку тебе рассказать, моя сладкий?

– Расскажи про драконов.

– Может, лучше про пингвинов на льдине?

– Нет. Сегодня я не хочу слушать про лёд. Сегодня я хочу слышать про пламя.

Мне всюду мерещились зловещие знаки. Лицо Турхан было бледным, словно у призрака. Полагаю, моё было не лучше.

Ангэй заснул довольно быстро – зелье делало своё дело.

– Ступайте в купальню, госпожа, – схватив меня за руку, она потянула меня в сторону двери. – Как только вы выйдете, я поставлю свечу на окно. Это будет знаком.

– Турхан, нет! Безумием было даже думать об этом! Я не оставлю моего спящего сына наедине с убийцей! – горячо зашептала я.

– Принцесса, возьмите себя в руки. Подумайте о том, что сегодня мы можем контролировать подосланного к нам убийцу, потому что успели перехватить и переплатить, заставив работать на нас, но завтра?.. Завтра наши шпионы могут не сработать. Или убийцы попадётся честный, – её усмешка была невесёлой, даже зловещей. – Мы всё контролируем.

– А если нет?..

– Да! Ступайте. Я велю его няне лечь рядом.

Дрожа от волнения и напряжения, я всё-таки подчинилась. Не время паниковать. Не время. Нужно следовать заранее намеченному плану.

Из своей спальни я вышла через потайной ход, который сокращал вход к купальне. И позволял врагам думать, что я всё ещё у себя в спальне.

Мы договаривались, что я должна пробыть в купальне не менее получаса. Боже, что это была за пытка! Всё вокруг выглядело таким мирным: тёмная вода в чаше с бассейном, молчаливые девушки, подававшие мне горячие полотенца, ароматные мыла и фрукты. Далёкие зарницы.

Я тщетно прислушивалась, стараясь уловить какие-то звуки. Но вокруг царила мёртвая тишина. И сердце моё леденело, рисуя всякие ужасы.

Я, видимо, сошла с ума, что дала уговорить себя. Что пошла на поводу у моих людей. Как мне могли показаться разумными их доводы? Мои собственные доводы?

Как я могла выпустить из рук сына?!

– Подайте мне халат! Срочно! – нервы мои всё-таки не выдержали напряжения.

Девушки бросились ко мне с полотенцами. Я едва сдержалась, чтобы не выскользнуть из их рук полу-мокрой. Мне хотелось бегом бежать к себе, пусть даже босиком или нагой! Лишь одно удерживало меня – любое моё неосторожное поведение позже сыграем против меня.

И я заставляла вести себя спокойно, хотя душа рвалась из тела.

Мы не спеша двинулись вперёд по коридорам, освещённым жаровням и факелам.

И едва поднявшись на этаж слышали дикие крики.

Девушки переглянулись, а я бегом рванулась вперёд.

У моих покоев собралась целая толпа людей: слуг, придворных, стражников. Все они громко кричали, но при моём появлении замерли.

Краски и звуки отдалились, выцвели и пропали. Я словно вернулась в те страшные времена, когда Эвил умер у меня на руках.

– Анжелика! – из серой толпы на меня словно выдвинулось бледное лицо короля Зигмунда.

Я перешагнула через тело одного из стражников, распростёртого на полу. Горло ему перерезали чисто и умело, от уха до уха. Второй сидел, привалившись к стене и смотрел перед собой невидящими глазами.

Всё пошло не так! Никто не говорил мне о смерти этих людей, а значит...

Я немного пришла в себя, лишь прижав спящее тело сына к своей груди. Ангэй был жив, его тёплое тело доверчиво прижалось ко мне, с губ срывалось равномерное дыхание.

Девушка, лежавшая с ним, была окровавлена, но тоже ещё дышала.

– Анжелика!.. – король Зигмунд помог мне удержаться на ногах, когда я пошатнулась.

– Помогите девушке! Она ещё дышит.

Замерзшие в дверном проёме придворные словно вновь обрели способность двигаться лишь после того, как услышали мой голос.

– Турхан! Где Турхан?!

– Я здесь, госпожа! Позвольте, я возьму у вас ребёнка.

– Нет!!!

– Анжелика, отдай ей сына, – голос отца был мягок, но твёрд.

– Теперь он в безопасности.

– В безопасности?! – я с яростью, едва ли не с ненавистью взглянула в лицо отца. – В безопасности?! По чистой случайности меня едва не прирезали в собственной постели! Не смейте мне говорить о безопасности!

Ропот раздавался за моей спиной. Зрелище выглядело весьма живописно, хотя это слишком циничное описание сложившейся ситуации. Но всё это впечатляло.

На что и было рассчитано.

– Анжелика!

– Где ваша жена, отец?

– Анжелика, не думаешь же ты?..

– Что я должна думать?! Кому ещё здесь выгодна моя смерть?!

– Мы сумели схватить убийцу, ваше величество, – заявил начальник личной охраны. – Клянусь жизнью, он заговорит!

– Заговорит? О, конечно! Если только те, кто не нанял его, не заставят его замолчать навеки.

Лицо отца темнело. Помыслить о том, что я могла устроить всё сама он не посмел бы. Да я и не устраивала – я всего лишь знала и подыграла, остальное Олиера сделала сама, без моей помощи. Выводы были очевидными. Других сделать он не мог.

– Я велю срочно приготовить вам другие покои, Анжелика. Вы будете в безопасности...

– В вашем дворце, рядом с вашей женой убийцей я нигде не в безопасности, – с горечью заявила я, поставив финальный аккорд. – Я не останусь здесь дольше необходимого ни на минуту. Если вы мне воспрепятствуете, значит, вы заодно с моими убийцами.

Глава 5

Меня трясло. Я была в ужасе и ярости от всего случившегося, но больше всего я злилась на саму себя, хотя в тот момент и пыталась заниматься самообманом. Мол, я ведь не знала о том, что стражники погибнут? О том, что необходимо сохранить жизнь девушке было оговорено заранее. Мне так же обещали, что жизнь самому наёмнику сохранят, но теперь я сомневалась...

Но на самом деле я знала. В глубине души. Я негласно согласилась с чужой смертью. Или не продумала этот момент – какая разница? Смерть этих людей на нашей с Олиерой совести.

Сын так и не проснулся.

– Дай мне вина, – каркающим голосом велела я Турхан.

Не задавая вопросов, она выполнила распоряжение. Я залпом опрокинула его, даже не почувствовав вкуса. Мне хотелось напиться и обо всём забыть.

Ничего не поделаешь. Я этого не хотела, но иначе – как? Чтобы победить чудовище, нужно самому стать чудовищем. Или дать себя растерзать. Ладно бы меня, но сына я не отдам.

– Всё хорошо, госпожа, всё прошло...

– Ещё ничего не прошло! – возвысила я голос. – На самом деле всё только начинается.

Гроза, наконец, разразилась над городом. Ливень гремел по водостокам. Ветер завывал в щелях и трубах.

– Опустит ставни, – велела я Турхан.

Буря казалась плохим предзнаменованием.

Что ж? Смысл теперь о чём-то волноваться, каяться? Кости брошены и игра началась. Будем грести, пока не потонем или не выплавем.

Обняв сына, я провалилась в сон, а когда проснулась, солнце ярко светило на небосводе, а от вчерашней непогоды не осталось и следа.

– Принцесса, – склонилась надо мной Турхан, – королева Олиера уже полтора часа дожидается вашего пробуждения, сторожа у дверей.

Сон с меня как рукой слетел. Змея приползла быстрее, чем я рассчитывала. Предстояла очередная сцена, что б его!..

Утренние омовения королей и королев, принцесс и принцесс – целая церемония и занимает она немало времени. Перейдя в другую

комнату, где мои фрейлины уже успели приготовить всё необходимое: платье, чулки и румяна с гребнями, – я кивнула.

– Впустите.

Олиера ворвалась в двери смерчем. Выглядела она бескровной, но собранной и решительной.

– Доброго утра, принцесса.

– Благодарю за добрые пожелания. Боюсь только, что дожила я до него не вашими стараниями, а вопреки им.

Олирена скорбно поджала губы и вскинула голову:

– До меня дошли слухи, что в случившемся вы вините меня. Мне горько это слышать, ведь я желаю мира между нами всем сердцем!..

Я вскинула ладонь, жестом призывая женщину к молчанию.

– Оставьте нас, – велела я своим девушкам.

Турхан, выразительно взглянув на меня, едва заметно покачала головой, явно не желая оставлять нас с королевой-матерью наедине.

Но я своего решения не отменила. Некоторые слова лучше произносить без свидетелей.

Дождавшись, пока девушки с поклоном удалилась, я развернулась к моей сопернице. И моему главному врагу при дворе отца.

– Я понимаю, что говорить начистоту вам будет сложно, но лгать бессмысленно.

– Не понимаю, почему вы упрямо стоите на своём и обвиняете меня во всех смертных грехах. Чтобы я не делала, как бы не старалась понравиться вам все эти годы...

– Вся ваша переписка с Чёрным Капюшоном находится у меня, Олиера. Я была в курсе всех ваших интриг, что вы плели против меня последний месяц. Если, конечно, подготовку заказного убийства можно назвать интригой.

Она замолчала, видимо, прокручивая информацию в голове.

– Не понимаю, о чём вы, принцесса, – продолжала она упрямо стоять на своём.

Даже не знаю, восхититься подобной упорности или позабавиться ею?

– Полагаю, когда я передам ваши письма отцовским советникам, она доходчивее меня разъяснит вам суть дела.

Маска дружелюбия наконец слетела с её лица, уступив место открытой ненависти. Да неужели?..

Она всё ещё колебалась, всё ещё не была уверена, всё ещё желала отрицать очевидное.

– Олиера, давайте поговорим на чистоту? Быть может, в первый и в последний раз в жизни. Расклад у нас с вами, дорогая «матушка», таков: в последнее время мои шпионы работали лучше, и мои люди служили мне более верно, чем ваши – вам. И немудрено, ведь я плачу своим людям втрое больше и никогда не подставляю, в отличие от вас. Служить мне выгоднее. Признаться, я могла бы раньше нанести удар, но мне хотелось расставить вам ловушку. В которую вы и угодили. У меня на руках есть все неоспоримые доказательства вашей вины. Даже не знаю, о чём вы думали, давая письменные указания? Весьма и весьма опрометчиво.

Казалось, стать бледнее, чем она была до этого, просто невозможно, но Олиера успешно справилась – побледнела ещё сильнее. Для неё во всей неприглядной красе встала истина: я не блефую. И козыри у меня на руках правда серьёзные.

– Что вы собираетесь сделать? – сдавленным голосом спросила она.

– Передам ваши письма Совету. С другой стороны, когда наёмник заговорит, его слова легко выведут Начальника Сыскной Канцелярии на людей, служащих вам. Сложить два и два не составит труда.

Она неплохо держалась. С достоинством, нужно отдать ей должное.

– Чего вы хотите? – оставила она наигранную мягкость и заговорила жёстко, по-деловому.

Мне это подходило.

– Справедливости.

Она покачала головой:

– Вы не запятнаете имя династии преступлениями.

– Вы предписываете мне собственные заслуги? – насмешливо осведомилась я.

– Я повторяю свой вопрос, принцесса Анжелика – чего вы хотите?

– Возможно, всего и сразу. Вашу голову и мой трон?

Лицо её зачерствело в каменную маску, глаза с ненавистью смотрели на меня. О! Если бы только взгляды могли убивать! Но, на моё счастье, они не убивают.

– Вы хотите покинуть Оруэл и вернуться к вашему Чернокнижнику, не так ли? – сузились её холодные глаза.

Я хотела было отрицать «своего Чернокнижника», потому что такого в наличии у меня правда не было. Но потом передумала. А не пошла бы она?..

– Вы правда надеетесь ставить мне условия, Олиера?

– Я хочу заключить сделку. Я помогу вам уехать.

– В обмен на моё молчание? Но зачем мне заключать с вами сделку? Будь вы на моём месте, вы бы меня не пощадили.

– Но вы – не я, – отрезала она, не сводя с меня ясных, холодных глаз.

Мы мерялись взглядами.

Это было приятно – держать её на мушке и знать, что она об этом знает. Но не настолько приятно, чтобы забыть о жизни людей, которые заплатили за мой маленький триумф.

– Что помешает мне смешать тебя с грязью? – тихо и зло проговорила, почти прошептала, я.

– Твой отец. И твой брат. Ты не станешь пятнать родовое имя скандалом.

– Ты так в этом уверена?

Мы снова обменялись взглядами.

– Нет. Но всё же... ты хочешь уехать. С моей помощью дело пойдёт быстрее. Станем сражаться – ты, доказывая мою вину, я опровергая, – дело затянется.

– Пусть тянется. Я не тороплюсь.

– Чего ты хочешь, Анжелика? Чтобы я признала твою победу? Ты – победила! Но даже если меня казнят, это не отменяет прав моего сына на корону Оруэла! Но если твой сын станет королём всего Десятицарствия, мой может стать его наместником.

– Почему это не останавливало тебя раньше?

– Убить тебя было бы надёжнее всего. Но раз не получается... проводить подалее – тоже неплохо.

Вот значит – как? Ваше Величество сбрасывает маски? Интересно, я выгляжу такой же циничной и жёсткой, как эта женщина? Надеюсь, что всё-таки нет.

Милая беседа с мачехой предшествовала нашей беседе с царственным папенькой. Я не стала дожидаться, пока он вызовет меня – отправилась на встречу с Зигмундом по собственной инициативе. Меня без промедления и лишних слов допустили в его покои. Готова поставить собственную тиару против выеденного яйца: отец ожидал моего прихода.

– Доброе утро, Анжелика, – с видом, утомлённым и уставшим, сопровождая свои слова глубоким вздохом, произнёс он.

– Добрым? – многозначительно повторила я, саркастично приподнимая бровь.

– Раз в итоге всё остались живы.

– Все? – сарказма в моём голосе прибавилось. – Ах, да, конечно. Стражников у моей двери, едва дышащую девушку и убийцу, которому, скорее всего отрубят голову, мы ведь считать не будем?

Второй вздох короля Зигизмунда прозвучал ещё тяжелее первого. Вряд ли он соболезнавал или сокрушался по людям – его огорчало то, что я вообще веду этот разговор. Все эти наши склоки, подковёрные интриги, шпильки-подколки при взаимном общении с Олиерой – всё это огорчительно и существенно портит жизнь. Я понимаю папеньку, но облегчать ему жизнь в мои планы на ближайшее время, к несчастью для него, не входит.

– В каждой профессии есть свои риски. Люди, соглашающиеся охранять царственных особ это понимают.

Царственный лик потемнел, когда отец после короткой паузы добавил:

– Я уже не говорю о тех, кто избрал для себя карьеру убийцы-наёмника.

– Да. Не будем говорить и тех, кого нанимают, – легко согласилась я. – Давайте лучше побеседуем о тех, кто нанимает.

Подозреваю, Зигизмунд с трудом удерживался от того, чтобы устало не закатить глаза, но он только сложил пальцы домиком.

– Дорогая моя Анжелика, если я правильно понимаю тебя, ты пришла требовать правосудия?

Я молчала, ожидая дальнейшего.

– Ты ждёшь его только лишь для Олиеры? Или тебя мне тоже следует покарать?

– За что вы собираетесь меня карать, ваше величество? За то, что вовремя не помешала интригам вашей склочной супруги? Или за то, что имела наглость не умереть?

Прозвучал третий вздох. Самый тяжёлый. Тяжелее некуда.

– Чего ты хочешь от меня, Анжелика?

– Раз вам так много известно, полагаю, и на этот вопрос у вас найдётся ответ, отец. Я хочу вернуться в Цитадель. Как того требует закон, совесть и... сложившиеся обстоятельства, – добавила я после небольшой паузы.

– Ты понимаешь, что это значит?

– Это значит, что трон после вас сможет занять ваш младший сын и мой младший брат – Жуамин Ванхелий. А моего сына и вашего внука, возможно, ждёт нечто большее.

– Или меньшее, – сокрушённо покачал головой Зигизмунд.

Словно не слыша короткого возгласа, я продолжала:

– Если я отправлюсь с Цитадель, вы избежите двух войн сразу: между вашей дочерью и вашей женой, отец. И с Чернокнижником Атайроном Хасепти, стоявшем во главе армии, по численности, как минимум вдвое превышающим ваше войско; с драконом, вдвое больше моего, виртуозно управляющегося магией.

– Твои слова мне стоит воспринимать как увещевания? Или – как угрозу? – холодно спросил отец, избегая смотреть на меня.

– Остановимся на предупреждении, – предложила я миролюбиво.

– Если вы исполните мою просьбу...

– Просьбу? – желчно усмехнулся отец.

– Требования, – отбросила я ненужную в данном случае деликатность. – Вы выполните поставленные вам требования, и мы расстанемся союзниками и добрыми родственниками. Я не стану мешать вам в разрешении создавшегося конфликта между мной и вашей женой. Как сочтёте нужным скрыть или изменить факты, так и будет. В противном случае я сама дам делу ход. У меня достаточно доказательств вины Олиеры. Как только слух о том, что происходит, дойдёт до Цитадели...

– Твой благородный чёрный рыцарь поспешит тебе на помощь – это ты хочешь сказать? – новая усмешка отца была даже более едкой, чем предыдущая.

– Рыцарь он там или нет – это вопрос спорный. Но единственного сына своего брата вам в обиду никто не даст. Боже мой, отец! Да о чём мы спорим?! Разве выбор не очевиден? Разве решение не созрело? Даже мои драконы не стоят подобных рисков! К тому же, если со мной что-то случится – драконы выйдут из повиновения и первым, кого уничтожат, это обитателей дворца.

– Если успеют.

– Молния найдёт способ вырваться. И Пламени никто не отменял.

– Ты так рвёшься вернуться на земли своего мужа....

– Потому что теперь они принадлежат моему сыну.

– Но ты сама можешь стать заложницей. Разве ты не понимаешь этого?

– Разве все эти годы я не была ею?! Заложницей у собственного отца!

– Анжелика! – его возмущение прозвучало почти искренне. – Ты выдвигаешь мне невыносимые обвинения. Разве ты не принцесса? Разве с тобой не обращались согласно твоему положению? Разве, в конце-то концов, я давал повод упрекать меня и был тебе плохим родителем? Всю твою жизнь я заботился о тебе.

– Да. Особенно горячо я ощутила вашу заботу в тот момент, когда вы продали меня за мир, выдав за Эвила Санистора, обрекая на смерть в драконьей пасти.

–Замужество – удел женщины. Не я это придумал. Так устроен мир. И разве ты любила своего мужа? Разве была несчастна с ним?

– Я не желаю обсуждать прошлое, ваше величество. Оно уже мёртвое и в нём ничего не изменишь. Мне важно будущее. И в этом будущем я вижу себя не принцессой, а королевой. Я хочу и должна вернуться туда, где моего сына ждут как будущего властителя. И я больше не стану просить об этом. Получив очередной ваш отказ, я стану действовать.

Зигизмунд снова вернулся к своим тяжёлым вздохам.

– Ты не понимаешь, Анжелика, очень многого. Я удерживаю тебя в первую очередь потому, что пекусь о тебе и моём внуке.

– Не надо, – отрезала я. – Дальше мы будем печься о себе сами.

– Женщине нужен сильный покровитель.

– Никто и никогда в здравом уме ещё не называл Атайрона Хасипти слабым.

Какое-то время мы продолжали вести наш спор, но я уже на середине нашего разговора поняла, что отец сдастся. Плюсов от моего пребывания при дворе становилось значительно меньше минусов. Огласка о преступлении Олиеры против особы королевской крови была чревата приглашением палача к царским покоям. Казнить королеву – скандал, не говоря уже о том, что убивать мать своих детей неприятно. Проще казнить принцессу, но... даже если сбросить со счетов Атайрона и драконов, я была дочерью Зигизмунда. И не то, чтобы нелюбимой дочерью. Может, король Оруэла и не был лучшим отцом в королевстве, но и худшим его считать было бы несправедливо.

Для моей безопасности и всеобщего спокойствия в королевстве было проще отослать меня в Цитадель. Именно на это решении и пришлось остановиться королю Оруэла, хоть в дальнейшем он и опасался когда-нибудь увидеть в родном внуке узурпатора и завоевателя.

Откровенно говоря, я не могла с уверенностью полностью исключить подобного развития события. Даже сейчас, в свои неполные пять мой сын частенько не признавал никаких авторитетов и отказывался слушаться кого бы то ни было. Авторитетом для него я не была, как не прискорбно это признавать. Чем сильнее взрослеют дети, тем сложнее с ними родителям, словно наши силы вместе с молодостью переходят к тем, кто последует нам на смену.

Беззащитнее всего человек перед тем, кого он любит. Любовь – это зависимость, которая всеми признаётся полезной, но на самом деле – так ли это?

Один выдуманный персонаж сказал однажды: «Чего не сделаешь ради любви?». Правда в том, что, будучи по сути неплохим человеком, все самые скверные свои поступки он совершал под влиянием этого светлого чувства. Да и в жизни бывает так: мы идём на преступления ради тех, кого любим. Мы прощаем то, чего прощать нельзя тем, кого любим. Мы часто бываем несчастны из-за тех, кого любим: любовников, друзей, родителей или детей. Даже любовь к самому себе куда больше отнимает у нас, чем даёт.

В случае с собственными детьми родители не имеют права выбора. С тех пор, как производишь ребёнка на свет ты не знаешь, что такое покой и мир в душе. Любишь недостаточно – тебя терзает чувства вины, любишь чрезмерно – тебя терзает чувство вины. Если я

закрывала глаза на выходки Ангэя, позже корила себя за то, что потворствую развитию его дурных наклонностей; если наказывала его, не могла заснуть из-за того, что чувствовала себя виноватой в страданиях и переживаниях сына.

Узнав о том, что ему придётся покинуть дворец деда, где он провёл всю свою недолгую жизнь, Ангэй в восторг не пришёл. Он принялся ругаться и сквернословить, устроил просто безобразную сцену. Служанки не могли его успокоить, да и мне он не спешил поддаваться. При этом драгоценный сынок не постеснялся применить магию. Впрочем, когда он сильно злился или пугался вещи, порой, воспалялись сами. Ангэй утверждал, что процесс не контролирует. Я предпочитала верить, хотя всё чаще и чаще терзалась смутными сомнениями...

Иногда его капризы или истерики выматывали до такой степени, что я была готова сорваться и таки влупить по будущей царской заднице. По приказу отца к Ангэю был приставлен мальчик для битья. Королевские отпрыски не должны были быть побиваемы, согласно педагогической легенде их с детства чуткая совесть должна болезненно откликаться на болезненные тычки, отданные другому.

Только Ангэю совести не досталось. Ему было всё равно на пощечины и ремень, видимо, моя склонность к эмпатии сыну не передалась. Насколько я помню, Эвил обладал достаточно тонкой душевной организацией, но и тут генетика отдохнула. Ангэй оставался доволен и весел после того, как бедокурил и наказание, отданное за него другому, настроение ему не портило. В отличие от меня. Мальчика для битья был упразднён по моему «настоятельному настоянию».

В моей прошлой жизни мне удавалось держать под контролем целый класс. Ну, большую часть времени, по крайней мере. Сын вил из меня верёвки. А из других вытягивал жилы.

Кое-как удалось сбить накал страстей и успокоить Ангэя обещаниями полёта на драконе. В первый момент он обрадовался, но, как Старуха, возжелавшая сначала стать столбовой дворянкой, потом царицей, потом – владычицей морской, попытался вытребовать себе разрешение на то, чтобы самому лететь на Пингвине. Естественно, разрешения не получил. И истерика вышла на новый круг.

Что сказать? Тяжёлая ночь сменилась днём, который легче не стал. Но какая разница? Ведь своей цели я добилась. Мы вскоре вернёмся в Тёмную Цитадель.

Глава 6

Отец старался тянуть время, как мог. Несколько недель ушло на приготовление кораблей, что должны были доставить к Тёмной Цитадели моё сопровождение, сундуки с одеждой, личные вещи, придворных дам и их личные вещи, провиант, лошадей и прочее, и прочее. Всё это было, безусловно, важно. И крайне волнительно.

Сборы и переезды мероприятия, выматывающие нервы не хуже войн. Поводов, хоть отбавляй: удастся ли отчалить без приключений и живыми, не случится ли чего непредвиденного по дороге. Сама я собиралась путешествовать на Молнии, и сына, естественно, планировала взять с собой. Но лететь предстояло не менее пяти часов, с пятилетним ребёнком, устраивавшим капризы и по куда менее важным поводам, чем неудобства. В облаках холодно. И дракон – это не самолёт, с кондиционером на случай жары и пледом, если вдруг ноги замёрзнут.

О том, что ждёт нас на новом месте я старалась не думать. Нет, я не сомневалась в том, что о нашем с сыном благополучии позаботятся. Нам отведут покои, к нам допустят слуг и станут относиться с показным почтением. Но два вопроса не могли меня не волновать: я понимала, что рано или поздно (а скорее, увы, рано) Ангэй покажет родственникам свой истинный нор. И меня признают матерью, не способной достойно воспитать собственного ребёнка. И... это правда. Я потерпела фиаско.

Ангэю нужна твёрдая и жёсткая, но верная рука. При дворе отца таких не было. Здесь большинство людей вполне устраивало то, что в сопернике принца Жуамина с детских лет будут развиваться дурные наклонности. Кто-то же лебезил с детства, потакая недобрым желанием сына из желания угодить, кто-то – из страха.

Мысль о встрече с Хатериман вгоняла в меня состояние лёгкой паники. Свекровушка в своё время управлялась с двумя сыновьями и с тремя драконами, не говоря уже о недоброй сотне врагов, с которыми она расправилась недрогнувшей рукой. Её не пугали ни люди, ни

демоны. Но есть все основания опасаться, чтоб плоды моего воспитания произведут впечатления.

Бог даст, втроём, мы сумеем исправить ситуацию к лучшему? Мои надежды на это были одной из причин, почему я торопилась вернуться в лоно семьи моего мужа. Моя мне с этим помочь не могла и не хотела.

Второй причиной моих волнений, опасений и надежд был сам Атайрон-Чернокнижник. В моём сердце он занимал определённое место. К сожалению, куда больше, чем следовало. Я надеялась, что, спустя пять лет после нашей последней встречи, горькой, как ягоды калины, мы сможем начать всё сначала, не опасаясь угрызений совести, не испытывая вины. Но вместе с тем опасалась, что истекшие годы давно изгнали чувства ко мне из его жёсткого и сурового сердца. При условии, что эти чувства когда-нибудь существовали на самом деле, а не только лишь в моём воображении.

Ни один мужчина не станет долго жить в одиночестве. Слухи, доходившие до Оруэла из Цитадели, утверждали, что у Чернокнижника было множество любовниц, но он не женился. Я старалась это отрицать, даже оставаясь наедине сама с собой, но эти слухи ранили меня, заставляя ревновать к неведомым соперницам. Я испытывала нечто вроде глухой недоброй обиды, хотя разумом понимала – Атайрон ничем мне не обязан. Он свободный, молодой мужчина с горячей кровью, внушающий и вызывающий любовь. А всё, на что я имела право и могла надеяться, так это на уважение к себе как вдове его брата.

Мне придётся выучиться держать в узде все свои чувства. Придётся смириться с тем, что при дворе (и в спальне Атайрона) находятся другие женщины. Я должна справиться. В конце концов, все эти годы я спокойно выносила собственное одиночество. Правда, никто из окружающих меня мужчин, как бы не были привлекательны, не способен был занять в моём сердце место Эвила. И Атайрона.

Проводить меня и сына на площадь собралось множество народу. Казалось, половина столицы, не меньше, пришли проститься со мной, чтобы помахать с земли на прощание. Воздух гудел от приветственных криков, приятно согревающих сердце – простонародье меня любило. В отличие от придворных вертопрахов.

Наверное, я бы взгрустнула, если бы не все мои страхи и переживания. Агдэй аж приплясывал от нетерпения, так ему хотелось

наконец-то сесть на дракона. А мне предстояло думать, как это сделать.

Молния была умницей. Она покорно опустила перепончатое крыло на землю, создавая нечто вроде лестницы, по которой мы легко поднялись вверх.

Усадив сына перед собой, я тщательно оплела его тело сначала верёвками, а потом – звенящими цепями. Ангэй, вскоре теряя терпения, начал проявлять признаки недовольства.

– Зачем эти дурацкие верёвки, мама? Они тяжёлые! Мне в них неудобно.

– Довольно капризов! – прикрикнула я на него. – Ещё одно слово, и ты отправишься в Цитадель вместе со всеми, на кораблях.

Он в ответ надул губы и отвернулся. Меня это более, чем устраивало. Тишина – это хорошо.

Промолчал сын, правда, недолго. Когда я накинула поверх шапки ему ещё и капюшон, он снова возмущённо возопил:

– Ну, мама! Мне же жарко! Я выгляжу по-дурацки!

– Наверху дует сильный ветер и очень холодно.

– Но спина у дракона горячая, как печка. И очень жарко!

Он был прав. Но страх, что твоё чадо может замёрзнуть вопреки очевидному заставлял меня как можно тщательнее укутывать сына. Вопреки его возражениям.

Понимая, что чем дальше мы остаёмся на земле, тем больше шансов на то, что очередной приступ непослушания и детских истерик случится прямо здесь и сейчас, я, схватившись за уздечку, перекинутую через узкую змеиную голову Молнии, отдала приказ:

– Лети!

Огласив округу радостным рёвом-клёкотом, дракониха, опираясь на перепончатые крылья, словно на передние лапы, двинулась вперёд.

– Держись крепче! – крикнула я сыну, словно впервые чувствуя, как волной пошло подо мной горячее чешуйчатое тело, будто кто-то невидимый включил рычаг аттракциона.

Ангэй завизжал. От восторга.

– Круто! – завопил он, заставляя меня напрягаться, вспоминать, когда я применила при нём это выражение из другого мира. Здесь так никто не выражался.

Сильный толчок, восторженный рёв поднимающихся в небо драконов и радостно вопящего сына ударили в уши с очередным порывом ветра.

– Мы летим! – орал сын.

– Тише! Ты себе горло сорвёшь! – пыталась увещевать я, опасливо притягивая сына к себе.

Но он, не слушая меня, продолжал голосить дальше:

– Мы летим, мама! Мы летим! Да-а-а! Мы ле-е-етим!!!

Вверх и вниз, волной, набирая высоту, мы взрезали лазурь небес мощными сильными крыльями. Справа и слева, над нами, проплыли Пингвин и Ведьма, а потом, чуть отставая от сестры и брата, мелькнуло крыло Алого Пламени.

Чёрные тени падали на стены отдаляющего, остающегося внизу, города.

Молния пропустила своих деток вперёд, замыкая собой ряд, словно нарочно, чтобы иметь возможность следить за ними.

Сказать, что я боялась – ничего не сказать. Мы впервые летели вот так, вшестером. И ни меня, ни мою Молнию нельзя было назвать спокойными матерями. Подобный долгий перелёт молодые драконы не могли осуществить без перерыва, и я решила, что мы сделаем передышку на одном из островов, каменистой грядой выступающих в море.

Путь есть путь: дорога есть дорога. Помоги нам бог, чтобы всё прошло так же хорошо, как начиналось. В солнечных лучах и яркой синеве. С восторженными криками.

Набрав высоту, драконы перестают раскачиваться подобной лодке на высоких волнах. Расправив крылья, они парили в воздухе, ровно и красиво, как птицы. Ощущения свободного парения, летящего в лицо ветра, окружающей со всех сторон синевы – оно ни с чем не сравнимо.

Людам не дано летать. Но, оседлав дракона, ты словно сама становишься птицей – свободной, сильной и неуязвимой ни для чего из того, что остаётся внизу.

Однако жизнь есть жизнь. Суть её такова, что, преодолев одну ступень, ты вынужден подниматься на другую; отперев одну дверь, останавливаешься перед следующей; избежав препятствий на земле, сталкиваешься с ней в небе.

Воздушные потоки иногда бывают слабыми, а иногда становятся подобной плети или плотной стене; через них приходится пробиваться. А драконы не машины, они живые. Они устают, раздражаются, тревожатся.

Хорошо ещё, что от неумных восторгов Ангэй перешёл к восторженному просмотру окрестностей – он никогда не видел столько воды и неба. А потом однообразие пейзажа и мерное покачивание при полёте утянули сынишку в сон. Пока он спал, я за него не волновалась. Зато невозможность лишней раз пошевелиться из-за опасений разбудить сына, либо, утратив равновесие, свернуться сверху вниз в синюю бездну не вызывало комфортных ощущений. Тело у меня затекло, меня накрывало паническими атаками.

Наши полёты с Молнией над столицей не шли ни в какое сравнение с этим длительным переходом. Я волновалась за сына. И за неокрепших дракончиков. И то, что Молния, как всякая мать, тоже может начать паниковать и вести себя неадекватно.

Почему, спрашивается, я не плыла в таком случае на корабле? Потому что не могла оставить моих драконов. А почему не позволила плыть на корабле сыну? А как я доверю его другим людям? В общем, клиника, я понимаю. Но всё есть так, как есть. Мы болтаемся одни посреди океана. И полёт этот уже начинается казаться бесконечным, изнурительным.

Так мы и летели. Меня накрывало волной паники, я беспомощно барахталась в ней, пока последняя не отступала. Чтобы вернуться с новой силой.

А Молния, вопреки моим настроениям продолжала лететь вперёд.

С очередной волной пришёл очередной вопрос: а откуда, собственно, Молния знает, куда лететь. В попе у неё навигатора нет. Вдруг мы сбились с пути и теперь обречены на гибель среди ветров и вод?

В этот момент, словно в ответ на мои мысли я увидела на горизонте чёрную точку, стремительно приближающуюся к нам.

Будто ток пошёл по мне – или то бы ветер, который я ощутила каждой клеточкой моего напряжённого тела? Каждым своим нервом чувствовала я возбуждение и ожидание, напряжение в предвкушении, то ли чего-то ужасного, то ли прекрасного, но грандиозно-значительного, в последнем сомневаться не приходилось. Всё

соединилось в одно целое: магия, полёт, влюблённость. В крови будто пенились, пузырились и взрывались пузырьки шампанского.

Пронзительно заголосили-засвистели Пингвин, Алое Пламя и Ведьма, возвращаясь к Молнии под крыло. Она ответила тонким рычанием, и я уже даже начала волноваться, а не сцепятся ли драконы с незнакомцем прямо в воздухе.

В следующий момент я испытала разочарование, не увидев приближающейся точки на горизонте. Но не успела я толком прочувствовать этот эмоциональный «нюанс», как сверху на нас упала огромная летящая тень от дракона такой величины, что все четыре моих в эту тень легко помещались, да ещё и с запасом. Оно и понятно, чем дальше источник тени, тем больше сама тень.

Воздух вокруг заколебался, напоминая колыхание волн, потревоженным большим предметом. И высоко надо мной, гордо раскинув крылья, чёрно-алым вихрем пронёсся Чёрное Пламя Атайрона. Я сразу же ощутила прилив сил. Посреди двух океанов, морского и воздушного, мы с сыном больше не были одиноки. Теперь, когда Атайрон с нами... нет, не то, чтобы мы были в полной безопасности – мир таков, что, пока ты дышишь, опасность витает над тобой каждую минуту, – но нам есть на кого рассчитывать; есть, на кого возлагать свои надежды.

В последний раз я видела его около шести лет назад. Если подумать, мы знали друг друга меньше времени, чем находились в разлуке и сейчас передо мной мог встать незнакомец. Мы поддерживали знакомство лишь в тайной переписке, да и та была политического содержания.

Я, в тайне ото всех столько мечтала об это мужчине, а сейчас, когда мечта моя воплощалась с каждой секундой, готовая предстать передо мной во плоти, мне было страшно. Как и большинство людей я боялась быть счастливой потому, что просто не верила в реальность счастья. Счастья на свете нет – есть лишь мгновенный самообман, за который дорого приходится расплачиваться прозрением.

Пока Атайрон верхом на своём драконе летел впереди, указывая нам путь, я была объята страхом: вот сейчас всё завершится. Мы встанем друг против друга, и я пойму, что все мои мечты были пустым сном. Он не так хорош, как я запомнила. Или я недостаточно хороша для него. Или...

Чёрное Пламя стал снижаться, Молния последовала за ним, беспрекословно принимая первенство дракона, превосходящего её по размерам. К тому же, её единственным сородичем, оставшимся в живых, если не считать её детей.

Вскоре из тонкой пелены белого тумана, то сгущающегося между нами и синей полосой воды, то вновь расходящейся в стороны рваными дымовыми клочьями, выступила серая громада каменистого острова. Атайрон твёрдой рукой вёл нашу крылатую эскадрилью к серой бесплотной кучке камней, затерявшийся посреди океана.

«Здесь мы будем совсем одни. Без свидетелей», – подумала я.

Мы резко снижались.

Атайрон приземлился первым и к тому моменту, как Молния услужливо подставила мне своё крыло, предоставляя возможность сойти вниз, уже стоял внизу, протягивая ко мне руки.

Ангэй не проснулся. Спал, как убитый, словно не убаюканный, а сражённый крепким сном. Я даже забеспокоилась, заглянув сыну в лицо.

– Он просто спит. Не беспокойся о нём – в ближайшие минуты не проснётся, – услышала я глубокий низкий голос и ощутила, как он, словно эхо, резонансом растёкся по позвоночнику.

Ноги плохо слушались. В воздухе качает не меньше, чем на воде. Ощущения было точно такими же, как после того, как покатаешься в лодке и ступишь на сушу.

Крепкие руки Атайрона поддерживали меня под руку. Я надеялась, что в первый момент встречи нас будет разделять расстояние, что между нами будут стоять другие люди. Но мы были одни, если не считать гомона морских волн и завывания ветра в расщелинах.

Руки у Атайрона были горячими, как чешуя драконов. И взгляд такой же горячий. Жадный взгляд голодного человека, перед которым вдруг накрыли царственный пир.

Его узкое лицо с высоким лбом и острым подбородком – хищное, умное, часто гневное лицо с узкой переносицей; с глубоко и близко посаженными глазами, вглядывающимися в собеседника цепко, остро, с вызовом, будто ударяя его, как лезвием, – было совсем таким, каким мне запомнилось; каким грезилось одинокими ночами во сне и воображалось наяву. Меня охватило желание закинуть руки ему на плечи и зарыться лицом в мягкий ворс меха широкого воротника на его

длинном широком плаще, одновременно с тех вдыхая запах его кожи и волос. Я так истосковалась по простому человеческому теплу, по ощущению, что под тобой есть твёрдая опора, а рядом есть человек, которому можно верить...

По счастью, руки мои были заняты сыном, и я не смогла бы, даже если захотела, осуществить свой порыв на практике. Я была рада, что между нами есть хоть какая-то преграда...

Атайрон-Чернокнижник, привыкший внушать ужас своим врагам одним только взглядом и меня заставить трепетать. Только не от ужаса. От смущения и желания... нет, ничего особенно страстного. Мне бы просто прикоснуться, понять, что то, что я вижу, действительно во плоти.

Хотя... кого я обманываю? А главное – зачем лгу самой себе? Я отчаянно хочу оказаться в его объятиях, ощутить прикосновение его губ к своим; ощутить себя живой, способной не только дышать, но и чувствовать страсть. А не только страх или ненависть.

– Анжелика, – с улыбкой, смягчающей, меняющей его жёсткое лицо почти до неузнаваемости, произнёс он моё имя.

Атайрон был много выше меня, я едва доставала ему до плеч. Мне приходилось смотреть на него снизу-вверх, и не то, чтобы я была против.

Обычно тёмный, сейчас его взгляд словно светился внутренним светом.

– Анжелика, – повторил он.

Я почувствовала прикосновение его горячих пальцев в моей руке, а потом он, сжав мою ладонь в своей, поднял её к своему лицу и прижался к моим пальцам губами.

Его губы оказались сухими, чуть шершавыми.

Казалось, что мир замкнулся между нашими взглядами, моими руками, его губами. Я не знала, что говорить и не двигалась, как кролик не в силах пошевелиться и убежать, беспомощный перед взглядом змеи. Кролик понимает, что нужно бежать и сопротивляться, но не находит в себе сил сделать это, а змея пользуется этим.

В следующее мгновение его рука легла мне на талию и Атайрон, игнорируя тот момент, что на руках у меня спит мой сын, наклонился вниз и поцеловал меня в губы.

Прикосновение это было недлительным, кратким, как судорожный глоток. Будто жаждущего тут же оторвали от источника, не дав ему утолить жажду. Сорванный вскользь, словно украденный, но обжигающий скрытым жаром, поцелуй. Атайрон не был уверен в том, что я благосклонно приму, пойму или разделю его сжатую, как пружина, страсть. Этот поцелуй был как горячая струя, плеснувшая из кипящего котла, не удержавшаяся под высоким давлением. В ней не было расчётливой манипуляции соблазнителя, прощупывающегося почву для дальнейших шагов – это был порыв, всплеск, вспышка.

Куда дольше губы Атайрона задержались, прижавшись к моему лбу. Правда, в этот момент наши тела прижались друг к другу так тесно, как это возможно в нашем положении.

Жар, исходящий от Атайрона был не лишён страсти, но в нём были и нежность, и бережность, которую не встретишь у просто воделеющего мужчины – только у любящего. Словно ты – хрустальная чаша, которую легко разбить неосторожным движением. Или предмет, который не следует загрязнять неосторожным касанием – напротив, его нужно беречь, чтобы не очернить.

– Анжелика, – с нежностью повторил он в третий раз, нехотя выпуская меня из рук. – Ну, вот, наконец-то ты вернулась. Я уже был готов забирать тебя и племянника с боем.

– Хорошо, что ты этого не сделал, послушавшись меня. Ни к чему лишние жертвы.

От его взгляда у меня загорелись щёки. Не каждый мужчина умеет так смотреть. Словно жар солнце заключён в его зрачках и всё в тебе начинает таять и томиться.

– Я считался с вашей волей, хотя, признаюсь, искушение взять своё быстро было велико и временами почти непреодолимо.

Атайрон опустил ресницы, переводя взгляд на Ангэя:

– Разреши? – протянул он к племяннику руки и, не дожидаясь ответа, принял у меня мою драгоценную ношу.

Несколько мгновений он с любопытством вглядывался в лицо моего сына, а потом, так же внезапно и резко склонившись, поцеловал его в лоб и его:

– Наш будущий царь и повелитель, – проговорил он. – Сегодня мне впервые доведётся сказать то, что в будущем, возможно, придётся говорить уже не раз – мой господин.

Отчего-то мне стало не по себе от его слов и от интонации, с которой он произнёс это. Нет, в ней не было угрозы – ничего такого. Но я впервые ощутила, что мой сын – это отдельный человек. И что наступит время, не он будет жить моей волей, а мне придётся зависеть от его. Странное чувство. Нереальное.

То, что было частью тебя, произошло от тебя, берёт начало в тебе не может стоять над тобой. Или – может?..

– Как ты нашёл нас? – чтобы сменить тему и избавиться от неприятного чувства, охватившего меня в этот момент, проговорила я.

– Это было несложно. Драконы чувствуют друг друга. Да и мы, Хасиптэ, чувствуем наших драконов. Мы одной с ними крови.

Драконы...

Они окружали нас. Мы стояли в центре, со всех сторон на нас глядели алые или цвета расплавленного янтаря, глаза. И шуршали перепончатые крылья.

Атайрон, скинув в себя плащ, завернул в него Ангэя и положил на землю.

– Что ты делаешь? – возмутилась я.

– Хочу побыть с тобой наедине, – с широкой улыбкой, похожей на ухмылку, ответил он. – А мальчик пока прекрасно выспится. Пойдём, посмотрим, что есть на это острове? – протянул он ко мне ладонь.

Я с возмущением уставилась на него:

– Ты хочешь сказать, что мы оставим его тут одного?!

– Одного? – засмеялся Атайрон. – Разве? Он останется под присмотром наших драконов. По-твоему, найдётся храбрец, возжелавший сунуться в их узкий круг? Если и так, они обратят его в пар прежде, чем бедняга поймёт в какую авантюру ввязался. К тому же здесь, кроме тебя, меня, камня, волн и драконов нет никого.

– Нет, ты не понимаешь! Малыш проснётся, поймёт, что один, испугается... Да я ни за что его не оставлю. Никогда!

Атайрон шагнул ко мне, протягивая руку, беря меня за голову так, что пальцы зарылись в мои волосы вроде бы с лаской, но, пожелай я двинуться или освободиться, у меня бы ничего не вышло.

Молния с беспокойством покосилась на своего старого приятеля, но, не чувствуя серьёзной опасности, не стала вызывать недовольства своего огромного соседа.

– Анжелика! Твой сын не проснётся, – сказал Атайрон, вновь проникновенно заглядывая мне в глаза, – я навёл на него лёгкий, безопасный морок. Ну, а если бы и проснулся, поверь, он не испугался бы. Он одной со мной крови. Он от крови моего брата и моей матери. Для него нет нужды в том, чтобы цепляться за юбку матери.

– Что ты в этом понимаешь?

Его слова я восприняла, как посягательство на мои чувства к сыну. Или на его чувства ко мне. Ну, в общем, как нечто, что заставляет нервничать.

– Ему всего пять!

– И всё же ему были бы интересны драконы, камни, небо и море. Он бы нашёл, чем развлечься.

Прежде, чем я успела возразить, Атайрон схватил меня в охапку, развернул спиной к себе и крепко прижав к груди, зашептал в ухо:

– Только взгляни на него. Разве похоже, что ему плохо? Твой малыш в безопасности, под надзором самой сильной стражи на свете. Только одно сейчас может внушить ему страх – твоя тревога и уверенность в том, что ему что-то грозит. Наши драконы здесь. Я – здесь. Ты – здесь.

Меня в очередной раз перевернули, словно я была куклой. Странно, что подобное поведение Атайрона меня не возмущало. Я чувствовала себя... в безопасности. Кто-то большой и сильный сможет обо мне позаботиться, решить наши проблемы.

– Ты столько времени пробыла с ним. Ты посвятила себя тому, что считала своим долгом. Удели мне совсем немного времени, Анжелика. Просто пройди со мной по этим камням, побудь рядом. Неужели я о многом тебя прошу?

– Так ты хочешь просто пройти по камням? – с лёгкой подтрунивающей спросила я. – Только пройти?..

– Я много чего хочу, – усмехнулся он в ответ. – Но готов довольствоваться малым. Прошу, миледи, разрешите ненадолго безраздельно завладеть вашим вниманием? Только вы и я?

Я колебалась. Любовная горячка, застилающая мой мозг, ещё не утратила своей силы. Но всё же... я не хотела заходить слишком далеко. Потом, возможно, но не так, в омут с головой, с первых дней.

– Случай остаться наедине, без свидетелей, может представиться нескоро. Анжелика, я не прошу ни о чём, что заставило бы позже тебя

о чём-то пожалеть. Мы просто пройдемся. Просто поговорим. Расслабься. Я не позволю себе ничего лишнего, как бы мне этого не хотелось, если ты сама этого не захочешь.

Я колебалась. Мой мозг пытался просчитать наперёд, зачем ему это понадобилось. Прогулка по камням... зачем он хочет увезти меня от сына? Что такого особенного он может сказать мне там, чего не мог бы сказать здесь?.. Что-то всё так странно и подозрительно...

Я не сразу осознала, что Атайрон, прищурившись, наблюдает за мной.

– Ты мне не доверяешь? – спросил он, откидывая с лица падающие волосы.

– Не говори глупостей!

Да, я ему не доверяла. Я никому теперь не доверяла.

– Анжелика? – мягко позвал он. – Если я захочу причинить тебе вред, мне даже клинок обнажать не надо. Достаточно желаний. Но я скорее живым войду в огонь, чем позволю, чтобы с тобой или с ним что-то случилось. Я до сих пор все ещё живу потому, что люблю тебя и хочу, чтобы сын моего брата занял, наконец, положенное ему место. Ты и он – цель моего существования. Как можешь ты меня опасаться?

Я отвела взгляд:

– Прости, если мои слова ранят тебя, Атайрон, но мой сын – моё единственное сокровище. Я никому не могу доверять. Даже тебе. Любой может навредить.

– Включая тебя, – холодно произнёс Атайрон.

– Много ты знаешь!

– Много, мало, но... как думаешь, каково это – быть тем, кто является единственным сокровищем своей матери, не имеющей других интересов в жизни, кроме своего ребёнка?

Я притихла, не сводя взгляд с Атайрона. Он удивительно эффектно смотрелся на фоне серого неба.

– Идём со мной, Анжелика. Свежий воздух никому не вреден. Особенно малым детям. Слишком большая любовь душит. Ничего не должно быть слишком много.

Глава 7

Я всё ещё сомневалась. Легко сказать – идём. А если у меня паранойя, осложнённая манией преследования? Сказка – сказкой, любовь – любовь, но реальность такова, что стоит замешкаться, не

проявить бдительность и... мой разум старательно выискивал ужасы, которые могли со мной приключиться. И так же быстро их развенчивал. Зачем Атайрону куда-то уводить меня? Пожелай он причинить мне вред, он мог бы сделать это прямо на месте. Один его дракон сильнее моих четверых, сам он как маг рядом со мной, всё равно что учитель против первоклассника. Даже пожелай он избавиться от меня, но не травмируя моего сына, у него не было никаких причин тащить меня куда-то. Ничто не мешало расправиться со мной на месте.

Я заметила, что он стоит и, с улыбкой глядя на меня, ждёт.

подавив вздох, я кивнула:

– Хорошо. Идём.

Атайрон протянул мне руку, помогая спускаться вниз по камням. Остров походил на возвышающуюся пирамиду, у подножья которой беспокойно волновались солёные морские волны. Туча, разрастающаяся от линии горизонта, ползла в нашу сторону. Из-под низкой пелены рваных клочьев тумана возникали ряды серых морских валов. Неторопливо взмахивая седой гривой, волны, как тараном, били у подножья каменистого острова, наполняя всё вокруг далёким, как гром, рокотом.

Я опасно спускалась вниз, опираясь на руку Атайрона. Осыпаясь из-под наших ног, шуршали мелкие камешки. Порывы ветра, рассеивая в воздухе тончайшую пыль солёных брызг, бросали их нам в лицо и вскоре выбившиеся из-под капюшона пряди волос сделались влажными.

– Это прибой? – спросила я, на мгновение замерев, чтобы пристально посмотреть на крупные волны, венчаемые шапкой пены.

Волна с силой налетела, ахнулась об утёс, с глухим угрожающим ворчанием откатилась назад, волоча за собой назад, в море, гравий и мелкие камешки. Следующий кипящие вал подхватил их и бросил назад, на землю, словно выплюнул.

Атайрон не ответил на мой вопрос. Взяв меня за руку, он подтянул к себе ближе, под густую тень от скалистого холма. Я отчего-то дрожала, вдыхая запах соли, слушая беспрестанный рокот волн. Со всех сторон от нас словно зияли обрывы и пропасти, чёрные и безликие. Пейзаж был соткан из чёрных и серых красок разных

оттенков: море, камень, небо. Ничто не оживляло и не разбавляло их: ни зелень деревьев, ни жёлтая полоска песка.

– Зачем мы здесь? Хочешь, чтобы я перед дальнейшим полётом как следует успела насладиться этим унылым пейзажем.

– Не совсем, – ответил Атайрон. – Это место... не думаю, что здесь был хоть кто-то другой, кроме меня, Эвила и теперь ещё – тебя. Никто из людей не способен добраться сюда. Корабли разобьются о рифы, а прилететь сюда можно лишь на драконе.

Мне стало холодно. Возможно потому, что холодно было на самом деле. Драконы способны согреть не хуже жаровни, но они остались на вершине. А здесь царил северный ветер да промозглая сырость, которая бывает лишь в самых глубоких подземельях. По коже моей побежали мурашки.

– Конечная наша цель вон там, – Атайрон кивком указал мне на край скалы, где цепочка неровных выемок на камне образовывала опору для ног, кажущуюся зыбкой и ненадёжной, словно висящей на высоте, паря прямо в воздухе.

– Но зачем нам туда идти? – заупрямилась я, склонная возражать.

– Там находится вход.

– Вход – куда?

– В мою личную сокровищницу. Ты всё увидишь. Идём.

В расщелинах между валунами далеко внизу бурлила вода и было жутко бросать вниз даже случайный взгляд. Вскоре скалы почти сомкнулись над нашими головами, и мы оказались будто в туннеле со скользкими стенами. Они мерцали, словно мокрый гудрон. Ветер, как ни странно, здесь не гулял и воздух был тих, но словно бы стало на несколько градусов холоднее.

Дрожь, что охватила меня, была иная, чем от холода – я чувствовала магию, чувствовала её кожей.

Атайрон приблизился к стене и погладил её кончиками пальцев.

– Подойди, – позвал он меня.

Я поняла, то, ради чего мы сюда пришли, не имеет под собой романтической подоплеки, как я опасалась (или втайне – надеялась) поначалу. Вместе с тем ко мне вернулось привычное мироощущение. Я успокоилась. Как ни странно, но опасность пугала меня меньше поцелуев.

– Протяни руку, Анжелика.

Стоило мне это сделать, как он легко коснулся тонкой кожи на моей ладони ещё более тонким и острым лезвием, делая небольшой надрез. Боль была острой, но быстрой. В чаше ладони быстро собралась алая лужица моей крови.

Не удержавшись, я поморщилась, когда он прижал саднящую руку к шероховатой, холодной поверхности стены, шепча какие-то слова на непонятном мне языке. В следующий момент поверхность стены покрылась трещиной, из которой хлынул предельно-яркий белый свет, так больно ударивший по глазам, что я невольно прикрылась от него второй рукой.

Когда я открыла глаза, перед нами зиял проход, ведущий в непроглядную тьму.

– Только не говори, что мы туда пойдём, – предостерегающим шёпотом взмолилась я.

– Не бойся. Это мой мир и у меня здесь всё под контролем. Тут ни для меня, ни для тебя, ни для Ангэй опасности нет. Это тайник, в который ты, при необходимости, сможешь попасть и без меня.

– И зачем мне попадать в твой тайник.

– Случай может быть разный. С одной стороны, здесь ты сможешь укрыться, если мир на какой-то момент станет слишком опасным. При желании ты даже Молнию сможешь сюда привести, ведь она не так велика, как моё Тёмное Пламя.

– Ты полагаешь, что мне вскоре может потребоваться укрытие? – взволновалась я.

– Надеюсь, что нет. Это простая предосторожность – не более. Основная функция у этого тайника иная.

Атайрон вытянул руку и прямо из воздуха материализовался факел, пылающий то синим, то жёлтым, то алым – переменчивым пламенем.

Мой проводник первым вступил в проход, мне не оставалось ничего иного, как следовать за ним. Озаряемые слабым светом, разгоняющим бархатистый мрак, мы спускались по крутому уклону, пока не очутились в галерее внутри скалы.

Я едва сдержалась, чтобы не завизжать, когда из темноты послышалось многоголосое шипение, схватив за руку Атайрона. Чьи-то горящие злобой и кровью глаза смотрели из темноты.

– Не бойся, – поспешил успокоить меня Атайрон. – Это мелкая шушера тебе не опасно, но разорвёт включья всякого, в ком нет нашей крови.

– Вообще-то, – изо всех сил стараясь не стучать зубами от ужаса, проговорила я, – во мне вашей крови нет.

– Ты мать одного из нас. Значит, в тебе есть наша кровь. И наша сила. Перестань вести себя словно маленькая напуганная девчонка, Анжелика! Ты меня разочаровываешь.

Фраза, сказанная резким тоном, привела меня в себя, напомнив, что передо мной Атайрон, а вовсе не рыцарственный Эвил. И он желает видеть во мне достойную себя ученицу, которая оказалась способна укротить сначала дракона, потом его брата, потом собственную печаль. Воистину, мне следует быть сдержанней.

Вот только очень страшно. И Молнии, на которую я привыкла в последнее время полагаться, рядом нет. А на мою силу надежды мало – последняя меня плохо слушалась.

Стая непонятных теней с красными глазами что-то жадно шипела во тьме. Со всех сторон несло тленом и землёй. Мой сын остался один наверху, под наблюдением драконов.

Я глубоко вздохнула, стараясь взять себя в руки, сохранить спокойствие. Я – королева, а не перепуганная насмерть учительница истории. Я не должна показывать свой страх.

Тем временем, пока я боролась сама с собой, мы подошли к гранитной двери. Атайрон придавил ногой камень и стал ждать. Ждать пришлось недолго. Гранитная громада поднялась со своего ложа, высеченного в скале, пропуская нас дальше, к очередной двери.

Дверей было три. Каждая толще и крепче предыдущей. Последний проход провёл нас в огромную комнату, выложенную белым мрамором.

Я не видела такого никогда! Комната была заставлена золотыми сундуками, и в каждом были драгоценные камни, переливающиеся холодными огнями! Некоторые камни были в первозданном состоянии, лишённые огранки. Были сундуки, в которых хранились кулоны, диадемы, перстни, подвески. Некоторые сундуки были наполнены не камнями, а золотыми монетами, иные – золотыми слитками.

Никогда прежде я не видела столько драгоценностей, собранных вместе. Подозреваю, что никогда больше и не увижу.

Что сказать? Впечатление было странным. В первый момент – восторг. Следующее – какой-то иррациональный страх. Во мне всегда жила вера, что богатства должны быть заслуженными, иначе принесут своему владельцу беду.

– Что это, Атайрон?

– Можно сказать, что королевская казна.

– Хочешь сказать, что это принадлежит народу Тёмной Цитадели?

– Будет принадлежать, если они останутся нашими с тобой поданными.

– Хочешь сказать – поданными моего сына?

Атайрон резко повернулся ко мне и проговорил грубовато, даже немного резко:

– Анжелика, твоему сыну нет и пяти. Мы оба понимаем, что, как минимум, в ближайшие десять-тринадцать лет править придётся тому, кто сумеет взять и удержать власть. И, будем честны, ни ты, ни твой сын для этого не подходят.

Я холодно смотрела на него:

– Ты привёл меня сюда затем, чтобы ставить ультиматумы?

Лицо его на мгновение заострилось, а потом разгладилось и под сводами пещеры прозвучал смех, такой же резкий, как и всё в Атайроне.

– Ультиматум? Зачем мне ставить тебе ультиматумы, Анжелика?

Он снова подошёл ко мне, властно взяв за подбородок, поднимая моё лицо вверх, так, чтобы наши взгляды скрестились.

– Я не стану говорить красивой речей – я для них не создан. Но мы оба понимаем, что в качестве союзника я нужен тебе больше, чем ты – мне. Я могу править и без вас, а вот вы без меня – вряд ли. Перестань же смотреть на меня как на врага! Всё, что я делал, я делал для тебя. Всё это твоё, потому что я так хочу. Потому что я верен тебе. Не ищи в моих поступках двойного дна. Это, мягко говоря, огорчает и разочаровывает.

– Зачем ты привёл меня сюда, Атайрон?

– Чтобы сказать, отдайся мне, красавица, немедленно, или твоя хладный труп останется среди этих самоцветов на веки вечные. Этого, ты, по всей видимости, от меня ожидаешь? – язвительно проговорил Атайрон, раздражённо смахивая волосы с лица. – Спешу тебя огорчить. Я всего лишь хотел показать тебе тайник, который, в случае,

если со мной что-то случится, ты сможешь использовать по своему желанию и разумению.

– А почему с тобой должно что-то случиться?

– Потому что люди смертны, Анжелика. Я не собираюсь умирать, это всего лишь мера предосторожности. И, если уж тебе так хочется уличить меня в тёмных коварных расчетах – пусть будет по-твоему. Я хочу заручиться твоим доверием. Странно, что ты не доверяешь мне. После всего, через что мы прошли.

Его взгляд, горячий и тяжёлый, заставил меня устыдиться собственной подозрительности.

– Я хочу доверять тебе. Но жизнь отучила меня от излишней доверчивости. От моего решения зависит...

– Жизнь твоего сына, я знаю. Отныне эту ношу я с тобой разделю. Если не веришь в мои к вам чувства – поверь в мою расчетливость. Вы нужны мне живыми. Оба.

– Ей я верю. Но надеяться хотелось бы на что-то более... сентиментальное, – с улыбкой закончила я.

А в следующий момент делаю шаг назад, отступая, но это не помогает. Он приближается, и я оказываюсь в ловушке его рук, потому что отступать больше некуда – за мной ледяная стена.

– Между нами больше ничто не стоит, Анжелика. И рано или поздно мы будем вместе – это неизбежно. Мы оба это знаем. Либо мы заодно, либо мы враги. Я не хочу любить и желать своего врага – я хочу быть по одну с тобой сторону. Не отказывай мне в том, чего я так долго хотел. Чего мы оба хотели.

Его голос звучал резко, отрывисто и возбуждённо. И возбуждающе. Он всегда такой – хлёсткий и резкий. И да, я знаю, что рано или поздно всё равно выброшу белый флаг, я лишь не хочу выбрасывать его слишком рано.

Он нужен мне. Я хочу его. Я люблю его.

И боюсь. Боюсь шагнуть вперёд, навстречу, очнуться от своей спокойной полумёртвой спячки. Если он предаст меня, я буду разбита вдребезги. Если он решит стать моим врагом, мне его не победить. Если...

Но все если отступают, когда Атайрон, склонившись ближе, накрывает мои губы своими губами. На этот раз в его губах нет

целомудренной нежности и бережливости. Ничто не роднит это прикосновение с полуотеческим поцелуем в лоб.

Остаётся лишь голод. И желание. Поцелуй томит, обещает утоление и в тоже время медленно отнимает мой разум. Руки у Атайрона ласковые до одури и горячие, как чешуя дракона. Я машинально прикусываю ему губу, мы начинаем слизывать кровь и наши языки встречаются. Он замирает на секунду, но уже в следующий момент наш поцелуй становится более неистовым, между телами не остаётся зазора ни на дюйм. И мне катастрофически не хватает воздуха. Словно издалека я слышу его глухой стон и чувствую, как от возбуждения теряю равновесие, голова кружится всё сильнее, и я цепляюсь за его широкие плечи, как лиана за ствол могучего дерева.

– Я так давно хотел этого, – выдохнул он мне в ухо. – Ты приходила ко мне во снах, я сжимал тебя в объятиях, но прежде, чем успевал овладеть, ты каждый раз развеивалась с последними остатками сна. Каждый раз что-то вставало между нами. Мой брат, новый день... но не сегодня... клянусь душой и сердцем – не сегодня!

Магические факелы со стен отбрасывали на его лицо дьявольские тени. И мне одновременно сильно в этот момент хочется бежать – в свои безопасные воспоминания об Эвиле, и броситься на шею Атайрону.

– Я не могу... мы не можем...

Но я и сама понимаю, что мои хриплые слова лживы и неубедительны. Потому не договариваю их до конца.

На самом деле я не хочу сопротивляться. И ещё вопрос, кто из нас двоих кого хочет больше. Надеюсь, что чувства наши взаимны и одинаковы.

Его ладони властно ложатся мне на талию, а губы прижимаются к губам. В ушах звенит от пульсирующей крови и кажется, что я сейчас умру. Или полечу. Или и то, и другое вместе.

Мы зашли слишком далеко. С учётом того, что мы не подростки. Но, с другой стороны, мы оба понимала, что и к чему идёт. Наши интересы, наше будущее – они были вместе. Почему же мы должны держать дистанцию? Разве время что-то изменит?

Мы здесь один. Свидетелей нет. Только он и я...

Мы ласкали друг друга и целовались, словно снова были влюблёнными подростками, впервые оказавшиеся на пороге любви.

Увы! У нас было не так много времени, как нам обоим хотелось и сладкий нектар пришлось пить залпом, не смакуя, как того бы хотелось.

Я жадно ловила поцелуи Атайрона, судорожно сжимая в пальцах ткань его одежды. Мне хотелось, чтобы он поскорее вошёл в меня, разом избавив от всех сомнений; чтобы отступить было некуда.

Не сопротивляясь, я позволила ему развернуть меня к себе спиной. Упираясь рукой мне в живот, он заставил меня выгнуться, подаваясь ему навстречу в тот момент, когда он вошёл в меня, толкаясь внутрь моего тела горячим и твёрдым членом. Его пальцы коснулись пульсирующего средоточия женского удовольствия, вызывая ощущения острые и удивительно приятные. Чтобы не прерывать их, я прижалась к нему так тесно, как только могла, помогая войти в себя так глубоко, как это только возможно.

А потом он начал двигаться быстро, задавая рваный и быстрый темп. Удовольствие стало нарастать, и я уже стонала, не сдерживаясь. Да и кого тут было стесняться? О красноглазых монстрах, оставшихся за дверью, я позабыла. Они меня не волновали. В отличие от Атайрона, который вколачивался в меня, сводя с ума и сходя с ума сам.

Его сильные руки бездумно, в исступление сжимали то мои бёдра, то грудь, но при всём своём исступлении он ни разу не причинил мне боли. Даже когда он рычал от страсти, я не переставала чувствовать себя в его руках хрупкой лелеемой вазой, которую не разобьют ни при каких обстоятельствах.

Конвульсивная дрожь оргазма сотрясла нас почти одновременно, и я безвольно обвисла в его руках.

– Ты как? – спросил он меня, выпуская из объятий.

– Всё классно. Только бы не вспоминать о том, что сын там один.

– Среди драконов. Думаю, он беспокоится о тебе меньше, чем ты о нём, – засмеялся Атайрон, заставляя меня развернуться к себе лицом и целуя так, словно ставя на меня печать собственника. – Я оставляю в сокровищнице ещё одно бесценное сокровище – воспоминание о том, как ты впервые стала моей.

Его губы вновь мягко, почти невесомо, как крылья бабочки, прикоснулись к моему лбу.

Глава 8

Дети – это, конечно, счастье, но с тех пор, как они появляются в твоей жизни, ты перестаёшь принадлежать самому себе. Почти сразу, выскользнув из объятий Атайрона я вспомнила, что оставила сына. Одного. С драконами. И что возвращаться назад дело не быстрое, а с тех пор, как мы покинули моего крошку, прошло не менее двух часов, а он спал уже в полёте, наверняка выспался и... сердце отяжелело и превратилось в камень.

Я плохая, даже отвратительная мать. Как я могла? Ради своей прихоти, своих страстей, своих интересов оставила ребёнка!

– Нам нужно возвращаться, – напряжённым голосом сказала я.

– Конечно.

– Как можно быстрее.

– Естественно. Мы сделаем это максимально быстро.

Из вскинутой ладони Атайрона ударил пучок света и передо мной, прямо в стене, образовался очередной проход, в конце туннеля вполне натурально воссиял яркий свет. Схватив меня за руку, Атайрон повлёк меня в его направлении и не прошло и пяти минут, как мы вновь стояли на каменистом, продуваемом всеми ветрами, плато.

– Но?.. – с удивлением обернулась я на скалу, вновь ставшую едином монолитом, как только мы вышли из пещеры. – Как же так?.. Зачем тогда мы проделывали весь этот путь в прошлый раз?

– Затем, что без меня внутрь пещеры ты сможешь войти только одним путём.

Я хотела спросить... ещё о многом, но Атайрон мягко возразил:

– Нам лучше поспешить, если мы хотим покинуть Остров до того, как на него обрушится буря.

На язык снова просились слова, что лучше бы нам поспешить раньше. Но... я так и не нашла в себе силы произнести их. Конечно, наше воссоединение могло подождать другого места и часа, но, как по мне, идеальнее этой уединённой груды камней было не сыскать. То, что случилось здесь, принадлежит только мне и ему, и нет других свидетелей нашего союза, кроме темноты.

Я слышала, как горловым стрекотанием, словно гигантские кузнечики, переговариваются между собой драконы. И знала, что Ангэй проснулся, но он в безопасности. Моё отсутствие его не напугало.

Это была странная, если не сказать, жуткая, сюрреалистичная картина. Симпатичный маленький мальчик, бесстрашно стоящий в кругу огромных ящеров, весело смеющийся, тянущий к ним руки и драконы, такой величины, что к самому маленькому из них он свободно мог войти в пасть и прогуляться там, как в комнате, терпеливо подставляли клыкастые, увенчанные короной из острых шипов, морды к его маленьким ладошкам. Это были даже не собаки, не тигры и не медведи – драконы. И сердце моё катилось в пятки и по спине прошибал холодный пот.

«Наверное, я так никогда и не смогу полностью сжиться с этой новой реальностью», – пронеслась гнетущая мысль.

– Мама! – звонким голосом приветствовал меня сын. – Ты куда уходила? Смотри! Молния нашла себе мужа! Красивый, правда? И какой сильный. Он больше их всех, – заявил Ангэй и снова залился весёлым, радостным смехом, будто случилось нечто невероятно радостное.

Хотя, по сути, перед Чёрным Пламенем, реши он перейти в нападение, мы все окажемся беззащитными.

Смех Ангэя застыл, улыбка увяла. Взгляд сделался острым и колючим, если такое описание применимо к ребёнку пятилетнего возраста.

– Ты, мамочка, вижу, тоже нашла себе друга?

Его вопрос вогнал меня в краску и своей прямоотой, и прозорливостью. Мне стало не по себе от той враждебности, с которой Ангэй взглянул на Атайрона, хотя последнего более чем прохладный приём, кажется, не смутил ни на секунду. Не сбавляя шага, он приблизился к племяннику, игнорируя зловещее шипение Пингвина.

– Я вовсе не друг тебе и твоей маме, Ангэй, – ответила Атайрон. – Я гораздо ближе. И мы давно знакомы, просто снова встретились.

Он опустил перед Атайроном на одно колено, не как подданный, а так, чтобы лица их оказались на одном уровне:

– Я брат твоего отца, Ангэй. И твой дядя. Будем знакомы, – решительным жестом протянул он ему руку.

Ангэй пытливо и внимательно вглядывался в новое лицо, чем-то отдалённо напоминающее его собственное.

Сводные братья, Эвил и Атайрон, были не так уж и сильно похожи. Сходство между ними было, безусловно, тёмное пламя,

доставшееся в наследство от их матери, Хатериман, но и различия находилось достаточно.

– Брат моего отца? – медленно проговорил Ангэй.

Его маленькая ладонь, ещё не утратившая детскую припухлость, медленно приблизилась к худым, впалым щекам Атайрона. Взгляд не отрывался от нового лица не на секунду.

– Ты мне друг?

– Более, чем друг, ваше величество.

– Во дворце у моего деда ко мне все обращались, именуя меня принцем.

– Они ошибались. Ваш отец, король, мёртв. Значит, вы более не принц, а король. Правда, очень-очень юный, но всё же. А перед вами ваш самый верный подданный и ваш защитник, что останется вам верен до последнего вздоха.

Лицо сына приняло странное, незнакомое мне выражение. В следующий момент он бросил на меня вопросительный взгляд, словно сверяясь, стоит ли верить сказанному.

Что ж? Я решила, что стоит. Надеюсь, мы об этом не пожалеем.

– Этот большой дракон – он твой?

– Мой.

– И как его зовут?

– Чёрное Пламя.

– У меня тоже есть Пламя, – серьёзным тоном заявил Ангэй.

И потом, спустя секунду, добавил:

– Только его зову Алым. Твой дракон больше наших.

– Он старше.

– Дракон моего отца, Злой Рок, был ещё больше вашего?

– Он точно был не меньше, – с полуулыбкой ответил Атайрон.

– Но он погиб в день гибели моего отца, я знаю. И ты отомстил за обоих.

– Всё верно. Жаль только, что это не помогло нам вернуть к жизни твоего отца. Но мы можем извлечь из этого горького урока лекарство – знание о том, что драконы сильны, но и они смертны. Не стоит забывать об этом. Всегда следует помнить об осторожно, мой юный король.

– Мама так и делала. Она не захотела убежать потому, что это грозило гибелью нашим драконам.

– Твоя мама мудрая женщина.

То, как в ответ на эту реплику мой сын пожал плечами, не добавило мне оптимизма. Похоже, мой милый сынишка так не считал или не во всём был согласен. Обидно.

– Это и есть Чёрная Цитадель? – задал Ангэй очередной вопрос. – Я думал она больше.

– Это всего лишь остров посреди океана. Мы остановились тут, чтобы передохнуть. Я решил, что драконам не повредит отдых. Впереди у нас довольно сложный участок пути.

– А драконы сильны, но смертны?

– Верно. Хотите полететь верхом на Чёрном Пламени, ваше величество? – поднимаясь на ноги, вырастая во весь свой невысокий рост, спросил о моего сына Атайрон.

– Подождите! – запротестовала я, вмешиваясь в их сугубо мужскую беседу, чувствуя себя несправедливо обойдённой и исключённой. – Мой сын летит со мной и это не обсуждается!

– Но я хочу полететь на Чёрном Пламени, мама! – надул губы Ангэй. – Если уж я не могу полететь на Пингвине сам, я полечу с дядей Атайроном.

Я набрала в лёгкие воздуха, но прежде, чем успела разразиться гневной тирадой, Атайрон опередил меня:

– Пламя мощнее Молнии и маневреннее. Впереди грозовой фронт. Со мной мальчик будет в безопасности, а тебе одной лететь будет легче. Так что не так, Анжелика?

Доводы казались весомыми. Кроме того, что мне спокойнее, когда мой сын рядом, я не нашлась, что ответить, а озвучивать это вслух казалось глупым. Атайрон был прав. С ним Ангэй будет в большей безопасности, чем со мной. Помимо силы дракона, с ним будет и сила Чернокнижника. Чёрное пламя не станет нервничать из-за своих маленьких дракошек. Он силён и непоколебим.

– Давайте уже полетим! – подпрыгнул от нетерпения на месте Ангэй. – Здесь становится скучно.

– Вы правы, мой король, – согласился с ним Атайрон. Следует торопиться, если не хотим попасть в эпицентр приближающейся

грозы. К тому же, – с улыбкой обернулся он на меня, – здесь нам больше делать нечего.

– Тогда – полетели! – восторженно захлопал в ладоши Ангэй.

Подхватив ребёнка на руки, Атайрон легко взобрался на спину своего Чёрного Пламени. Я последовала его примеру, поднявшись на Молнию и мы продолжили полёт.

Ветер, который и на земле задувал неслабо, стоило подняться, превращался в сплошную стену. Мы словно пробивались через облака, драконы с явным усилием удерживали высоту. Выражение «покорить стихию» перестало быть просто красным словцом и стало точным описанием событий. В итоге я даже порадовалась, что Ангэй сейчас с Атайроном. Даже в одиночестве лететь было тяжело. Мы то ныряли во влажную тьму облаков, то успевали глотнуть свежего воздуха над неподвижным океаном.

Когда удавалось хоть на минуту отвлечься от напряжения, мысли мои обращались к Тёмной Цитадели. Оказывается, я успела почти забыть все подробности, воспоминания о прошлом были каким-то монолитным куском, где центром внимания оставался Эвил, а всё остальное было словно декорация к нему.

Словно полузабытый утром сон. Я вроде и помню Драконий Двор, Небесный и Радужный дворцы, Двор Ночи, но всё будто заволочло такой же туманной зыбкой, что время от времени отделяет нас от океана. Я знаю, что море где-то там, внизу, неустанно плещется, но я часто не вижу его из-за клубящихся облаков и не слышу из-за воя ветра.

Встречу с Атайроном я ожидала с нетерпением и страхом – вдруг моим мечтам и надеждам не суждено сбыться. Встречу с любимой свекровью (можно подумать, что бывшей, но с учётом намечающихся отношений... моя свекровь будет моей свекровью по жизни, если не вечно) я, если бы могла, отложила на неопределённое время. Лучше всего – навсегда.

Хатериман Хасепти – от этого имени веяло жаром и бескрайностью пустыни. Страсть и безнадежность. И безжалостная красота, неподвластная времени.

Я забыла расположение комнат в Чёрной Цитадели, забыла многое из прошлого, но чёрные глаза, глубокие, как океан и беспросветные, как безлунная ночь, мгновенно воскресли в моей

памяти. Матовые, без намёка на блеск, они словно бы не отражали свет, а поглощали его.

«Словно две чёрные дыры, способные проглотить весь мир», – с внутренней дрожью подумалось мне.

Я словно бы чувствовала на себе её взгляд. Возможно, обеспокоенная нашим долгим отсутствием, черноглазая ведьма ворожила. Возможно, пристальный взгляд сквозь бурные порывы ветра вовсе не плод моего воображения?

В моём сознании Тёмная Цитадель – Тропа Власти, Адский Огонь – была тесно взаимосвязана с образом Эвила. Мне сложно было представить это место без него.

«Женщины – мы как змеи, – вспомнилась мне речь Хатериман, – женщины как змеи, мужчины – как львы. Змеи сбрасывают кожу и каждый раз начинают жить по-новому. Иначе нам не выжить».

Горькая мудростью женщины с множеством имён: Розовый Цветок Зари, Анириэль, ставший Сахрой – Ядовитым Плющом пустыни, а позже грозный Смертоносным Тайфуном. Ведьма из горячей пустыни, пытавшаяся помочь принцу.

«Ради него я приняла Тёмный Дар моей крови... я хотела, чтобы он был счастлив... но началась новая война. В которой синеглазый король умер».

А потом умер и мой черноглазый король. Сколько королев родится? Сколько умрёт? А война всё длится и длится...

Следуя за Чёрным Пламенем моя Молния так резко нырнула вниз, что я изо всех сил вжалась в её тело, цепляясь за ремни. Сердце моё забилось сильнее, когда я увидела знакомую бухту, полукруглой подковой вдавленной в сушу. Горы, являющиеся естественным природным укреплением, обеспечивающим оборону, несколько широких королевских трактов, тянущихся к Цитадели.

Мраморные дворцы, дома из белого и красного кирпича, множество деревянных строений – всё было на месте, как шесть лет назад, когда я покинула дворец, даже не предполагая, что оставляю его так надолго.

Наше противостояние с Хатериман из-за Эвила давно исчерпало себя. Но сможет ли мы стать – нет, пусть не друзьями, но хотя бы

лояльными друг другу? Очень может быть. Отныне у нас один интерес – мой сын.

Пролетев над пристанью и торговыми рядами, мы направились к земле. Дворец, окутанный сумерками и пеленой туч, казался серым, выцветшим. Не таким он явился мне в первый раз.

Опустившись на землю, драконы издали звук облегчения. Как и давным-давно, двор был заполнен людьми. И словно машина времени вернула меня в прошлое – возглавляла толпу высокая статная женщина в красном шёлке, расшитом золотом. Её огненные глаза прожигали меня, как искры, отлетевшие от костра – кололи иголками.

Атайрон подтолкнул ко мне Ангэя и я судорожно взяла сына за руку. Чувствовала я себя при этом так, словно иду сдавать государственный экзамен на профпригодность. Одно неловкое движение и не видать мне сертификата «уважаемая мать принца» как своих ушей без зеркала – дисквалифицируют.

Подбадривая себя этими мыслями, опасаясь, как бы уставшему сынишке не пришло в голову устроить истерику на ровном месте, я направилась к женщине, которой одним своим присутствием удавалось вгонять меня в странное состояние. Я уважала, и боялась, и ненавидела её всем сердцем. И ещё – мне было важным её мнение. А как иначе? Мать двоих мужчин, которых я любила. Женщина, кровь которой текла в моем сыне и, сдаётся мне, проявлялась в нём куда ярче моей.

Ангэй с любопытством взирал на свою бабушку, не выказывая никаких чувств, кроме любопытства.

– Здравствуйте, Хатериман, – первой приветствовала я её. – Вот мы, наконец, и вернулись.

В первую нашу встречу милейшая свекровь не удостоила меня взглядом. В этот раз мне повезло капельку больше. Она на меня взглянула. Так, мимоходом. Куда больше её интересовал мой сын, но этот интерес я могла ей простить.

– Здравствуй, наш царственный внук, – глубоким и мягким голосом произнесла эта женщина. – Наши молитвы услышаны. Огненный Владыка милостив – я наконец-то встретила с вами.

Ангэй с интересом посматривал на Хатериман. В то же время, видимо, чувствуя моё настроение, не спешил проявлять открытую

симпатию. Откровенно говоря, не знаю, обрадовало меня это или огорчило. Чувствуя сердцем, что в будущем предстоит соперничество за привязанность сына и борьба за влияние на него, я не могла не испытывать злобной радости от демонстрации того, что, чтобы Хатериман там не думала, именно я женщина номер один для моего сына. Когда-то, возможно (и даже наверняка) это изменится, и другая «королева», более молодая и красивая, потеснит меня из его сердца. Но это будет не моя прекрасная свекровь. И хочет она того или нет, отныне ей придётся считаться со мной, с моим мнением, если она не хочет стать врагом для своего единственного внука.

С другой стороны, мне не хотелось «пересолить». Я ждала и желала, что она привязалась к Ангэю. Не понимать того, что привязаться к отвергающему тебя, к настроенному против тебя, сложно, я всё же предпочла бы дружелюбную встречу внука и его царственной бабушки.

Бабушки, которая в своё время, не моргнув глазом, скормила бы меня драконам, как других моих предшественниц. Но кто старое помянет, тому глаз вон. Правда тому, кто его забудет – оба.

– Вы – мать моего отца? – голос пятилетнего «королевича» была вполне себе повелительным, но, хвала небесам, он выбрал отстраняющее вежливое «вы» вместо панибратского «ты».

– Да, – коротко ответила Хатериман, и в матовых чёрных глазах всколыхнулось далёкое пламя.

– Это ваш дворец? – решил по-деловому подойти к вопросу мой будущий королевич.

– Этот дворец служил мне домом долгие годы. Я прибыла в него будучи такой же молодой женщиной, как твоя мама. Но принадлежал он сначала моему мужу, потом – сыну, а теперь, если боги будут к нам милостивы, станет принадлежать тебе.

– Все эти люди – они наши слуги?

– Верные подданные.

– Хорошо, – серьёзно кивнул Ангэй.

И отчего-то это не показалось мне комичным.

– Мы приветствуем вас, ваше величество, – сказал мужчина средних лет, лицо которого было мне незнакомо.

– Я рад, – коротко кивнул сын и обернулся на меня, словно ища у меня одобрения или подсказки, что делать дальше.

Пока я соображала, что сказать, Ангэй, не дожидаясь моей реплики, самостоятельно потребовал отвести нас в наши покои:

– Перелёт был долгим и утомительным. Моей матери нужен отдых, – возвести он, надувая щёки от важности.

Я испытала гордость за сына.

За то, что вместо того, чтобы капризничать и требовать удобств для себя (всё это, конечно, будет иметь место позже, куда ж без капризов и детских истерик?), он демонстративно проявлял заботу обо мне, да ещё в присутствии Хатериман. и подсознательно делал то, чего я желала – демонстрировал «царственного львёнка». До льва-то никоим образом не дотягивал.

– Конечно, ваше величество. Ваши покои ждут вас.

– А маму?

– Королеве-матери полагаются собственные апартаменты, – оповестил подошедший Атайрон. – Но они находятся в непосредственной близости рядом с вами и при желании вы всегда сможете её навестить.

– Понимаю. У дедушки во дворце у меня тоже были свои покои, – Ангэй старался сохранить взрослую важность, но на его личике крупными буквами было написано желание разделять одну комнату со мной.

Признаться, мне бы так тоже было бы в разы спокойнее. Но в этой жизни редко получаешь всё то, чего хочешь.

К нашему приезду готовились, стараясь всё обставить в лучшем виде. На убранства, мебель и дорогие ткани явно не скупилась. Мне сразу же приготовили горячую ванну, хотя мне не терпелось вновь вернуть себе сына.

Штат моих придворных, отправленных отцом следом за мной, должен был приплыть в Гавань не раньше, чем через несколько дней и это ещё с условием, что путешествие пройдёт без неприятных сюрпризов, так что ближайшие дни я буду существовать в окружении тех, кого мне предоставит Хатериман. Впрочем, жить в окружении шпионов мне уже приходилось и раньше. Не так это, на самом деле, долго – четыре дня. Потерплю.

Мой гардероб должен был прибыть со всем остальным, но в нарядах не было необходимости. На вопрос о платье одна из девушек распахнула дверь в зал, где, подобно манекенам, «стояли» платья на

своих подставках. Здесь же, на высоких тумбах, на подставках, сверкали драгоценными камнями диадемы и короны. Внутри тумб, на бархатных и атласных подставках покоились в ячейках ожерелья, колье и цепочки из драгоценных металлов. На любой вкус. От такой роскоши даже у меня, давно позабывшей, что такое бедность и недостаток, разбегались глаза.

– Кому всё это принадлежит? – деловым тоном поинтересовалась я у сопровождающей меня девушки.

– Вам, госпожа.

– Это подарок Хатериман?

– Покои для вас готовились по указанию советника Хасепти, госпожа.

– Советника? – машинально переспросила я. – И всем этим я могу распоряжаться по своему усмотрению?

– Конечно, госпожа. Лорд Хасепти просил передавать ему малейшие ваши пожелания и если вы пожелаете чего-то ещё, нужно только сказать об этом ему. И всё будет в тот же час сделано. Если вы чем-то недовольны или испытываете в чём-то нужду, вам нужно только сказать.

– Лорд Хасепти более, чем любезен.

Я выбрала платье из тёмно-алого шёлка с золотыми вставками, волосы покрыла алым покрывалом, что удерживалось на голове обручем из червонного золота.

Стоило мне закончить с туалетом, как мне доложили о визите свекрови.

– Впустите, – со вздохом велела я, устраиваясь на горе из атласных подушек, разбросанных по ступеням. Ступени, низкие, покрытые мягким ковром, вели на ту половину комнаты, где вдоль ряда окон тянулись диваны с мягкими сидениями и резными, ажурными спинками, расставленными вокруг фонтанчиков с родниковой водой. В фонтанчиках плескались лепестки цветов, по форме напоминающих розы.

Эта часть комнаты возвышалась над остальной, её от первого яруса как раз и отделяли те самые ступени, на которых я сейчас соблаговолила устроиться.

Хатериман на этот раз была в чёрном – не унылом чёрном, а роскошно-благородном, похожим на полотно ночи с россыпью звезд,

горящих холодными искрами.

Девушки при её появлении опустили головы в знак покорности и повиновения. Она прошла между ними, царственно возвысив голову.

Я тоже испытывала острое желание подняться ей навстречу, но заставила себя сидеть неподвижно, демонстрируя власть. Негласный кодекс. Негласная демонстрация силы. Вопросы статуса и положения.

Я чувствовала себя колоссом на глиняных ногах. Прошло семь лет, но страх, смешанный с восхищением – чувства, которые этой женщине удалось вызвать во мне, так никуда и не делись. Сидя на горе их алых подушек, сверкая дорогими шелками и драгоценностями, я старательно демонстрировала то, чего, на самом деле, не испытывала и тени – уверенность в собственных силах.

Чёрные глаза Хатериман словно прожигали меня насквозь. Мне казалось, что вся я перед ней нагая, как на ладони. Что она читает все чувства, сомнения, страхи по моему лицу, как по раскрытой книге.

Пройдя плавным шагом, женщина остановилась напротив меня и бросила на девушек взгляд. Один только взгляд – но его оказалось достаточно, чтобы те, не поднимая головы, поспешили удалиться, оставив нас наедине.

Я испытывала лёгкий страх. Не то, чтобы я боялась Хатериман – хотя без опасений не обойтись, просто мне не хотелось ни в её, ни в моих собственных глазах проявить слабость, упасть, недотянуть до какой-то невидимой, но существующей планки.

«Словно я снова сдаю экзамен», – подумала я.

На этот раз экзамен был на состоятельность. И сдавала я его сама себе. И я понятия не имела, какие вопросы поднимет сейчас «экзаменатор».

– Вот мы и снова встретились, ваша светлость, – поспешила заговорить я первой.

– Мы рассчитывали, что эта встреча состоится гораздо раньше, – спокойно и многозначительно произнесла моя свекровь. – Если бы ты последовала нашим советам, не пришлось бы тратить столько усилий на то, чтобы вернуть нашего короля домой.

Так, значит? Прямо в карьер и – с упрёков? Ну, как хочешь! У меня тоже есть небольшой список претензий. Небольшой, ага. Но внушительный.

– Вы не давали повода относиться с доверием к вам лично. Как и вы, я стараюсь играть свою роль, но я ни на минуту не забывала то, что случилось накануне нашей последней с вами встречи. И то, каким образом я покинула этот дворец в прошлый раз. Но, как бы там ни было, чтобы там не было, всё в прошлом. Я решила дать нашим с вами отношениям второй шанс.

– Решила? – надменно дёрнула бровью эта женщина, в этот момент как никогда прежде напоминающая мне змею, принявшую человеческий облик.

– Нам обеим выгоден мир. Ради своего сына я готова...

Я осеклась на полуслове, пытаюсь подобрать нужное слово.

– На что ты готова? – с тенью насмешки в голосе проговорила Хатериман.

Я, не дрогнув, выдержала её тяжелый взгляд:

– На союз с вами, – заявила я, вздёрнув подбородок вверх.

Она улыбнулась ледяной улыбкой и со снисходительностью человека, превосходящего присутствующих во всём, проговорила:

– Чтобы ты не думала, я никогда не была тебе врагом. Теперь, став матерью, ты должна лучше понимать мои мотивы.

– Я понимаю, – с иронией проговорила я. – Чувствую, уже сейчас, что заранее недолюбиваю будущую избранницу моего сына, посмевавшую посягнуть на его любовь.

– Проблема в том, что ты посягнула на любовь обоих моих сыновей, а это могло кончиться войной между ними.

– Я не...

Возмущённо начала было я, но Хатериман перебила меня с царственным равнодушием:

– Никогда не понимала мужчин в вопросе выбора ими женщин. И Эвил, и Атайрон встречали на своём пути женщин много красивее тебя, умнее, сильнее, но, по совершенно непонятной мне причине, оба выбрали тебя. Что в тебе такого?

Её слова меня уязвили, хотя я и постаралась этого не показать:

– Не знаю. Этот вопрос вам лучше адресовать вашим сыновьям, а не мне. По крайней мере один из них способен на это ответить.

– Увы! Только один.

– Не я виновна в смерти Эвила!

– Нет, – со вздохом согласилась Хатериман. – Ты до последнего пыталась спасти его. Но сложились обстоятельства иначе, ты могла бы стать причиной раздора между моими сыновьями, а с учётом характера обоих моих сыновей...

Хатериман после многозначительной паузы глубоко вздохнула.

– У меня не было причин любить тебя, Анжелика Ванхелия. Так же как теперь больше нет причин ненавидеть.

– Анжелика? Не Тайима? Что ж, уже неплохо. А что касемо причин?.. При желании причину всегда найти несложно.

– Я присяду, если ты не против? – Хатериман легко опустилась на подушки рядом со мной.

Возможно, причиной всему была магия, разлитая в её крови, волшебная кровь, только этой женщине невозможно было дать её годы. Нет, глядя на неё никто не спутал бы Хатериман с юной девушкой, в глазах её слишком много гнева и боли, как следствие пережитых потерь и полученного опыта, но, подобно хорошему вину, она не старела, а приобретала новые ароматы, цвет и вкус, если, конечно, можно так выразиться о человеке.

К Хатериман вообще невозможно подходить с человеческими мерками. Возможно, потому, что она не человек?

– Я в курсе тех чувств, что Атайрон испытывает к тебе, – с усмешкой проговорила она. – Это, наверное, наша фамильная особенность. Раз вцепившись во что-то, мы этого уже не выпустим, чего бы нам не стоило это наше упрямство. Все Хасепти по сути своей однолюбы...

– Странно это слышать. О связях ваших сыновей с женщинами легенды ходят.

– Легенды на то и легенды, чтобы приукрашивать действительность. Когда мужчина молод, хорош собой, наделён властью и богат, ему весьма непросто встретить в своей жизни достойную женщину, а с недостойными отвыкаешь вести себя достойно. Женщина принесла в мир искушение; женщина воплощает в себе страсть, порок и ночь. Но она же и рождение, и искупление. Умная женщина с глубокой душой может пасть сама и увлечь в падение мужчину, но она же найдёт дорогу на вершину. Но падальщицы, вечные охотницы за богатством, идеальные паразитки, на самом деле глупы. Их внутренний мир уместится в напёрсток. Им

ничего не интересно кроме блестящих безделушек. И именно такие женщины вертятся вокруг влиятельных мужчин, ведь у них не хватает ума понять, что пламя не только греет, но и сжигает. А чтобы не сгореть и не замёрзнуть, нужно уметь пылать самой, а не стремиться всю жизнь к чужому свету.

– Думаете, я одна из таких – глупая паразитка?

– Думаю? Нет. Я знаю, что в тебе горит собственный огонь. Иначе тебе не удалось бы подчинить себе дракона.

– Я его и не подчинила. Молния со мной потому, что любит...

– Глупости всё это. Драконы, любя, подчиняются. Такова их суть. Либо подчиняешь ты, либо подчиняют тебя.

– Равных союзов вы не рассматриваете? – язвительно поинтересовалась я.

– С хищниками и драконами равных союзов не бывает.

– Любой из драконов сильнее любого из нас. Они не боятся нас – они нас любят. Слушая вас, я лишь убеждаюсь лишний раз в том, что в этом мире нет твари более испорченной, чем человек. Даже дракон по сравнению с нами беззащитная зверюшка.

– Думай, что хочешь. Но как мать будущего короля, не забывай, что в полной лояльности подчинённого можно быть уверенной лишь тогда, когда держишь его жизнь в своих руках.

– Боги дали людям свободную волю.

– Потому что боги сильнее любого короля! – возвысила она голос. – Ну, а мы не боги – мы всего лишь люди с блестящей железякой на голове, которую легко с головой же и снять. Помни об Эвиле. И береги сына.

Глава 9

Странно было находиться здесь. Словно бы реальность выглядела как-то искажённо, будто она повернулась ко мне своей изнаночной стороной. Всё в Цитадели было одновременно знакомо и чуждо, как бывает в причудливом сне, когда знакомые улочки обрастают чем-то фантазмагорическим.

Самое странно, что в доме Эвила, где совершенно всё ассоциировалось у меня с ним, его больше не было. Для других – давно не было, а для меня... я думала, что выплакала все свои слёзы по мужу, но в душе снова поднимался тяжёлый, нехороший ком. А из-

за случившегося на Тайном Драконьем Острове (как я мысленно про себя окрестила тот клочок суши посреди седого океана) лишь заставляло меня ещё острее чувствовать вину и печаль.

Я не ожидала ничьих визитов этой ночью, чувствуя себя слишком уставшей не столько от событий и действий (хотя перелёт через море с маленьким ребёнком то ещё удовольствие), сколько от переживаний, воспоминаний и разговоров.

«Береги сына», – сказала мне Хатериман, не сводя с меня чёрных глаз.

– Беречь сына, – повторила я. – Я только этим и занята с момента его появления на свет. Именно за этим я и вернулась к вам – для его безопасности.

– Тебе с самого начала не следовало покидать нас, но что было – то было. Теперь ты здесь.

– Я вернулась бы и раньше, если бы могла быть уверена в том, что вы не встретите меня враждебно. У меня было мало надежды на то, что вы встретите меня как родную. Скорее всего, вы, как и раньше, хотите властвовать, а от меня потребуете преклонения колен и тихой вдовьей покорности.

Хатериман и бровью не повела:

– Разве во дворце Оруэла от тебя требовали меньшего? Разве там ты свои колени не склоняла? Не вынуждена была наступать амбициям на горло?

– Мы делаем то, что от нас требуется. Никогда нельзя ни от чего зарекаться. Я посчитала, что рядом с моим родными мой сын будет в большей безопасности. То время ушло. Я поняла, что ошиблась.

– И вот ты вернулась. И изо всех сил даёшь мне понять, что мне пора отойти на второй план, играть вторую роль. Я правильно тебя понимаю?

– В царских покоях заведён такой порядок: королевой может быть только одна женщина и по вашим законам – королева либо мать, либо – жена. Вы теперь не то и не другое, в отличие от меня. Но я так же прекрасно помню, что королева – не всегда хозяйка. Можно носить корону и не иметь власти.

– А ты хочешь власти?

– Я хочу безопасности.

– Это мой дворец. Здесь всё пропитано нашими думами, слезами, улыбками – нами. И даже сумеи ты нас выгнать отсюда, этот дворец не перестанет быть нашим, – Хатериман не сводила с меня огромных, в половину её узкого, кошачьего лица, глаз. – К несчастью, я давно потеряла тех, благодаря кому это место дарило мне счастье. Много горя мне довелось испытать, я навеки облачилась в траур. Но сколько бы мои глаза не пролили слёз, я всё ещё способна ясно видеть.

– И что же вы видите?

– Вижу, что ты хочешь уничтожить нас, чтобы занять место, которые считаешь своим по праву. Верно? О! В этом дворце властительниц было много. Те, кто ходили по коридорам дворца Цитадели – теперь от них остались лишь тени. Время неумолимо. Как бы не были мы сильны, мы понимаем, что придёт час уступить наше место преемнице. Порядок жизни не изменить никому.

Она взглянула на меня, коротко, в упор. Чёрные глаза казались матовыми.

– Естественным путём, – добавила она угрожающе. – Я Хасепти. Мы не из тех, кто ждёт мирной смерти.

В завершении её речи мне померещилась удушающая, ледяная рука угрозы.

– Я из тех, кто умирает в сражении, а не на коленях.

– Именно поэтому я и не спешила вернуться к вам. Бог, каким бы и где бы он не был, мне свидетель – я не хочу стать вашим врагом. Что мне с нашей вражды, скажите? Паду ли я или возвышусь над вами – в чём мне будет радость? И вы слишком мудры, чтобы не понимать: ни мой сын, ни ваш не простят ни одну из сторон, сойдись мы в действительности в смертоносной схватке, чем бы она не выразалась. Ни вас, ни меня не лишат жизни, но то что от неё останется – стоит ли оно борьбы? Не проще ли объединить усилия? Как бы не была сильна наша антипатия друг к другу, мы хотим одного и того же; любим одних и тех же людей.

– Ты действительно веришь, что способна на равных бороться с нами?

– Я перестаю верить, что с вами можно нормально говорить! Словно со стеной беседую. Послушайте, я правда очень и очень не хочу переходить к обмену угрозами.

– Это будет ошибкой. В глубине сердца ты ведь не считаешь Нас своим врагом?

– Кем я буду считать вас зависит от вас. А что касается меня, то я планирую с успехом проделывать то, что делала все эти годы – идти своим путём. И если вы проявите мудрость, все мои камни я оставлю лежать за пазухой. Не время сейчас их разбрасывать.

Хатериман неожиданно улыбнулась, хотя улыбка эта коснулась лишь губ, не задевая мёртвых глаз:

– Ты женщина умная. Ты понимаешь, как тебе нужно себя вести, чтобы твой сын беспрепятственно взошёл на трон.

– Вы совершенны правы, госпожа, – тут же сбавила я тон.

Это был тот самый случай, когда дурной мир будет лучше доброй ссоры.

– Я прекрасно понимаю твои надежды и расчёты. Ты надеешься, что Атайрон тебя защитит.

– Надеюсь, – не стала отрицать я. – Он мне открыто это обещал.

– До того или после, как ты успела раздвинуть перед ним ноги? – с нарочитой грубостью холодно проговорила Хатериман, а в глазах её горело тёмной торжество, уличающее в том, что она специально делает мне больно, унижает меня. – Что ж? Атайрон не Эвил. Он действительно способен встать в нашем противостоянии на твою сторону. Но страсть мужчин быстротечна, поэтому ты совершенно права, желая сделать ставку на всех лошадей в заезде, Анжелика Ванхелия.

– Сатори. Анжелика Сатори.

Хатериман и святого могла вывести из себя!

– И вы противоречите сами себе. То вы говорите, что я угроза, потому что ваши сыновья слишком серьёзно оба мною увлеклись, то – что всего лишь мимолётная страсть. Почему вы так стремитесь унижить меня, Хатериман?

Она смерила меня взглядом:

– Потому что ничего не могу поделать с мыслью, что в гибели Эвила виноваты ты.

– Это неправда.

– Я знаю. И всё же не винить тебя не получается. Ты с его смертью получаешь всё.

– Я даже не знала в тот момент, что беременна! Я любила вашего сына!

– А второго моего сына ты тоже любишь?

– Да! – заявила я, с вызовом глядя в её надменное лицо.

Какое-то время мы молча мерились взглядами, тяжело дыша.

– И что ты намерена делать? – спросила она.

– Я уже ответила вам: пойду своим путём. С вашего благословения или нет.

– Что ж? Тогда, как будущему союзники, как матери моего внука и будущей королеве дам тебе один совет: если хочешь, чтобы Атайрон не остыл к тебе слишком быстро, не отвернулся и не избавился от тебя, как от старой ветоши, слишком быстро, избавься от его фаворитки-наложницы, чтобы, поднявшись с твоей постели он не шёл к ней.

– Ваша забота обо мне поразительно трогательна, – успело сорваться с моего языка до того, как я едва не прикусила его, приказывая себе молчать и не поддаваться на провокацию. – Кем бы не были фаворитки вашего сына, меня ни одной не переиграть. Я – королева-мать. Меня ему никто не заменит.

Медленно опустив и подняв глаза, Хатериман взмахнула длинными, как опахала, ресницами и тихо, зловеще посмеиваясь, развернулась, чтобы пойти в сторону дверей.

Остановившись в дверях, она встала в полуоборот ко мне, и комната наполнилась её красивым, тихим голосом:

– Все мы, женщины, думаем, что мы незаменимы. Что наш свет никогда не угаснет. Мы для себя, каждая, единственная и неповторимая, но что видят мужчины? Они видят всего лишь желанное мясо, в которое можно войти и выйти. Нечто, что немногим в их глазах ценнее искусно приготовленного гуся. И большинство из них предпочитает разнообразие. Девушки приходят и уходят из жизни мужчины, будто и не было их. Даже имена не всегда остаются на память.

Её слова больно меня задели. Особенно в той части, когда она открытым текстом сказала, что у Атайрона есть любовница. Я понимала, что она намеренно меня провоцирует, дразнит и расстраивает. И ничего не могла поделать с тем, что её стрелы зачастую достигали цели.

Не подавая вида, что мне больно, я со спокойной улыбкой смотрела на Хатериман:

– Я не отношусь к безымянным девицам. Моё имя ваш сын помнил, как минимум, пять лет.

Застыв, как статуя, на несколько секунд, Хатериман лишь сверкала глазами:

– Ты права. Сегодня ты к ним не относишься.

С этими словами она покинула мою комнату, посеяв во мне зёрна сомнений, злости и страха.

Чёртова баба!

Видимо, я так никогда и не научусь понимать, что на уме у этой ведьмы. Вот с какой целью она ко мне приходила? Чего хотела? Просто позлить? Прощупать почву на предмет моим будущим намерений? Или её планы столь сложны, что мне и делать нечего – пытаться их отгадать.

Да, кажется я просчиталась. С Олиерой было в разы проще. Я её мотивацию разгадывала на «раз-два», ибо была та очевидна и выставлена напоказ, как грудь из тесно зашнурованного корсета. Хатериман же со всех сторон окутана загадкой и шёлком, как туманом – легко затеряться, сбиться с пути. Ничего не понять, не предугадать, не предупредить. Воплощённая Тьма.

Нет, ссориться с ней себе дороже. Чего бы мне это не стоило, а фурию нужно задобрить! Война с ней не в моих интересах. Я её ненавидела, но не могла не восхищаться. Это ж надо так повести беседу, чтобы, чем больше говоришь, тем меньше становилось понятно?

Вот зачем она мне сказала о наложнице Атайрона? Чтобы уязвить меня? Или – предупредить, дав возможность принять необходимые меры?

На чьей вы стороне, невыносимая женщина? Враг вы мне или друг?

Ворвавшийся в распахнутые окна и дверь ветер разметал по всей комнате занавески, заставил одежду на мне колыхнуться, зашевелил завитые локоны волос, отбрасывая их мне за спину. Вдалеке, над морем, куда выходил широкий балкон, скорее, даже галерея, засверкали далёкие зарницы.

Ветер врывался в комнату, заставляя занавески и подол моего длинного пышного платья колыхаться снова и снова, лаская кожу шёлком.

Гроза, наконец-то дошла сюда, пусть с опозданием, но догнав нас. Рокоту небес ответили рёвом драконы в Драконьем Логове.

Как и когда Атайрон оказался в моих покоях, я не заметила. Просто, когда обернулась, он стоял в нескольких шагах от меня. Сейчас пламя в его глазах словно припорошила золой, оно почти не было заметно.

– Вы решили сделать мне сюрприз, милорд, почтив неожиданным присутствием? Одарив визитом, от которого нельзя отказаться?

– Ты мне не рада.

– Я успела забыть о том, что здесь царят почти восточные обычаи и мужчина приходит к женщине, когда того пожелает. Но, признаться, хотелось бы иметь место, где можно не опасаться нежданного вторжения и не важно, врагов ли, друзей...

Атайрон встал рядом, опираясь руками на мраморный поручень балкона. Несколько секунд мы молча смотрели на вздымающиеся, пенящиеся волны. Потом, повернув голову, вопросительно взглянул на меня:

– Я ждал момента, когда мы останемся наедине, Анжелика, надеялся, что у тебя те же планы на вечер, что и у меня. Нам есть, чем заняться и что обсудить, не так ли?

Он с ласковой нежностью коснулся моей щеки, но на этот раз его нежность не умиляла, а лишь раздражала меня. Словно встреча с Хатериман сдёрнула пелену самообольщения с моих глаз.

– Что случилось? – нахмурился Атайрон. – Что происходит? Тебе что-то не понравилось? Наряды? Комнаты? Служанки? – перечислял он, пока я продолжала с иронией глядеть на него. – Нет, – покачал он головой, – вижу, всё не то. Такие мелочи, как шелка и драгоценности, тебя никогда не волновали. Может, избавишь нас обоих от игры в «холодно и горячо» и сама скажешь, в чём причина?

– Перестань, – попыталась отмахнуться я. – Моя нервозность всего лишь реакция на приближающуюся грозу. Да и день выдался долгим и тяжёлым.

Атайрон, глядел мне прямо в глаза.

Какого чёрта оба брата унаследовали глаза от своей ужасающей матери?

– Перестать? – медленно повторил, придвигаясь ко мне ближе со скользящей текучей хищной пластикой. – Нервы и реакция на грозу, значит? Я уже говорил тебе, что не люблю, когда мне лгут.

– Не любишь, когда тебе лгут? Да неужели? – сквозь зубы процедила я, вопреки благим намерениям давая возможность выплеснуться раздражению. – Меня, судя по всему, это должно расстраивать или волновать? Не много ли на себя берёшь, дорогой старший брат моего мёртвого мужа? – язвительно протянула я, коротко ударя кулаком ему в плечо. – Кем ты себя вообразил? Моим господином? Судьёй? Или – хозяином?

– Всего лишь твоим деверем, союзником и любовником.

– То, что случилось в пещере, было ошибкой. Этого больше не повторится...

– Не повторится?! – зло сощурился он и, схватив меня за руку, притянул к себе.

Я попыталась высвободиться из его рук, но Атайрон мгновенно оказался у меня за спиной, я очутилась в ловушке его рук и мускулистого, твердого, словно камень, тела. Он удерживал меня, крепко, почти до боли, сжимая руки, не давая пошевелиться, вынуждая стоять прямо, прижимая к себе.

– Случайность, значит? – интимно и зло прошептал он мне на ухо.
– Не повторится?..

– А ну, пусти!

Ответом мне был короткий смешок:

– Мне нравится, как стучит твоё сердце: словно птичка, неистово бьющая крыльями в клетке. Но ей не вырваться. Ни за что не вырваться.

Он жёстко, властно сжал в кулаке мои волосы, заставляя меня запрокинуть голову. От мягкой бережливости, что Атайрон демонстрировал на Драконьем Острове не осталось следа. Передо мной был словно другой человек

– Я не птичка!

– Нет, конечно – нет, – проворковал он, пока его пальцы нежно гладили моё горло. – Ты не птица – ты женщина, которую я хочу до боли, до помутнения в глазах. Женщина, которую я ждал годами.

Которой никогда не смогу насытиться. Которую готов брать снова и снова. Только одна причина могла заставить отступить от тебя. Но этой причины больше нет.

– Пусти, я сказала!..

– Нет. Не пущу.

Его рот накрыл мои губы, терзая, жаля поцелуем.

Я пыталась скинуть с себя его руки, оттолкнуть от себя, но Атайрон был сильнее. И его сила, его ярость, его твердость и желание лишали меня воли, наполняя ответным огнём. Он ломал моё сопротивление так же легко, как огонь перекусывает тонкие сухие прутики, пережёвывая их в пасти, пока от тех не останется ничего, кроме фейерверка разлетающихся в разные стороны искр.

Наслаждение было странным, похожим на боль. Животной страстью нас притягивало друг к другу, словно силой тока, оголяя каждый нерв, каждую клеточку. Его прикосновения обжигали и зажигали, поцелуи действовали как масло, пролитое в огонь, по всему телу будто гуляли языки пламени. И я, запрокинув голову, жмурилась и заклинала себя не кричать. Я пыталась хоть таким образом сопротивляться.

Я ему не наложница! Не пойманная в клетку птица! Я – его королева.

Королева, которой не удержаться на троне без его помощи. Зависимая и жалкая. Женщина, нуждающаяся в твёрдой руке и горячих мужских губах. Уставшая от одиночества, от раздирающих сомнения, больше всего на свете страшась предательства от того, кому надеялась поверить и потому сопротивляющаяся изо всех сил.

– Твоё упорство похвально, дорогая, но бессмысленно, – насмешливо проговорил он и, подхватив меня за талию, повалил, бросив на кровать.

Я попыталась сопротивляться, подняться, отползти, но безуспешно – рывком подтянув к себе, он довольно грубо овладел мною.

Последняя попытка противиться разбилась, как волна о скалу.

Подхватив мои бёдра руками, Атайрон дёрнул меня на себя, забрасывая мои ноги к себе на плечи и удерживая их за щиколотки. Сопротивляться в таком положении весьма затруднительно, да и... не хотелось.

Нависая надо мной, он вдалбливался в меня быстро и сильно, выдерживая один и тот же рваный, глубокий ритм, задевая потаённые, чувствительные точки в моём лоне, лишая последней воли к сопротивлению, наполняя тело незнакомым дотолем, животным наслаждением, на которое я вообще не считала себя способной.

Когда жажда моя стала непереносимо острой, я будто со стороны услышала свой жалобный и гортанный, умоляющий стон.

Я поддавалась ему навстречу, раскрываясь, как раскрывается цветок к палящим и живительным лучам полуденного солнца, стремясь срастись, сойтись и – никогда не разделяться. Я хотела, чтобы он остался, растворившись в недрах моего тела и души, со мной, во мне – навсегда. Я насаживалась на него с такой силой, словно хотела поглотить. А он отступал, дразня, и снова возвращался, с каждым разом обещая всё больше, проникая всё глубже, забираясь всё дальше – под кожу, под мышцы, под кости и нервы.

Всё выжигая, всё сметая, всё отрицая – кроме одного: меня, его – нас.

Когда, наконец, мы достигли финальной точки, оргазм был такой силы, что я словно утонула в белой пелене, с трудом глотая воздух.

Атайрон, рыча, несколько раз конвульсивно ударился в меня бёдрами и содрогнулся, изливаясь горячим семенем, сжимая пальцами мои ягодицы до синяков, словно боясь, что я решу отстраниться в самый неподходящий момент. Его финальный аккорд вызвал ответную волну в моём теле, заставляя конвульсивно извиваться от очередной порции удовольствия,

– Ненавижу тебя! – простонала я, когда Атайрон, утомлённый нашей любовной схваткой рухнул, наваливаясь на меня, тяжело прижимая к кровати всем своим телом, состоящим из витых, твердых мышц без единой унции жира.

Его спина и плечи были мокрыми от пота, волосы, взмокнув, вились, спадая на лицо.

– Признайся, тебе было хорошо со мной, – самодовольно и светло улыбнулся он.

– За это и ненавижу, – пробурчала я в ответ, уткнувшись лицом в его твёрдое плечо, скользя руками по взмокшей, покрытой испариной, коже.

Он гортанно засмеялся в ответ.

– Только попробуй сказать, что это было ошибкой и больше не повторится.

– И что ты сделаешь? – вопросительно приподняла я бровь.

– Немедленно заставлю тебя убедиться в том, что ты неправа.

– А силёнок-то хватит? – фыркнула я.

В наказание меня подмяли под себя, сжимая в объятиях:

– Проверим?

– Пожалуй, я выброшу белый флаг.

– Слабачка, – хохотнул Атайрон и, потянувшись через меня, взял с прикроватного столика два кубка, которые прямо в его руках наполнились вином.

– Магия, – произнесла я многозначительно.

Он протянул кубок мне, и я его приняла.

– За нас. И наш союз.

Я сделала несколько глотков и поставила кубок. А потом, набросив на плечи тяжёлый бархатный халат, скрыла свою наготу, словно восстанавливая сломанный Атайроном барьер.

– Ты не можешь приходить ко мне, когда пожелаешь.

– Почему? – пожал плечами он.

– Потому что в любом дворце есть глаза и уши. Наша связь – она невозможна.

– Ты ошибаешься. Она не только невозможна – она неизбежна.

Он снова обнял меня со спины, прижимая к своей груди, пристраивая подбородок у меня на плече.

– С первой нашей встречи я ничего не мог поделать с мыслью, что твой брак с Эвиллом какая-то чудовищная ошибка небытия. Ты была предназначена мне.

– Но я жена твоего брата...

– Моего мёртвого брата! Пока он был жив, я все свои эмоции держал при себе. Теперь же между мной и тобой ничего не стоит.

– Если не считать предрассудков. Не уверена, что всю жизнь хочу прятаться от людских глаз.

– Если бы это было единственным условием нашей связи, что ж?..

– пожал Атайрон плечами. – Но я и не планирую держать нашу связь втайне.

– Хочешь объявить меня любовницей, разостлав эту весть с герольдами?

– Почему любовнице? – снова буднично пожал он плечами, возвращаясь в кровать и лениво пощипывая кисть винограда. – Я женюсь на тебе.

– Женишься?.. Как это?

– Ну, как все женятся. Соберём именитых гостей, принесём друг другу торжественные клятвы, как велит обычай.

– Ты сошёл с ума?

– Нет. Мы должны были бы пожениться, даже если бы не испытывали друг к другу никаких эмоций.

– Это совершенно невозможно!

– Мы – единственные драконьи всадники, оставшиеся в живых, наш союз предрешён. Если мы, конечно, хотим, чтобы Пингвин, Алое Пламя и Ведьма оставались подконтрольны людскому разуму до момента, когда Ангэй достигнет брачного возраста. Или ты предполагаешь, милая, что справишься с драконами сама.

– До сих пор прекрасно управлялась.

– До сих пор драконы были маленькими, но вскоре они достигнут брачного возраста.

– Опять эти проклятые заморочки с драконами! Иногда мне кажется, что ты просто морочишь мне голову этими сказками.

– Тебе кажется, любовь моя. На самом деле я всего лишь рассказываю и предупреждаю. Через пару-тройку лет придёт время драконам найти всадника. Ведьму мы прибережём для будущей жены Ангэя. Алое пламя отдадим Хатериман.

Я с трудом проглотила возмущение. Он распоряжается моими драконами, как своими.

– Ему остаётся Пингвин. Но до той поры драконы завязаны на Молнию, а Молния связана с тобой. Их энергия станет нестабильной. Я нужен тебе.

– Чтобы управлять драконами? – упрямо сжала губы я.

– Чтобы помогать управлять драконами, страной и просто – чтобы быть счастливой. Я нужен тебе. Признай это.

Я прилегла на кровать рядом с ним, положив голову ему на колени и с лёгкой усмешкой поглядела на него снизу-вверх.

– Пока я готова признать только одно – ты хороший любовник, Атайрон Хасепти, умеешь доставить женщине удовольствие. Что же

касается, чтобы стать мужем? Муж должен быть верен. Я должна ему доверять.

Глаза его сузились. Ноздри гневно затрепетали.

– Ты, стало быть, не доверяешь мне?

– Я не знаю. Доверие приходит со временем. А его у нас пока было недостаточно, но зато предостаточно впереди. Я хотела бы выйти за тебя замуж, но сначала я должна убедиться, что ты действительно хочешь представлять наши интересы, а не использовать меня и моего сына в своих целях.

Глава 10

Заметив, как резко изменилось лицо Атайрона, будто с его лица разом исчезли все эмоции, я поняла, что перегнула палку со своей ворчливой откровенностью.

– Прости! Я не это хотела сказать...

– Как такое возможно? – холодно блеснул он на меня глазами. – Люди говорят то, что хотят. Ну, в твоём случае допускаю возможность, что ты сказала больше, чем хотела. Однако, думаешь ты именно так.

– Расчётливой стервой, – я помассировала пальцами вновь начавшие ломить виски. – Наверное, я такая и есть. Стала такой. Когда я была маленькой, думала, что власть – это здорово. Что тот, у кого много власти чувствует себя хозяином положения и может ничего не бояться. Но с тех пор, как всё это на меня свалилось, я не секунды не чувствовала себя в безопасности, ни минуты не делала то, что хочу. Меня словно тянет огромным потоком в неизвестную мне сторону, а всё, что я делаю – пытаюсь удержаться на плаву. Тянешься к чему-то, думаешь, вот она – минутная передышка, и снова бултыхаешься в вонючей топи. Вокруг так мало честных лиц, что ты уже не помнишь, как они выглядят. Лгут все. Предают все. Но в моём случае ошибка будет стоить слишком дорого. Я могу потерять сына так же, как потеряла его отца...

Всё это я выговорила на одном дыхании и не глядя на Атайрона. Словно не ему я это говорила, а самой себе. Проговаривала вслух свою неуверенность.

Атайрон присел рядом, обняв меня рукой за плечи:

– Эвил не погиб бы, если бы послушался меня. Но он был слишком молод и горяч. Хотел доказать, что сможет справиться сам. И не справился. Не повторяй его ошибки. Мы – одна команда, так или

иначе. Наш интерес совпадает с твоим. Я бы сделал всё, чтобы укрепить власть Ангэя, даже если бы ненавидел тебя, а не любил. И я буду регентом в любом случае, гласно или негласно, потому что реальная сила и власть у меня. Пойми, я не пытаюсь загнать тебя в клетку этими словами – это просто факт. Мы можем выполнять каждый свою функцию по одиночке, украдкой встречаясь ночами, словно два вора. А можем сделать наш союз открытым.

– Разве брат может жениться на вдове брата? – устало спросила я.

– Были случаи, когда братья открыто женились на сводных сёстрах. В истории чего только не было. Тот, у кого сила, диктует правила.

– А как же совесть?

– Кого мне стыдиться? Кого стыдиться тебе? В любом случае, то, что случилось, уже случилось и этого не изменить.

– Я не хочу ничего менять.

Наши пальцы переплелись. Я не смотрела на него, было довольно и того тепла, что чувствовала плечом.

– Я всего лишь хочу стабильности и немного покоя.

– Да, всего лишь, – с усмешкой добавил Атайрон.

– По-твоему, это много?

– Мир не изменится, Анжелика. Он останется таким, как есть. И в нём всего в избытке: ночи и тьмы, дня и солнца. Никуда из него не денутся слизняки, крысы и блохи, но в нём также есть музыка, красивые вещи, цветы и птицы. Каждому в нём есть место вне зависимости от наших желаний.

– Ты мне сейчас читаешь лекцию об избирательном восприятии?

Брови Атайрона слегка приподнялись в удивлении. Видимо, построенная мной фраза показалась ему странной.

– Мир такой, каким мы его видим, – вздохнула я. – Я знаю. Находишься мы сейчас в другом месте мне бы, наверное, следовало посетить психолога...

– Кого?

– Человека, который помогает нам понять себе лучше и исцелиться.

– Ты сильнее, чем думаешь о себе сама. Тебе психолог не нужен. Тебе нужен я, – с усмешкой проговорил Атайрон и вновь опрокинул меня на подушки.

Нет, не с тем, чтобы вновь приставать. А с тем, что беседовать лёжа и правда было удобнее.

Я засмеялась и расслабилась. На несколько секунд. Правда-то в том, что расслабляться я не умею. Всегда найду повод, чтобы вновь впасть в тревожное состояние.

– Ты нужен мне. Я нужна тебе, – проговорила я, ведя пальцем по его высоким и тонким скулам.

– Всё верно.

Я помолчала, раздумывая о словах Хатериман и возможной любовницей Атайрона, испытывая острое желание прикончить последнюю на месте. И правда эволюционирую, только, боюсь, не в лучшую стадию. Любовниц Эвила убивать мне не хотелось. Но тогда я ещё не привыкла к власти, к тому, что мои желания исполняются. И к тому, что я могу не только хотеть, но и делать.

Страшная всё-таки штука – власть. Те самые «медные трубы», последнее испытание души, которое стоит последним в ряду огня и воды, замыкая его.

– Что опять? – хмыкнул Атайрон.

– До твоего визита здесь была твоя мать.

Он напрягся. Улыбка сошла с его лица.

– Только не говори мне, что ваши старые дрызги всё ещё живы.

– Ты же хотел знать, что меня огорчило. В нашем случае это скорее – кто. Хатериман сообщила мне много интересных новостей. В том числе и о твоей прекрасной наложнице.

Повисла пауза. И чем дольше она длилась, тем сильнее холодело и тяжелело моё сердце. Я пыталась понять, что думает и чувствует в этот момент Атайрон; пыталась предугадать, что он мне ответит. Прочсть что-то по его лицу не получалось. Оно было спокойно и замкнуто. Хотя то, что удовольствие ему поворот в разговоре не доставил, было понятно.

Но я ничего не могла с собой поделать. Этого было не избежать. Мне нужно расставить «точки над і», определиться на местности. Так сказать, окончательно сложить систему координат.

– И что же она сообщила о моей прекрасной наложнице? – холод в голосе не способен был скрыть гнева Атайрона, напротив, лишь подчеркивал его.

– То, что она есть, – я не стала изгонять грусть из моего голоса. – Не беспокойся, твоя мать не называла имён и не персонифицировала данные.

– Чего?.. – он тряхнул головой, словно отбрасывая лишнее, отделяя его от сути.

– Ты не подумай, я не настолько безумна, чтобы злиться на то, что в твоей жизни есть другие женщины. Ты здоровый, красивый мужчина. И это нормально. Вопрос не в том, чтобы в прошлом – вопрос в том, что будет в будущем. Я приму любой вариант, но я прошу тебя быть со мной честным.

– Любой вариант?

– Наш союз может быть не только сердечным – я смирюсь, если мы создадим его, опираясь на разум.

– Как много слов, Анжелика, – хмыкнул Атайрон, притягивая меня к себе. – У меня были наложницы, но все они существовали лишь для удовольствия, пока я не мог получить то, что хочу. Не позволяй Хатериман расстраивать тебя пустяками.

– Ты разорвёшь эту связь? – ревниво спросила я.

– Связь?.. О какой связи ты говоришь. Я у некоторых из этих женщин даже лица не помню.

Прекрасно! Просто прекрасно! Их там ещё и не одна... хотя, это к лучшему. Мне и правда пора уметь. Череду женщин говорил лишь о крепкой половой конституции у мужчины, в которой я имела счастье убедиться. Одна женщина, задержавшаяся в постели мужчины повод насторожиться.

– Ты отошлешь эту женщину из дворца?

– Поверь, в это нет необходимости.

– Ты отошлешь её? – затвердел мой голос, как и тело непроизвольно напряглось, собираясь отпрянуть от обнимающих меня рук.

– Отошлю, если тебе так будет спокойнее, – пообещал Атайрон, удерживая меня.

И, успокоенная его словами, я вновь пристроила голову у него на плече.

Конечно, пока я не смогу проверить его слова, ведь я никогда здесь не знаю, не имею союзников. Но это временно. Вот заодно и проверю, насколько можно доверять его слову.

Впрочем, в душе я поверила сразу. До сих пор у Атайрона слова ни разу с делом не расходилось.

Умиротворённая и удовлетворённая я так и заснула в его руках, не обращая внимания на разгулявшуюся за окном бурю.

Я привыкла подниматься рано, но на этот раз просыпаться мучительно не хотелось. Всё тело умоляло поспать подольше. В общем-то никто и не запрещал.

Разбудило меня ласковое прикосновение в макушку – Атайрон ласково поцеловав меня, растрепал мне волосы.

– Как не горько, но мне пора возвращаться, пока все ещё спят. И это ещё один аргумент на то, чтобы тебе обдумать вариант с нашей свадьбой как можно скорее.

– Непременно обдумаю, – ответила, героическим усилием воли преодолевая желания сладко зевнуть.

– Не залёживайся, дорогая. На десять назначено заседание в Присутствии.

– В каком Присутствии? – спросонья я плохо соображала. – Ты Совет имеешь ввиду? – Остатки сна стали быстро улечиваться, я села на кровати, прижимая тонкое одеяло к груди. – Хочешь сказать, что зовёшь меня туда?.. Но... разве это не противоречит вашим обычаям?

– У любого обычая есть родоначальник, как у любой реки – исток, – заявил Атайрон. – В первое время правления Эвила, когда ему было около четырнадцати, наша мать не только присутствовала на советах, но и возглавляла их. Твоему сыну шесть.

– Скоро исполнится. Пока – только пять.

– Буду рад представить тебя Совету, если будешь готова. Впрочем, мы может отложить это событие и до следующего раза.

– Нет! Я вполне готова.

– Отлично, – склонившись в последний раз, Атайрон нежно поцеловал меня, и мы распрощались.

Несмотря на недосып у меня было великолепное настроение. Ночь прошла волшебной, да и день обещал стать волнительным, может быть, даже тяжёлым, но плодотворным. Подумать только, даже при папеньке в Оруэлле к Совету меня не допускали. Олиеру тоже. В мире условного Средневековья место женщины было в покоях, ну, может

быть на пирах и балах, где полагалось услаждать взоры и награждать поцелуем.

Впрочем, всё на свете условно. В этом мире, как и в моём, как, полагаю, и в любом другом, если таковые существуют, всё зависит от самого человека. Все мы разные. И здесь женщина могла оказывать влияние, начиная от мужа, заканчивая государством. Хотя мужчинам отдавались преференции. И это, кстати, не всегда несправедливо. В делах управленческий мужчины часто действительно справляются лучше женщин.

Что меня радовало в этой ситуации? Атайрон не обязан был допускать меня к рулю. У него реально были все козыри на руках. Включая меня, как королевы-матери. Но он поступал благородно. По крайней мере, я в это хотела верить и верила.

Оделась я тщательно, ведь широко известная истина, что второго шанса произвести первое впечатление ни у кого не будет. Сказать, что я нервничала как школьница перед первым свиданием было бы неправильно и неправда. Я не была школьницей, и я не нервничала, испытывая лишь лёгкое волнение, схожее с возбуждением. Я продумывала, как себя вести с той же тщательностью, с какой подошла к выбору наряда.

Красное – слишком яркое, это свет страсти. Зачем страсть на совете? Жёлтое? Тоже не годится – это цвет праздника и праздности. Белое? Белое слишком лёгкое – это для невинных дев, для единорогов. бескрайних лужаек – цвет ангелов и целомудрия.

Я остановила свой выбор на глубоком синем, с золотистыми вставками. Он не так выгодно оттенял мои рыжеватые волосы, как зелёный, но зато к высокому вдовьему статусу подходил безукоризненно. Буйные мои локоны служанкам пришлось укротить, спрятав под золотой обруч диадемы-короны, удерживающий на голове накидку из синей, в тон платья, прозрачной материи.

Красота и статус одинаково ярко подчёркивались одеждой – тот самый эффект, к которому я и стремилась.

Одной части меня ужасно хотелось пойти и поприветствовать сына, но я понимала, что, сейчас пойдя на Совет сослужу ему более верную службу, чем если пойду на поводу своего сердца и ворвусь к нему в комнату с намерениями затискать и расцеловать с утра.

Сдержанность – удел тех, кто стоит у власти. Мой сын родился с этим, а мне приходилось учиться – учиться каждый день.

В Зал Совета Присутствия мы с Атайроном вошли рука об руку, как если бы уже были королём и королевой. В тронном зале отца обычно стояло высокое кресло на помосте, здесь же был широкий и довольно длинный, так, что мы оба могли на нём поместиться, диван.

Мы прошли по широкому ковру, вдоль двух рядом мужчин, одетых по-разному, но одинаково покорно склоняющих свои головы в нашем присутствии. Хотя я и видела, что некоторые мужчины кто с любопытством, кто с тайным неодобрением поглядывали в мою сторону, но стоило им встретиться со мной глазами, как голову опускались ниже.

Остановившись перед диваном, мы повернулись лицом к присутствующим на Совете.

– С благословения богов, всеблагих и милосердных, я открываю сегодняшнее заседание Совета, – глубокий голос Атайрона легко заполнял пространство, что, несмотря на присутствие достаточно большого количества людей, казалось полупустым из-за светлого оформления и большого высоких полукруглых арок. – Рад представить вам мать нашего будущего повелителя, возлюбленную супругу моего покойного брата – Анжелику Ванхелию. До совершеннолетия своего Ангэя I, короля Десятицарствия, она разделит со мной все тяготы и ответственность власти, как того пожелал перед смертью мой возлюбленный брат.

Выдержав небольшую паузу, Атайрон опустился на своё место.

К моему удивлению, все остальные, сделав шаг назад, тоже сели на деревянные скамьи с сиденьями, обитыми тёмно-красным бархатом, расположенные вдоль стен. В тронном зале Оруэлла сидеть право имел лишь король, а когда здесь правил Эвил... ну, когда здесь правил Эвил, меня из внутренних покоев в эту половину никто не пускал.

Речь шла об обыденных вещах. Мой страх что-то не понять быстро рассеялся. Обсуждали хлопоты с монетой, урожай и правосудие. Прозвучал доклад, что в столице не хватает внутренних войск, чтобы поддерживать порядок. Что необходимо снизить пошлину на ввоз и вывоз целого ряда товаров. Потом следовал доклад о заговоре каких то Славных Воинов Нового Братства. Если я правильно поняла суть, то в заговоре участвовали не благородные

лорды, а большей частью купцы, лавочники и ремесленники. Судя по донесениям шпионов, они планировали заключить союз с Дикими Всадниками из Края Пустынь. Что ещё хуже, к ним зачем-то примкнула Чёрная Лига, к которой в своё время принадлежал и сам Атайрон.

Услышав упоминания об Ордене старых собратьев Чернокнижник помрачнел.

Всё таинственное и непонятное невольно привлекает и завораживает, а что может привлекать и завораживать сильнее тёмных колдунов? Доподлинно об их таинственной жизни мало что было известно, зато слухов и теорий было – хоть отбавляй.

Тайный сговор заключался с целью устранения от власти Хасепти, которых народ не признавал, ведь законным наследником был мой сын. Конечно, появления Ангэй выбивал почву из-под ног заговорщиков. А наш союз с Атайроном усилит наши позиции.

– Поводов для беспокойства нет, – сладкоречиво распевал один из докладчиков. – Особенно теперь, когда появление новых драконов усилит нашу оборону.

Атайрон кивнул. Но с мрачным видом. Очередные измены, интриги, подковёрная борьба. Почему наши славные подданные не могут жить тихо? Потому что видят власть сочным пирогом, который приятно откусить. Игра такая. Власть – сокровище, цель королей – не дать её у себя похитить. Лишь в оставшееся от этой игры время можно немного позаботиться о жизни своих подданных. Если что, это всё ирония.

Совет порешил в итоге пошщины не снижать, цены в городе – поднять, шпионам продолжать наблюдать, армии – выдать денежное довольствие. Ну, и ещё кое-что – так, по мелочи. Кого-то переназначили на новый пост. Поскольку я ещё не знала местную знать в лицо, не поняла, кто тут друг, а кто враг – мне было всё равно. Прежде чем протаскивать к себе сторонников, ими нужно обзавестись.

Совет продлился несколько часов, после чего славные мужи разошлись, а я получила возможность выдохнуть и с облегчением шагнуть на свою женскую половину, где всё было куда более родным и знакомым.

Ангэя в его комнате я не нашла. Мне доложили, что мальчика повели знакомиться с его новыми учителями. Что ж? Отлично! Я тоже

с ними познакомлюсь.

Воодушевлённая и весёлая, я шла следом за моим провожатым в сопровождении стражи, которая по дворцу ходила за мной следом неотвязно, как тень. Ну, к этому я давно привыкла. Не полагается царственным особам в одиночестве передвигаться. На память пришёл давнишний мем из старой жизни, тот самый, где Сулейман-Султан из «Великолепного века» в ужасе сетует на то, что стучал в дверь три раза, но никто не открыл – так как же он выйдет из своих покоев? Иногда я думаю, что в сходной ситуации в первый момент тоже пришла бы в ужас.

Царская жизнь она такая – ты не успел глаза продрать, счастливые подданные тапки несут. А ты им улыбаешься, обуваешься и думаешь: что там внутри тебя ждёт – мягкий мех или кто гремучее змею подложил? И так каждый день. Обычаи предков запрещают тебе всё – всё за тебя делают. Незнамо кто. Не факт, что лояльный человек.

В прошлой жизни я любила готовить. А какие торты я делала?..

Мои воспоминания прервали, в очередной раз распахнув дверь. И настроение моё в тот же момент упало. Ушло в минус.

По классной комнате словно прошёл ураган и разнёс в щепы классные парты и доску, перевернул шкафы, сбил в кучу ковры с пола и сорвал гобелены и карты со стен.

Трясущиеся мужчины в чёрных кафтанах и парочка женщин в ярких платьях пытались разгрести из общей кучи всё то, что в эту кучу было сброшено. Ощущение с первого взгляда было такое, словно по комнате прошёлся смерч – в прямом смысле этого слова.

Стоило людям заметить моё присутствие, как они тут же замерли на месте, опустив глаза и руки вниз и замерли в поклоне. Вернее, как присели, так и остались.

– Госпожа...

Первой мыслью было: на наследника напали, как минимум. Возможно, похитители. А может быть – убили. Но мозг обрабатывает информацию быстрее сознания, я поняла, что мои фантазии не больше, чем фантазии. А разрушения устроил, скорее всего, сам Ангэй.

– Что здесь произошло? – тоном, от которого меня саму вымораживало, тихо спросила я, боясь повышать голос из опасений,

как бы то, что ненароком здесь ещё уцелело, всё же не разрушилось.

– Госпожа, наш маленький господин счёл уроки не интересными, – по-прежнему не поднимая на меня глаз, ответил один из слуг.

Голос его звучал спокойно, но от моего внимания не укрылась дрожь в руках. Что ж? В моей жизни тоже было время, когда я зависела от желания многих тех, кто стоял наверху. И часто эти желания сложно было назвать разумными и взвешенными. Но в моём мире за провинности хотя бы не казнили. По-крайней мере – массово.

– Моему сыну не понравились занятия?

Спокойно, Анжелика, спокойно! Ты же не яжмать, какая-нибудь. Ты – разумная женщина, королева, к тому же в прошлом сама педагог со стажем. И кому, как не тебе знать, что лошадь можно привести к водопою, вот заставить её пить...

Да и норов твоего сына тебе тоже прекрасно известен.

– Это он устроил тут весь этот беспорядок?

Ответа не последовало. То, как они тряслись, начинало раздражать.

Ладно, я пыталась найти повод, чтобы выплеснуть гнев за то, в чём эти люди были не виноваты. На их счастье идти на поводу худшей стороны своей натуры я не собиралась.

Но... чёрт-чёрт-чёрт!!! Почему?!..

Почему всё в жизни похоже на кровать под одеялом и стоит «натянуть» угол благополучия на одну сторону жизни, как ту же провисает другая? Почему сын сорвался в первый же день?! Специально, будто мне назло. Или желая порадовать свою «любимую» бабушку, специально продемонстрировав, что со своими обязанностями я не справляюсь и мальчик воспитан из рук вон плохо. Или вообще не воспитан, не обуздан и зол.

Ну, что же, многоуважаемая Хатериман. Это всё ваша огненная кровь Хасепти. Ваша тёмная магия.

– Кажется, я задала вопрос? Впрочем, можете не отвечать, ведь ответ очевиден. Никто не пострадал, я надеюсь?

– С принцем всё в порядке, госпожа. Не волнуйтесь.

Я кивнула:

– Остальные тоже не пострадали?

– Нет, госпожа. Всего лишь небольшой беспорядок. Мы всё уберём.

Я чувствовала как то горечь, то гнев подкатывали к горлу.

– И после чего мой сын позволил себе разгневаться подобным образом?

– Мы пытались проверить его знания по географии, госпожа. Кажется, вопрос пришёлся нашему будущему владыке не по вкусу.

– И где же теперь... владыка? – как я не старалась, изгнать горькую иронию полностью не получилось.

– Мальчик хотел видеть вас. Полагаю, он пошёл в ваши покои, госпожа, – заметила одна из девушек.

Кивнув, я молча развернулась и, почти не чувствуя под собой ног от гнева и опасений, как бы не случилось так, что Ангэя у меня в покоях нет, устремилась вперёд.

Вот же маленький негодник!

Заметив у моих дверей ещё парочку мужчин, я с облегчением выдохнула – Ангэй здесь. Но гнев мой не остыл.

Когда я ворвалась в комнату, мой сын стоял перед двумя девушками в позе надутого довольного индюка и что-то говорил им.

– Оставьте нас, – велела я грозно.

Девушки мгновенно испарились.

– Я бы сказал вам: «Доброе утро, матушка», – проговорил маленький негодник. – Но такая досада – сейчас совсем не утро!

Ноздри его трепетали, а глаза метали молнии. Он не только не чувствовал себя виноватым, он пришёл обвинять!

Так, ладно, из нас двоих я старшая. Я должна быть умнее, мудрее и сдержаннее. И как не хотелось мне по-простому, от души надрать сыну задницу или хотя бы отодрать за уши... нельзя! Царская передо мной особа, так всё-растак-и-через-коромысло!

– Я ждал, что вы придёте пожелать мне спокойной ночи, но вы не пришли. И утром – тоже.

– Мне очень жаль, что тебя это расстроило, Ангэй, но я не пришла, потому что не было возможности. Сначала мне пришлось нанести визит вежливости вашей бабушке, королеве Хатериман, затем нужно было обсудить дела с вашим дядей...

– С Чернокнижником?

– С уполномоченным главой государства, которого назначил ваш отец до вашего вступления в возраст. И прояви уважение к старшим. Разве этому я тебя учила?! Стыд какой!

– Это я должен стыдиться? – с возмущением взглянул на меня Ангэй.

Лицо его даже исказилось от ярости.

Видит бог, иногда мой сын меня пугает. Если его характер не изменится в лучшую сторону, нас всех ждут очень плохие времена!

– Это тебе должно быть стыдно! Ты меня бросила – одного! В этом ужасном месте!

Вопил он, притопывая ногой от охватившей его ярости и, что удивительно, ничего комичного в этом зрелище не было.

– Так-то ты меня любишь?!

– Я тебя не бросала. Я оставила тебя с твоими нянями и учителями.

– Мои няни остались в Оруэлле. Как и все мои слуги. Мои вещи. Мои друзья. Мне здесь не нравится. Я хочу домой, – подвёл он черту под всем вышеперечисленным.

– Я понимаю, – сдержанно кивнула я. – Твоё желание естественно. Всем нам порой бывает трудно расстаться с чем-то привычным или дорогим сердцу. А тебе придётся понять, что иногда, покидая что либо, мы уже не имеем возможность вернуться назад. Теперь твой дом здесь.

– Но мне здесь не нравится!!! – снова завопил Ангэй с искажённым лицом. – Слышишь меня, ты!... Мне не нравится здесь. А ты бросаешь меня и шляешься неизвестно где!

Кровь бросилась мне в лицо с той же силой, что отхлынула от его гневных щёк.

– Не смей так со мной разговаривать, – похолодевшими губами проговорила я.

– Не сметь?! Я – король! А короли могут делать всё, что захотят. И когда я хочу, чтобы моя мать была рядом со мной – она должна быть рядом со мной. Тебе понятно? Ты будешь меня слушаться, или горько пожалеешь. Я...

Рука почти против моей воли отвесила ему пощёчину. Голова сына мотнулась. А когда он поднял ко мне лицо, глаза его заволокло темнотой, как в фильмах ужасов.

Меня приподняло и ударило об стену – один раз, другой, третий... потом моё сознание милосердно улетучилось, и я провалилась в темноту беспомощности.

Пришла я в себя под оглушительно-громкий рёв.

– Мама! Мамочка!.. Ы-ы-ы!..

В голосе сына звучало такое отчаяние, такая мука, что весь гнев, и боль, и страх мгновенно улетучились из моего сердца – не открывая глаз, я протянула руку и притянула его к себе.

– Мамочка! Я не хотел делать тебе больно!.. Я правда не хотел! Оно само так вышло... Я...

Сын внезапно перестал плакать и замер, как каменный, в моих руках.

С трудом открыв глаза, я увидела ярко-красное пятно. Ну, конечно...

– Хатериман... – простонала я.

Стоило откинуть голову обратно на пол, как затылок заныл от боли. Судя по ощущениям, у меня сотрясение – не меньше. Да, сынуля. С такой роднёй врагов не надо.

Судя по духам, раздражающим моё обоняние, Хатериман приблизилась.

– Ну, здравствуй, Ангэй, – произнесла она глубоким низким голосом.

– Вы кто?.. – с нажимом спросил Ангэй.

Он пытался враждебностью прикрыть овладевший им страх и чувство неуверенности.

Хатериман присела на корточки рядом с нами. Чёрные глаза равнодушно скользнули по мне, сверкнули, как молнии, когда она взглянула на моего сына.

– Меня зовёт Хатериман. Я – мать твоего покойного отца.

– Вы ведьма? – сощурился Ангэй.

– С чего ты взял?

– Для бабушки вы слишком молоды. Вы почти как моя мама.

Хатериман довольно улыбнулась.

– Да. Я ведьма.

Улыбка её сделалась шире. Ощущение было такое, словно пантера надвигается перед прыжком.

Я едва сдержала крик, когда Ангэй словно огромным крючком подняло и притянуло к потолку, огромному, от кровати метра на три с половиной, но, по счастью, о плиты не ударило. Но зато закрутило, как юлу.

- Прекратите! – завизжала я. – Что вы делаете?!
- Учю мальчишку уму-разуму. Кто-то же должен?
- Отпустите немедленно!

Зря я это сказала! Она отпустила, словно только того и ждала. Мой сын с визгом (хотя до этого стоически молчал, упрямо сжав губы) рухнул с потолка на ворох мягких подушек и перины на моей кровати.

Прежде, чем он успел вскочить, невидимая рука сдёрнула его с кровати и подтащила к улыбающейся Хатериман.

Расправа явно доставляла той удовольствие.

– Думал, ты один умеешь людьми бросаться?

– Я не бросался! – зарычал в ответ мой лев, не выказывая ни малейшего признака испуга. – У меня так получилось! Думаешь, я хотел сделать больно маме?!

– Тот, кто не хочет делать больно – больно не сделает.

– Много ты понимаешь! Я не контролирую свою силу!

– Что ж? Тебе не повезло. А я – контролирую. И даю тебе слово, что, если ещё раз найду твою мать в луже крови, я сломаю тебе твои руки.

– Да как ты смеешь!

– Вот так.

Словно невидимый боец завернул Ангэю руки за спину, вывернув их. Он визгнул от боли.

– Прекратите! – взмолилась я.

– Я пришлю к тебе лекаря. А ты, дорогой внук, помни, что я тебе обещала.

Хатериман неторопливо, как ни в чём не бывало, вышла в дверь.

Глава 11

Я смутно помнила, как меня лечили. Всё, как сквозь воду. Это казалось невероятным и невозможным. Это было как удар под дых. Я чего угодно ожидала от Тёмной Цитадели, а я, чёрт возьми, распрощалась с былым оптимизмом (мне кажется, что он когда-то был – ага) после смерти Эвила, но не такого...

Что значит боль в тебе против боли, которая терзает нашу душу? Я не пыталась преодолеть слабость, потому что иначе я должна была как-то действовать – немедленно, а у меня не было сил, не было ресурсов, не было решимости.

Более всего мы уязвимы перед своими близкими. Можно выстроить крепкие стены против чужих, но как быть... с собственным ребёнком?

Мой пятилетний сын едва не убил меня. Потому что я поступила не так, как он хотел. И это было ужасно. Как могло от того прекрасного и светлого, что связывало меня с Эвиллом родиться это Тёмное Дитя?

Я не справилась. Не простым смертным воспитывать королей и магов. Я смогла оседлать дракона, но... с собственным сыном – не справилась. Я подвела всех. И прежде всего – его самого. Не смогла настоять, дать правильных ориентиров, где-то что-то просмотрела, проглядела. Нельзя больше закрывать глаза на очевидное. Я должна...

Чего я там должна – додумать я не успела. Дверь отворилась и в комнату стремительно ворвался насупленный Атайрон. Как обычно, он был в чёрном, и в его одежде преобладали кожаные элементы.

При его появлении я испытала двоякое и противоречивое чувство. Одна моя половина хотела искать у него утешение и хорошенько выплакавшись, найти убежище от своих проблем, словно маленькая девочка. Но я не маленькая девочка. И мою проблему, если бы я могла, я бы от него скрыла, как скрывают уродливые язвы на теле. Но, словно мало было того простого факта, что мы сын неуправляем и опасен, это стало всеобщим достоянием. С учётом же того, что он единственный наследник... это может быть опасным.

– Как ты себя чувствуешь, Анжелика? – спросил Атайрон, присаживаясь рядом со мной и беря меня за руку.

– Я в порядке.

Он иронично приподнял бровь:

– Это всё так и выглядит, будто ты в порядке.

– Это всё пустяки...

– Оставьте нас, – тихим, но не терпящим возражения голосом проговорил Атайрон.

Я с тоской поглядела в сторону слуг, направившихся к дверям.

– Приведите Ангэя сюда, ко мне.

– Атайрон!..

Я понимала, что сын виноват. Что его следует наказать. Но я помнила, на что способен этот человек, каким жёстким он мог быть. Возможно, это то, что Ангэю нужно. Ему нужна твёрдая рука. Я

понимала, что не должна вмешиваться, но сердце моё разрывалось от муки – страха и стыда за сына.

– Я знаю, что произошло. Надеюсь, ты не станешь спорить с тем, что оставлять это безнаказанным невозможно.

– Нет, не стану. Но...

– Я рад, – не стал он слушать моих возражений.

– Хатериман его уже наказала, и...

– Она всего лишь остановила его.

Чувствуя, что сдерживаться больше не получается, я отвернулась, стараясь скрыть наворачивающиеся на глаза слёзы.

– Я не знаю, что на него нашло. Правда! У Ангэя сложный характер, он склонен к капризам, но он никогда прежде не позволял себе ничего подобного! Для меня всё случившееся просто шок. Я знаю, что ты думаешь, что я оправдываю его, но...

– Конечно, ты его оправдываешь, ведь ты его мать. Если не тебе оправдывать его, то кому же?

Атайрон снова взял меня за руку и не отпустил, когда я попыталась её отнять.

– Твой сын чудовище, Анжелика.

Это было жестоко. Я часто заморгала, чтобы не дать слезам вылиться из глаз, но добилась лишь того, что стряхнула то, что ещё кое-как ухитрилось держаться на ресницах.

– Ну, спасибо, за поддержку, – попыталась спрятаться я за иронией.

– Я тоже чудовище, как и моя мать, что не требует пояснений, но не один из нас не ест людей заживо. С годами мы учимся уживаться со стихиями, бушующему в нас. Ангэй тоже к этому придёт.

– Ты ведь не станешь наказывать его слишком строго? – умоляюще взглянула я на Атайрона.

– Наказание – это не просто искупление греха, это, в первую очередь, урок; то, что человек должен усвоить для того, чтобы ничего подобного больше в будущем с ним не происходило. А те меры, которые мне придётся для этого избрать, Анжелика, во многом будут зависеть от моего племянника.

– Я знаю, Атайрон, знаю, что ты прав, но ничего не могу с собой поделать – сердце разрывает при одной только мысли о том, что ему

могут сделать больно. Хатериман уже с этим справилась. Не будь слишком суров, прошу тебя.

Атайрон коротко и неприятно усмехнулся:

– Я не самоубийца, чтобы портить отношения с будущим королём. Для всеобщего успеха мне нужно, чтобы наследник доверял мне. Этого сложно добиться властью и унижением. К тому же, рискну предположить, что он уже сам в изрядной доле наказал самого себя.

Я с надеждой взглянула на Атайрона. Он ступил на совершенно правильную дорогу. Как воздух, мне было необходимо услышать, что мой сын сожалеет о случившемся, что это случайность... досадная случайность, не более того.

– Он бывал и прежде вспыльчив, но я никогда прежде не замечала, чтобы мой сын проявлял желание мучить кого-то.

– Если бы такое желание у него и появилась, сомнительно, что он стал бы проявлять его с собственной матерью. Думаю, дело тут вовсе не в жестокости или дурных склонностях, хотя полностью исключить их тоже нельзя. Предполагаю, что всё дело в магии.

– В магии? – нахмурилась я. – Но при чём тут магия?

– Наши эмоции и наши Силы находятся внутри нас в одном резервуаре – образно говоря. Если закипает одно, то непременно начинает бурлить и другое. Чем сильнее у ребёнка Дар, тем нестабильное и взрывоопаснее его характер. Любое напряжение должно получать разрядку, иначе будет эффект закипающей воды – любую крышку может сорвать под давлением горячим паром.

Я слушала Атайрона очень внимательно.

– Трудности перелёта, новое место, ревность к матери – всё это «подогрело» ситуацию. Но есть и ещё кое-что.

– Что? – испуганно выдохнула я.

– Драконы. Они связаны с нами, с тобой и со мной. Вроде третьего резервуара. Наша вчерашняя страсть могла энергией перетечь к ним...

– Наша страсть... я не понимаю, Атайрон.

– Сексуальность – это прежде всего энергия. При слиянии мужского и женского начала возникает напряжение, которое на ментальном и магическом уровне выглядит как вспышка или взрыв. Недаром же в колдовских практиках секс используется наряду с

жертвоприношениями, потому что и то, и другое несёт в себе колоссальную энергию. Энергию настолько сильную, что притягивают из-за Грани новую душу и воплощает её в жизнь.

– Я как-то всегда несколько проще представляла себе процесс.

– Ну, он проходит в двух плоскостях: физической и духовной.

– Прости, но мне кажется это бредом. В большинстве случаев это всё примитивно до животного инстинкта.

– Чем меньше чувств люди испытывают друг к другу, тем проще и примитивнее сущность, которая к ним притягивается. Чем сильнее и чище чувства между людьми, полнее и ярче, тем красивее и талантливее, сильнее будет ребёнок, рождённый от такого союза. Грязные, примитивные, извращённые соития влекут за собой появления на свет сущностей из Нижнего Мира. Чтобы этого не происходило и существуют определённые обряды, которые называются свадебными. По сути это оберег от рождения в мир бесов.

– Ты хочешь сказать, что ребёнок, рожденный вне брака – всегда бесёнок? – недоверчиво протянула я.

– Я же объяснял: всё зависит от чувств родителей. Если их связывает любовь, если они оба не «кормят» демонов страстями и пороками, им и обряды не нужны. Но много ли ты знаешь таких людей?

– Я совершенно точно знаю, что Ангэй рождён мной от любимого мужчины в честном браке. Тогда почему моего сына мучают эти «демоны».

– Демоны его не мучают. Просто в нём больше магической силы, чем он способен преобразовать и использовать. К тому же, скорее всего, он не использовал её вовсе. Вот и случился эмоционально-магический выброс, от которого, уверен, он страдает больше тебя.

От слов Атайрона ощутимо теплело на душе.

– Значит, мой сын не виноват?

– Ему следует учиться управлять колдовским даром. Потому, что если он не научится управлять колдовством, колдовство станет управлять им.

Дверь распахнулась.

– Мама! – окликнул меня звонкий голос сына.

Я протянула к нему руки и Ангэй нырнул в мои объятия:

– Прости, мама! Я не хотел сделать тебе больно!

– Я знаю, знаю, мой хороший.

Стоило только сыну попасть в мои объятия, как все воспитательные мысли улетучились из моей головы. Всё, что осталось – желание защищать, баловать, холить и лелеять.

– Ты простишь меня? – спросил он, и в его чёрных глазах сквозь искреннее раскаяние мне мерещились лукавые огненные искорки.

– А ты раскаиваешься? – спросила я лишь бы не слишком быстро сказать мое «да».

Нужно же было выдержать хоть какую-то паузу, чтобы хотя бы сохранить лицо перед Атайроном.

– Конечно, раскаиваюсь, – уверенно заявил Ангэй.

– Ты ведь понимаешь, что сделал маме больно?

Голос Атайрона звучал скорее даже мягко, как мягкие лапки у кошки, подкрадывающейся к мыши. Мягко, вкрадчиво, но от него веяло осязаемым холодком.

Ангэй насупился и взглянул на дядю исподлобья, не слишком доброжелательно.

Я не смогла подавить вздох. Слишком много теней, слишком много загадок и дурных задатков мерещилось мне в характере сына. Он, конечно, не желал мне навредить, но... если так он относится ко мне в пять лет, как станет относиться к другим людям, успев повзрослеть.

– Я уже сказал, что не хотел.

–Сказал. И я тебя услышал. К счастью, твоя мама – тоже. Но тебе просто повезло, что всё так обошлось, ведь могло произойти нечто более... непоправимое, – сокрушённый вздох Атайрона был слишком сокрушённый.

– Непоправимое? – Ангэй насупился ещё сильнее

– Именно, – с нажимом проговорил Атайрон. – Вдруг Хатериман не вошла бы в тот момент? Что бы тогда было? Ты мог бы стать убийцей.

– Нет! – гневно выкрикнул сын. – Этого бы не произошло?

– Почему? – невозмутимо спросил Атайрон. – Что бы этому помешало?

– Я не стал бы этого делать!

– То есть, ты хочешь сказать, что контролировал процесс? И то, что случилось, сделал сознательно, а не нечаянно?

– Конечно, нет!

– Я охотно верю тому, что навредить своей маме ты не хотел. Ты ведь любишь свою маму, правда?

– Люблю, – угрюмо подтвердил Ангэй.

Даже в свои пять лет он не любил говорить о чувствах, словно бы это делало его слабее.

– Что же тогда случилось? Почему она лежит здесь, раненая? Если ты не хотел?

– Я не хотел! – голос сына сорвался на крик. – Просто я разозлился, и... и... – глаза его забегали, губы сжались в тонкую полоску.

Он явно пытался подобрать слова, чтобы передать своё видение ситуации, но не преуспел в этом.

– И не справился со своей силой, так? – с пониманием кивнул Атайрон.

Слушая бархатистый голос Атайрона я не могла отделаться от мысли, что в его тоне, при всей его показной искренности, есть нарочитость наставника – то чем, боюсь, грешат все учителя и хорошие ораторы.

– Сила – любая сила, Ангэй, требует узды.

– Узда нужна лошади. Разве я похож на коня? – хмыкнул сын.

Ноздри его гневно трепетали от волнения.

– Ты любишь лошадей?

Ангэй нахмурился:

– Пожалуй, что да. Лошади красивы.

– Верно.

– Хотя не так, как драконы, – подумав, добавил сын и, помрачнев ещё сильнее, добавил. – По-моему, лошади в чём-то даже красивее драконов.

– Это не сложно, на самом деле, – усмехнулся в ответ на замечания Ангэя Атайрон. – Если быть честным, драконы не красивы – они страшны.

– А разве не в этом их красота? Нет на свете никого сильнее дракона.

– Разве? – с сомнением протянул Атайрон.

– Конечно! Драконов боятся все.

– Ну, как бы не сильны были драконы, всё–таки нам они подчиняются, верно?

– Верно, – согласился с очевидным Ангэй.

– Что же заставляет их делать это?

– Подчиняться? – уточнил Ангэй и, вновь нахмурившись, после минутного замешательства, ответил. – Магия? Они подчиняются нам, потому что у нас есть магия?

– Наша магия связывает нас с драконами, позволяет нам чувствовать их, а им – чувствовать нас. Она мост, что соединяет, не более. Мощь дракона зависит от их размера и, скажем, для того, чтобы нанести вред Пингвину или Алой Ведьме, моей Силы хватит. Но даже совместной магии всех нас в семье не хватит, чтобы остановить или, уж тем более уничтожить такого мощного дракона, как Чёрное Пламя.

– Дракон же этого не знает, – пожал плечами Ангэй.

– Думаю, ему и в голову не приходит задумываться о том, что мы можем пытаться помериться с ним силами. Драконы – не люди. Они не способны предавать тех, кого любят. Я ведь вовсе не просто так спросил о той силе, что способна подчинить огромного, свирепого, огнедышащего ящера, обладающего даром отнимать и перераспределять магическую энергию. На самом деле всадник, вздумай дракон напасть на него, почти так же незащищен перед ним, как и любой другой смертный. Единственное, что держит дракона в узде, это его любовь к нам. Он подчиняется всаднику, несёт его на себе, защищает, пусть и с риском для жизни по одной единственной причине – из любви. Единственная сила, способная обуздать дракона – любовь. И так бывает не только с драконами. Лошадь, что любит своего всадника, будет осторожней и послушней чем та, которая терпит наездника только из страха перед хлыстом. Любовь – единственное на свете чувство, которое, даже просыпаясь в свирепом сердце, смягчает его.

– Любовь – это удел слабых женщин, – с презрением проговорил Атайрон, снова заставив моё сердце болезненно сжаться.

– Ты сам так решил? Или ты слышал, как это говорил кто–то из страших?

– Так говорил мой дед, король Оруэлла.

– Тот, кто отвергает любовь, отвергает счастье. Отвергает не только риски, что она несёт с собой, но и закрывает своё сердце от света. А в полной темноте выживают разве что черви? Хочешь, чтобы твоя душа была тёмной, холодной, чёрствой и скучной? Отрекись от любви. Но я заговорил об этом чувстве не просто так. Видишь ли, любовь, истинная или нет, легко проверяется. Тех, кого любишь, невозможно обидеть. Нельзя причинить боль любимому существу. Ты же сегодня сделал маме больно. Могу ли я сделать вывод, что на самом деле ты не любишь её.

– Нет, – сверкнув глазами, проговорил Ангэй.

– Вижу, ты любишь это слово, – усмешка Атайрона сделалась шире. – Но как же так получилось, что ты не хотел сделать больно, а сделал? Хотя, мне кажется, я понимаю. Ты говорил о лошадях – скажи, ты умеешь ездить верхом?

– Не знаю, – сын выглядел настоящим букой.

– Как так?

– Мне позволяли кататься лишь на пони, но пони ведь не настоящая лошадь?

– Но, для тебя пони вполне себе лошадь, если учитывать пропорции размеров. Но суть не в этом. Видишь ли, чтобы управлять лошадью, нужно её обуздать. Чтобы кататься на волне, нужно взобраться на неё. И для этого нужны специальные умения. Если соскользнёшь с гребня волны, океан увлечёт тебя в пучину, опрокинет и накроет собой. Вот и магическая сила похожа на океан. Чем выше волна, тем труднее прокатиться на ней, чем больше Силы, тем сложнее её обуздать. Потеряй контроль над лошадью, и она понесёт, сломав тебе шею или себе хребет. Потеряй контроль над волной, соскользни с доски и тебе повезёт, если не погибнешь. Ты понимаешь, о чём я говорю, Ангэй?

Племянник и дядя встретились глазами и мальчик, спустя мгновение, кивнул:

– Кажется, да. Моя Сила... сегодня я не смогу управлять ей.

– И она стала управлять тобой, в результате чего сначала разрушилась классная комната, а потом едва не погибла твоя мама.

– Значит, если я хочу стать магом, я должен учиться управлять моей Силой? А если не хочу?

– В твоём случае либо ею управляешь ты, либо она – тобой. Третьего не дано, – решительно и жёстко заявил Атайрон.

– И каким образом любовь поможет мне обуздать магию? – с сомнением спросила его Ангэй, справедливо решив, что лекция о любви должна быть каким-то образом связана с основной темой обсуждения. – Мне нужно вызвать у этой Силы любовь к себе? Или самому её полюбить?

Странно было слышать в голосе пятилетнего ребёнка саркастичные интонации, делающие его так похожим на свою прекрасную и жуткую родню.

– Твоя Сила не может любить или не любить, она – часть тебя. Чтобы владеть своей Силой, мудрый маг познаёт себя самого, свои сильные и слабые стороны. А любовь? Она ограждает его самого от неприятностей или тех, кто его окружает. Никогда не стоит забывать – стоит потерять баланс и то, что может созидать и защищать в равной степени сможет уничтожать и разрушать. Представь, что Сила – оружие. Такое же, как клинок или лук. В неумелых руках – бесполезна; в злых – она смерть; в руках сильных, смелых и благородных – оборона, опора слабых, их спасение. Всё будет зависеть лишь от того, кто этот меч держит. Научись владеть оружием, данным тебе Богами, пользуйся им во благо себе и людям.

– Познать себя? – повторил сын с недоверием и лёгким оттенком пренебрежения. – Всё не может быть так просто?

– Просто? Самое сложное в человеческой жизни – это познать себя. Кто мы такие? Что мы такое? Для чего родились на свет. Рано или поздно этим вопросом задаётся любой, в ком разума чуть больше, чем просто на то, чтобы есть. Зачем мы существуем? Почему мы существуем? И – почему когда-нибудь перестанем существовать? Что есть жизнь, и что такое – смерть?

– Ну, это же просто. Что об этом много думать?

– Просто? Тогда расскажи мне, племянник, что такое жизнь?

Ангэй открыл рот, чтобы найти ответ и... закрыл его. На лице его проступило замешательство.

– Это же просто! Жизнь – это когда человек дышит, ходит, разговаривает, ест. Когда он здесь и сейчас.

– А смерть?

– Когда он остановился, как часы и больше не заводится, – с мрачным торжеством взглянул на Атайрона сын.

– Но зачем боги, создав человека, сделали его смертным?

– Я не знаю. И мне не интересно это знать.

– А если бы ты сегодня сам остановил часы для твоей мамы, и она больше бы не завелась, тебе было всё так же неинтересно?

Ангэй побледнел и стиснул зубы, зло и упрямо. Кулаки у него тоже сжались:

– Ты хочешь, чтобы я учился? Я согласен. Ты прав, я не хочу больше причинять маме боль. Моя Сила опасна и... ей нужна узда. Тут не поспоришь. Но эту вашу географию я учить не стану. Не нужна она мне.

– Правда?

– Да зачем она мне сдалась?!

– Ты ведь собираешься летать на драконах, дорогой мой племянник?

– И твой будущий король, – не удержался сын от возможности раздуться от важности, как первый индюк во дворе. – Да, дядя, собираюсь. Но при чём здесь география?

– Для того, чтобы улететь и вернуться, нужно знать, куда лететь. Где север, где юг; где моря, где океаны. Где какие народности живут, кто нам враждебен, кто – нейтрален, кто – союзник. Король, не различающий страны и континенты, не знающий другие нации – разве он не жалок? Чтобы призвать к себе дракона, нужно дать ему координаты места, куда ему лететь.

– Ладно, не продолжайте, дядя, – ледяным голосом оборвал Атайрона Ангэй. – Я вас понял. И – вы правы. Я стану учить вашу географию, чтобы летать на драконах.

– Вам так же придётся учить историю, чтобы, став королём, не повторять ошибок других королей, что жили до вас. Математику, чтобы ваш министр государственный казны вас не обворовывал; право, чтобы понимать, что творят ваши законники; литературу, музыку, рисование и танцы, чтобы нравиться прекрасным дамам; ну, и конечно же, обязательно – владению оружием и обучению магическому искусству.

Во время этой пламенной речи выражение лица у Ангэя менялось от гневного к расстроенному и в итоге скорбно вытянулось, как у

лошадки.

– Вы правы, дядя, все эти науки пригодятся будущему королю, – со вздохом признал он и добавил, строптиво вскинув голову. – А жить будущему королю полагается, или только учиться, учиться и учиться во благо своих подданных?

– Вы можете пожить в свободное от учёбы время, – стараясь погасить улыбку, ответил Ангэй.

– Понятно. Значит – нет. Если хотите знать моё мнение, быть королём на самом деле – отстой.

Последнее словечко сын подхватил от меня – каюсь. Это из той же серии, что и «Пингвин».

– В любом положении есть свои плюсы и минусы, мой король, – весело отозвался Атайрон. – Крестьянам не приходится так много учиться, зато у королей перспективы куда интереснее.

Глава 12

Прибытие корабля из Оруэлла было приятным событием. Личные вещи – это хорошо, но куда большее значение для меня имели люди. Особенно порадовало то, что Турхан Бэш, моя неизменная подруга, наперсница и правая рука снова была рядом.

Наши отношения с Турхан – отдельная песня. Их нельзя было бы назвать дружескими, потому что дружба, в моём понимании, нечто другое – это разновидность любви, созвучие и бескорыстие, уважение. Истинная дружба, как и истинная любовь – всегда дар. И то, и другое можно потерять и обрести, но не нужно покупать или заслуживать.

Турхан же была весьма... интересная личность. Её преданность измерялась выгодой, что она получала за услуги и страхом перед наказанием, грозящим за измену. Ей нравились придворные интриги, нравились дворцовые игры, во всём этом она была словно рыба в воде. Даже любовников эта особа выбирала из соображений возможности вплести их в свой гобелен интриг, интрижек, многоходовок. Я подозреваю, что важен был для неё не столько сам результат, сколько сама игра.

Её моральные принципы казались мне сомнительными, жизненные установки – по обстановке, то раздражающими, то забавными. Турхан был истинной придворной, эгоисткой до мозга костей, умеющей по-настоящему думать только о себе. Но в то же время она умела быть полезной. Никогда не ошибалась там, где

следовало понять интриги других интриганов. Умела любого подкупить, запугать, задобрить при случае. Я понимала, что она всеми силами старается иметь рычаги воздействия и на меня, и потому, отдавала сомнительные приказы только в устной форме, как порой не пыталась плутовка получить письменные свидетельства. От сказанных слов всегда можно отказаться или заявить, что тебя неправильно поняли, в то время, как письменные доказательства – это всегда письменные доказательства.

В общем, я никогда не назвала бы Турхан моим другом, но и просто слугой она для меня тоже не была. Наперсница, сообщница, тёмная сестра. Её советы всегда были сомнительны с точки зрения морали, но всегда максимально действенны по своей эффективности.

Я была рада видеть её улыбчивое подобострастное лисьё личико.

– Госпожа моя! – протянула она ко мне руки и я, против воли, протянула свои с улыбкой в ответ.

Сжав мои пальцы, Турхан присела в реверансе.

– Рада, что вы прибыли.

– На море разыгралась ужасная буря. Нам гоняло по волнам, как пробку, – блестя зубами в улыбке, проговорила она.

В следующую секунду улыбка сошла с её лица:

– До меня дошли слухи о вашем нездоровье. Госпожа, я надеюсь, что во дворце вас встретили подобающим образом?

– Более того, – отняв руки я уселась в кресле, кивнув моей компаньонке на место напротив меня, разрешая сесть. – Моё дурное самочувствие – дело рук драгоценного моего сыночка. Магический выплеск.

– О, госпожа. Это моя вина. У него и раньше было несколько раз нечто подобное, но я сочла за лучшее это скрыть.

– Почему? – нахмурилась я.

– Потому что у вас было столько забот и поводов тревожиться, вам нужно было сосредоточиться на том, чтобы одолеть королеву-мачеху и...

– Впредь буду благодарна за возможность самой решить, что для меня важно, – вскипела я, впрочем, тут же пожалела о моей вспышке.

В конце концов, чтобы изменил доклад Турхан? Да и что такого могла я не знать о своём сыне? Скорее – всего лишь делала вид.

– Ладно, не будем об этом. Лорд-протектор обещал нанять для Ангэя учителей, способных научить его контролировать свою силу. Впрочем, лучшего учителя для моего сына, чем его дядя, нам вряд ли удастся отыскать.

– Лорд-протектор был добр к вам и вашему сыну, моя госпожа? Вы не разочаровались в ваших надеждах?

Я помедлила на мгновение с ответом, а потом решила сказать правду:

– На самом деле он превзошёл их.

Лицо Турхан засветилось – она продемонстрировала счастливую улыбку:

– Рада за вас, госпожа моя.

– У меня есть для тебя задание, – вздохнула я. – Весьма деликатного свойства, – добавила, поколебавшись.

– Я слушаю.

– Я хочу знать имена наложниц и фавориток лорда Атайрона.

– Имена?..

– И всю сопутствующую информацию. Чем полнее, тем лучше.

Умный слуга понимает своего господина с полуслова. Турхан была умна. И служила мне не первый год. Поэтому лишних вопросов не последовало.

– Всё сделаю, моя госпожа.

– Отлично. Это не к спеху. Отдохни, наберись сил. Устройся, как следует. Познакомься со здешними девушками. Ты по-прежнему будешь отвечать за штат окружающих меня людей, но будь осторожна – не конфликтуй с теми, кто приближён к Хатериман. Лишние враги нам ни к чему.

– Я поняла вас, моя госпожа.

– Хорошо.

Мы поговорили ещё немного, после чего я отпустила Турхан. Покои для моих слуг из Оруэлла должны были приготовить заранее.

Что же касается наложницы Атайрона... вскоре я встретилась с ней без помощи верной Турхан. Моя драгоценная свекровь пригласила меня на ужин на свою половину. Отказываться было невежливо. Да я и не хотела отказываться. С чего бы? Самочувствие моё восстановилось, Атайрон был занят делами государственными и обещал прийти только ночью, сына я уже видела несколько раз за день, имея возможность

убедиться в том, что он совершенно занят и вроде как, вполне этим доволен. Я отдохнула, успокоилась и была готова развлечь себя новыми событиями.

Дворец – целый мир. Каменный лабиринт, забитый сокровищами – коврами, фарфорами, предметами интерьера и искусства. В нём звенят струями фонтаны, шелестят листьями апельсиновые и лавровые деревья, звучит из-за закрытых дверей музыка и всюду молчаливая, безмолвная стража обеспечивает покой и порядок.

От того крыла, в котором поместили меня и сына до крыла Хатериман я шла с четверть часа – не меньше, подметая длинным шлейфом роскошного платья белые мраморные плиты. Драгоценности окружали меня лёгким волшебным звоном, а шелка – шуршанием.

Память услужливо подсовывала мне другое время, когда я, только-только став женой Эвила, дрожа от страха шла «предстать» пред светлые очи моей будущей свекрови, надеясь на лучшее, но не очень-то сильно рассчитывая. И в расчётах тогда не ошиблась.

Теперь я Хатериман не боялась. Страшит неизвестность, а её я теперь знала. Взаимная ненависть сближает порой не хуже любви. Я пережила её попытку меня уничтожить, пережила и моего первого мужа. Всё это время мы дышали друг другу в затылок и мало надежды на то, что что-то в ближайшее время изменится.

Стражники отворили передо мной дверь, и я вошла в комнату, переполненную запахами цветочных эссенций и духов. Свежего воздуха было маловато, зато запаха пчелиного воска, фруктовых щербетов – традиционный восточной напиток на основе карамели и пряностей. Сладко так, что зубы сводит.

Хатериман, вся в ярко-красном, словно кровью облитая, сидела на почётном месте, на возвышении, на горе разноцветных подушек, обтянутых тугим гладким шёлком, опираясь локтем на одну из них. Равнодушно, полусонно оглядывала она переполненный девушками зал, словно кошка в полудрёме.

Стоило мне войти в зал, её состояние в мгновение изменилась. Поза её осталась расслабленной лишь для виду, я видела, как она вся подобралась, словно «кошка» в любой момент готова броситься на добычу, взгляд чёрных глаз сделался внимательным и острым.

При моём появлении девушки-танцовщицы замерли, склонившись. Музыка, жалобно тренькнув, мгновенно стихла. Вместо музыки ветерком пролетел шепоток.

В какой-то момент я почувствовала себя так, словно испортила всем веселье, но тут же отбросила от себя эту мысль. Все здесь действуют по этикету, а я, Анжелика, урождённая Ванхелия, а по мужу – Сатори, теперь по положению выше сидящей на горе подушек Кошки-В-Красных-Шелках, так что все вокруг просто действуют согласно этикету.

Неторопливо, лёгким шагом, я шла через зал, направляясь к той, что звалась Королевой-матерью до меня. Впрочем, в Цитадели не было такого титула.

Лишь пройдя первую половину зала, я заметила, что несколькими ступенями ниже Хатериман, на подушках, побледнее шёлком, что под нею самой, сидела весьма миленькая девушка. Как и я – тоже рыжая.

Странное у неё было лицо. В первый момент даже не определить толком: красивое или... наоборот? Высокий, даже слишком, лоб, как у львицы, широко расставленные, глубоко посаженные глаза, запавшие щёки под выпирающими резкими скулами. В добавок к столь неординарным чертам лица спесивое, упрямое, враждебное выражение.

Может быть, последнее было ему свойственно не всегда, а появилось лишь при моём появлении?

Я почти не сомневалась, что вижу перед собой соперницу – ту самую фаворитку, о которой говорила Хатериман, хотя Атайрон клялся и божился, что удалит её от двора? Впрочем, терпение – мы говорили об этом только позавчера, а чтобы желание исполнилось, нужно время. В любом случае я вышвырну эту девицу вон и, клянусь богом, получу от этого удовольствие! Как она смеет смотреть на меня с таким вызовом? Думает, что сидя в тени Хатериман может избежать моего гнева? Хотя... на что мне гневаться? Она просто препятствие, которое следует устранить.

– Приветствую вас, матушка, – проговорила я с улыбкой, останавливаясь в трёх шагах от Хатериман, разглядывающую меня с любопытством.

Она всё время так наблюдает за мной, как кошка за мышкой. Словно я интересная игрушка, способная как порадовать, так и

разочаровать. И мне каждый раз, вопреки всему, хочется именно порадовать. Всё ещё хочется заручиться её поддержкой и уважением, получить её одобрение, хотя пора бы смириться с тем, что цель недостижима. Чтобы я не делала, я ей не нравилась.

– Добрый вечер, королева Анжелика, – мягко произнесла свекровь. – Рада, что вы приняли приглашение на ужин.

– Разве могла я отказаться от удовольствия провести время с вами?

С моих губ так и сочился мёд. Фальшь отдавала горечью, потому что... ложь могла бы стать правдой. Я хотела бы сблизиться с Хатериман не только потому, что она могла стать сильным врагом или, в противовес, союзником. Я хотела бы сблизиться с ней потому, что в глубине души многим в ней восхищалась – даже тем, что вызывало порой гнев, причиняло боль.

Она улыбнулась в ответ улыбкой скупой, как грифельный штрих на рисовальной бумаге. Потом легко, словно ей было не больше девятнадцати лет, поднялась на ноги.

Рыжеволосая фурия у её ног поспешила подняться следом и предложить руку госпоже. Хатериман оперлась на подставленную ей ладонь с той же небрежностью, с какой иные опираются на бездушную трость.

– Идёмте в столовую, Анжелика. Сегодня пообедаем по вашим обычаям – за столом.

Я видела, каким острым и неприязненным взглядом из-под опущенных ресниц одарила меня рыжеволосая девица, но не сочла нужным даже взглянуть в ответ.

– Благодарю вас за столь чуткое отношение ко мне, сударыня.

– Мы рады доставить удовольствие нашей дочери, – царственно кивнула Хатериман.

Нужно отдать должное хозяйке званного ужина – тот был великолепен. Конечно, львиная доля похвал должна достаться искусным поварам, но найти нужных людей и заставить служить их на себя – тоже искусство.

– Я слышала, Атайрон представит вас в Совете? Попробуйте молока с мёдом. Напиток успокаивает и помогает расслабиться.

– Благодарю за заботу, но я плохо переношу вкус мёда.

Это было правда. Молоко и мёд – специфическое сочетание.

– Что ж? У каждого свой вкус. А я признаться люблю, но только холодным, а не так, как подают в северных краях – обжигающе-горячим. Как наш внук? Мне говорили, что Атайрон уговорил его больше не ломать классную комнату?

– У вашего сына много талантов. Я благодарна, что он нашёл подход к юному принцу.

– Королю, – поправила Хатериман. – Сыновья – это наше благословение в равной степени, как и проклятие. С ними всегда сложно. Чем больше я старалась найти к ним подход, тем словно больше они отдалялись, – Хатериман вздохнула. – Эвил умер, а Атайрон... иногда мне кажется, будто он считает меня своим врагом. Днями, иногда неделями лица моего видеть не желает. На протяжении стольких лет я жила лишь их интересами, такой груз государственных дел взвалила на плечи, а что взамен? Вся проблема в том, что пока мы взваливаем этот едва посильный груз на свои хрупкие плечи, мы не способны уделить нужное время детям. Мы делаем это ради них самих, но взрослея, они помнят лишь то, что в минуты их ярких радостей или невзгод нас не было с ними рядом. Я любила моих детей, я люблю их... но что в ответ?

– Все матери совершают ошибки. Проявляем ли мы строгость или любовь, даём её детям много или мало – всё можно поставить нам в вину. Вся проблема в том, что для детей матери богини, в то время как мы всего лишь смертные женщины. Взрослея, дети понимают это и не могут простить нам нашу человеческую слабость. Но если наша любовь к ним истинна, с годами они понимают причину наших ошибок и прощают нас.

– Самая первая и распространённая ошибка матерей – мы с трудом понимаем и принимаем тот факт, что наши дети не наше продолжение. Мы – лишь врата, ведущие новые души в этот мир. Но наши дети не принадлежат нам. Они сами по себе. Я не могла принять любви Эвила к тебе. И мне сложно смириться с тем, что Атайрон избрал тебя же. Не стану скрывать, сделай он это чисто из политических соображений, мне было бы легче это принять. Но он выбрал тебя не разумом, а сердцем. Мне сложно это принять. Но я сделаю это, чтобы не потерять сына.

– Понимаю вас, – с натянутой улыбкой произнесла я в ответ. – Я вернулась в Цитадель ради сына.

– Ради сына или ради самой себя – какая разница. Там или здесь – какая разница? Никто не знает, что будет завтра.

– Не знаю, – согласилась я. – Но место короля на его троне, а трон моего сына здесь.

– Я когда-то рассудила так же. Что ж? Будем надеяться, тебе удастся то, что не удалось в своё время мне.

– Удастся, – с уверенностью заявила я. – Потому что я не одна. У меня есть ваш сын, вы – наши драконы. У моего сына есть семья, которой не было у его отца. Вы мудры, ваш силён умён, отважен и прозорлив, я умею быть милосердной и гибкой. Если мы будем вместе, мы всё преодолеем.

– Да. Но крепости, милая, падают часто не поверженные врагами снаружи – они часто взрываются изнутри. А мы, к несчастью, имели возможность наблюдать взрывоопасный характер нашего внука.

– Даже самый неукротимый поток можно направить в нужное русло.

– Попытаться направить, – снова вздохнула Хатериман. – Что ж? Попытаемся. Я, признаться, и сама жалею о том, что повела себя с Ангэем слишком резко. Он всего лишь ребёнок. Единственный сын моего возлюбленного сына. Я буду рада, если ты поговоришь с ним и подготовишь к тому, чтобы он благосклонно отнёсся к моим извинениям.

– Рада буду сделать это для всех нас. Мир между своими залог счастья.

– И власти над другими, – с тонкой улыбкой договорила Хатериман то, что сама я озвучить не решилась. – В счёт наших благих намерений и будущего союза прими от меня небольшой дар.

Я насторожилась. Мир – оно, конечно, хорошо, но принимать дары от Змей, даже в знак мира – очень опасно. Я не могла полностью доверять Хатериман, но и отказаться принять подарок в такой момент было больше, чем невежливо.

Девушки-рабыни по знаку Хатериман приблизились, неся в руках на подносе с бархатной подкладкой корону с изумрудами и бриллиантами. Она, словно упавшая в руки звезда, ярко сияла с черноты подкладки.

– О! – только могла я вымолвить.

Такую красоту не купить сразу. Этот подарок Хатериман готовила заранее. Видимо, как и я, понимая в глубине души, что обоюдную неприязнь придётся спрятать во благо тех, кого мы обе любим.

– Тебе нравится?

– Она прекрасна, – это была чистая правда. – Словно огонь, сверкающий во льду.

– Позволь помочь примерить?

Руки Хатериман уверенно и легко водрузили корону мне на голову. Я ощутила всю тяжесть – около килограмма. Драгоценные металлы и множество камней были нелёгкими. Но зато смотрелись прекрасно, особенно в сочетании с моими волосами, волнистыми, густыми и мягкими.

– Как ты красива и молода, – улыбнулась Хатериман. – Не мудрено, что мужчины готовы пожертвовать ради тебя всем.

Мне было жутковато. Принимать подарки от свекрови, которая к тому же ведьма?.. Но ведь молния дважды в одно место не бьёт. Так говорят.

– Благодарю вас. К сожалению, я не подумала, что...

– Ты подарила мне внука. Это больше всех корон мира.

– Благодарю вас. От всего сердца.

Я старалась улыбаться искренне, изо всех сил пытаюсь не думать о том, что корона может быть отравлена или заколдована. Яд мог лишиться меня жизни, а колдовство... да чего угодно. Разума, очарования, любви. Но, борясь с паническими атаками, я досидела до конца вечера. Впрочем, через какое-то время я стала потихоньку успокаиваться, потому что ничего страшного не происходило.

Девушки танцевали, Хатериман то замирала в неподвижности, то бросала какую-нибудь хлёсткую, остроумную фразу. Играли лютни. Когда вечер подошёл к концу, я вернулась к себе в покои, чувствуя невероятное облегчение.

Жизнь налаживалась. Всё приходило в норму. Может быть, я зря опасалась? Может быть, Хатериман не станет мне другом, но...

Служанки помогли мне снять с себя тяжёлые драгоценности и платья, и я вошла в купальню для вечернего омовения. Горячий пар поднимался над чашей бассейна. Предвкушая удовольствие от погружения в горячую воду, я расслабилась.

Трое служанок по моему приказу вышли, я не люблю купаться на виду у всех. Одна задержалась, подбирая с пола одежду.

Все девушки тут ходят не то, что свёртками, но очень часто прикрывали лица покрывалом. Да и дело в том, что я просто утратила бдительность и когда фигура в белом, развернувшись, набросилась на меня, я оказалась к этому не готова.

Мой взгляд скользнул по короткому, чуть изогнутому лезвию в руке соперницы. Лицо молодой женщины было сосредоточенным, внимательным и спокойным. В нём не читалось эмоций.

Мы замерли, глядя друг другу в глаза. Я узнала девушку, сидящую на подушках Хатериман – мою предполагаемую соперницу. Что ж? Она могла прийти сюда из ненависти, а могла и по наущению своей госпожи.

Как обычно в минуту опасности, я не испытывала страха – всё словно становилось ненастоящим. Происходило не со мной. Пугаться, ненавидеть, ужасаться я стану позже, возвращаясь к этому моменту в своих воспоминаниях.

А сейчас...

«Ты умрёшь», – читалось во взгляде моей соперницы и нож даже не дрогнул в её руке.

Я тяжело дышала, глотая горячий пар:

– Ты с ума сошла? – прорычала я, не сводя взгляда с её лица.

Звук моего голоса заставил девушку вздрогнуть, словно приводя в себя. Но решимости убить меня, увы, не отнял.

– Что ты делаешь? – прорычала я, повышая голос в надежде либо напугать, либо привлечь внимание.

– Госпожа, я пришла сюда, чтобы убить вас.

– Сейчас же опусти нож, – проговорила я с уверенностью. – И кто бы не послал тебя ко мне, обещаю – тебя пощадят... А если назовёшь имя своего нанимателя – даже вознаградят, я даю тебе слово.

– Меня никто не посылал. Я пришла сама. И мне не нужно иной награды кроме твоей смерти, змея!

Как в замедленной съёмке я увидела, что, подняв нож, она замахивается им на меня, собираясь нанести удар.

Глава 13

В экстремальных условиях рефлексы реагируют быстрее разума. Магия, которая в обычное время весьма неохотно мне подчинялась,

вдруг непостижимым образом проявила себя, словно у меня выросла рука, в три раза длиннее и проворнее первых двух.

Хотя нет – невидимых рук, судя по эффекту, было как минимум – две. Не меньше. Одна сжалась на кисти соперницы-противницы, выбив воздушным кулаком (ну, как это ещё описать – не знаю) оружие, а другая, схватив, проволокла по влажному кафелю, приподняла и бросила в бассейн с водой, поднимая вокруг себя рой брызг.

Девушка погрузилась под воду с головой, попыталась вынырнуть, но невидимая рука вновь утянула её вниз. Как только я осознала, что нож мне больше не грозит, я истошно завопила. Один раз. Дважды – не понадобилось. Ватага девушек в платьях всех цветов и оттенков влетела как торнадо, как тайфун.

Реакция у некоторых из них была отменной. В считанные секунды мы с моей противницей оказались скрученными – она надёжными верёвками, я – теплым бархатным халатом.

– Как такое возможно?! – набросилась я на прислуживающих мне девушек. – Меня чуть не убили в моей собственной купальне! Что всё это значит?!

– Госпожа, простите, – срывающимся голосом проговорила Турхан. – Я и подумать не могла, что здесь вам может что-то угрожать. Особенно с первых дней.

– Пустите меня! Пустите! – вырывалась девушка, всё ещё во власти гнева.

Хотя, может быть, она просто дурочка?

Турхан с ней церемониться не стала и отвесила полноценную пощёчину, пока две другие девушки удерживали её за руки.

– Как ты смеешь! Я велю с тебя с живой шкуру содрать! Да ты знаешь, кто я?! – вскинула голову девушка, сверкая глазами.

– И кто же? – невозмутимо повела бровью Турхан.

– Я – Жейсси Грасьон!

– И почему это должно меня заботить? – с угрозой придвинулась к девушке (теперь она перестала быть для меня безымянной) моя верная наперсница.

– Потому что я...

– Кто вы? – задрала подбородок Турхан, глядя на девушку сверху вниз. – Просто мясо.

– Ты ответишь за свои слова! Обещаю!

– Уведите эту ненормальную отсюда и бросьте в темницу, – приказала я.

– Нет! – рванулась Жейсси. – Нет! Пустите меня! Вы не можете!

Девушки не разделяли её мнения. Скрутив, выволокли девицу из купальни.

Турхан прикрыв за ними дверь, вопросительно взглянула на меня:

– Госпожа, вы уверены, что поступили правильно?

– В смысле? – вытаращила я на неё глаза. – Она бросилась на меня с ножом. Вон он там, кажется? Что я должна была сделать? По головке её погладить и конфетку дать?

– Я так понимаю, что любовницу лорда Атайрона мы уже нашли? – пряча усмешку за падающими на лицо повлажневшими локонами.

– Сама отыскалась, – буркнула я, отворачиваясь и подбирая полы длинного халата, чтобы ненароком не наступить.

– Вы уверены, что не вызовете вашими действиями гнева лорда-протектора?

Сама, Турхан, кажется, не боялась вызвать мой гнев, а зря. Он уже горячими языками пробивал себе дорогу наружу. Однако язык я прикусила. Будем считать, что Турхан заботится обо мне.

– А если бы не была уверена, что по-твоему, мне следовало бы сделать? Отпустить негодницу с миром? Я не в постели её с моим любовником застукала – она на меня с ножом набросилась.

– Мужчины так непредсказуемы...

– Предсказуемы, – пренебрежительно одёрнула я её. – Жизнь – что математика, довольна точная наука и результат предсказуем, если правильно счесть слагаемые.

– Только вы уверены, что всё сосчитали правильно?

Я взглянула на неё, прикидывая про себя возможность ошибки.

– Что ж? Вот заодно и проверим решение вычитанием.

Турхан нахмурилась:

– Я не совсем хорошо понимаю вас, госпожа.

– Оставь меня.

– Госпожа моя...

– Иди.

Мне нужно было побыть одной, наедине сама с собой. Подготовиться... ко всему. К тому, что глупая дурочка просто глупая дурочка и не более того, но шансов на это немного. Очередная, плохо

заточенная шпилька от Хатериман? Вероятно, и вполне возможно. Скорее всего, она чем-то заморочила глупой девчонке голову. Скорее всего отчаянными, безумными поступками ей и удалось привлечь внимание Атайрона, падкого на отвагу и безумия.

Парадокс в том, что его увлекали яркие огни, вроде Жейсси, но в его сердце твёрдо и надолго воцарилась я, который безумства так же свойственны, как камню – пламя. Была ли я в этом уверена? Да.

На что же рассчитывала Хатериман? Что я, в порыве ярости и ревности расплачусь с глупой девчонкой? Скорее всего. Это вбило бы клин между мной и Атайроном. Ставить себя на место оппонента полезное занятие. Если бы мой новый любимый любовник убил уже не любимого прошлого любовника, страсти и взаимопонимания между нами это бы точно не прибавило.

Атайрон, как и я ожидала, не заставил долго себя ждать. Мне хотелось бы верить, что он пришёл бы и без неприятного инцидента.

Выглядел он, как всегда, жёстким и тёмным. Сегодня, как никогда раньше, на его орлином лице с резким птичьим профилем выделялся тонкий шрам.

Притянув меня к себе, он поцеловал меня. Не по-братски – в лоб, в губы, да так, что в жар бросило. Его руки прижимали меня к нему, оплетая, закрывая, как в клетку, в которой можно почувствовать себя в безопасности.

– Сегодня был долгий день, – с коротким смешком проговорил он, целуя меня в висок.

Только чувствуя, какой он горячий, я поняла, что замёрзла.

– Долгий. И непредсказуемый. Знаешь, с кем я сегодня познакомилась?

Он помрачнел:

– Знаю. Малышка Грасьон не пожелала сидеть тихо и незаметно.

– Не пожелала.

Я почувствовала обиду. В голосе Атайрона мне послышалось нечто вроде одобрения или гордости. Не уверена, что это правда было так, но, в любом случае, должной строгости, которая, по моему мнению, должна была соответствовать случаю, я в нём не слышала.

– Напротив, она предпочла выделиться. И выход её, признаться, был запоминающимся. Переодевшись одной из моих служанок, она набросилась на меня с ножом.

– Что?! Куда смотрели твои слуги и охрана?

– Прости, забыла спросить их об этом, – с сарказмом протянула я.
– Отвлеклась на собственные переживания. Но, полагаю, твои люди положились на моих, мои – плохо знают тех, кто живёт у вас во дворце, всё это дало отличный шанс девушке проникнуть и выкинуть это, весьма странное и плохо объяснимое со стороны разумного человека, коленца. На что она рассчитывала? Если бы даже, предположим, её затея удалась – то что? Она вновь вернулась бы в твою постель?

– Джейсси нельзя назвать умницей. Я ценил её исключительно за темперамент, который она, как нельзя некстати, и продемонстрировала.

И снова мне показалось, что Атайрон не придаёт должного значения случившемуся событию.

– Надеюсь, ты не в обиде, что темперамент твоей любовницы не вызывает во мне тёплых чувств? – язвительно поинтересовалась я.

Атайрон в ответ успокаивающе обнял меня:

– Ты можешь наказать её, как считаешь нужным. Только пожелай и ей отрубят голову.

– Так сразу и отрубят.

– На рассвете, если прикажешь.

– Ты меня испытываешь? Проверяешь? Или насмехаешься?!

Во взгляде Атайрона промелькнула неуверенность:

– Насмехаюсь? Она посмела покуиться на жизнь королевы. По закону пустыни её бы разорвали конями. Или сварили в кипящем масле.

– Я не столь кровожадна. Меня вполне устроит, если ты отошлешь её отсюда вон и без возврата. Чтоб глаза мои эту девицу никогда не видели!

– Это слишком мягкое наказание.

– Тогда выдай её замуж, – язвительность вновь вернулась в мой голос. – Поверь, наказание ей хватит на всю оставшуюся жизнь.

– Не знал, что замужество ты ставишь на одну доску с плахой. Но, будь по-твоему. На самом деле неплохая идея. Выдам девицу замуж и пригрожу мужа лишит имущества и титула, если ещё хоть раз увижу её рядом со столицей. Но ты, как будто не слишком рада такому решению.

– На самом деле эта твоя девица меня не пугает. Или, скажем так, меня пугает не она, а та, что стоит за её спиной.

Последняя тень улыбки сошла с лица Атайрона. Он не стал притворяться, что не понимает меня, хотя было и видно, что правда его, мягко говоря, не радует.

– Хатериман? Думаешь, она действительно пыталась тебя убить руками этой дурочки?

– Конечно, нет. Она жаждет вбить клин между нами. Ей не нравится мысль о нашем с тобой счастливом воссоединении.

– Это я знаю. Что ж, в искусстве плести интриги моей матери нет равных. Придётся ещё раз серьёзно поговорить с ней. А те, по чьей вине вся эта ситуация вообще стала возможной, обязательно понесут ответственность. Я не для того плачу стражником жалованье, чтобы находить змею в своей постели.

Заметив мою насмешливо изогнутую бровь, Атайрон с усмешкой добавил:

– Фигурально выражаясь, конечно.

– Но почему же фигурально? Она и правда похожа на змею. Твоя ностальгия по пустыне переходит всякие границы.

– Всякие границы переходит моё желание взять тебя, прямо здесь и сейчас. И тратить время на разговоры на посторонние темы я больше не намерен.

Не помню времени, когда я чувствовала бы себя настолько счастливой. Ни в той, моей, прошлой жизни, спокойной, но слишком серой, лишённой ярких впечатлений, ни в этой, где впечатлений было хоть отбавляй, ощущение полноты жизни и исполнения всех желаний никогда не было таким полным, таким осязаемым и осязаемым. У меня впервые было всё, что я желала: любимый мужчина рядом, сын, дело, которому можно себя посвятить, богатство и достаток. Но, даже когда мы живём в новом мире мы не расстаёмся с собой любимым. Не знаю, откуда в людях живёт этот страх перед счастьем? Счастье – самая хрупкая в мире вещь, которое легко разрушить простым дыханием. Только что ты был счастлив, а в следующий момент от всего, что было остались лишь воспоминания, на которые и оборачиваться больно.

Что такое счастье? Счастье – это сон, от которого не хочется очнуться. Забыть. Самообман.

Во мне, как и в любом русском, живёт страх перед счастьем, потому что расплата за высший миг полноты бытия – его потеря и вечная тоска по ушедшему. Любовь и счастье, эти птицы живут лишь в райских садах; они не для простых смертных грешных.

В прошлый раз я была счастлива, а потом Эвил погиб.

Пережить любимых людей это как пережить часть самого себя. Что-то в тебе навсегда ломается, уходит. Когда-то, в прошлой Вселенной мы спорили с одной из подруг, что лучше – измена или смерть. Она стояла на том, что лучше похоронить любимого и оплакать его, чем потерять и презирать. Для меня странный сам вопрос: пусть сто тысяч раз изменит, уйдёт навсегда, но мысль, что человек где-то живёт и дышит... пусть не тобой, пусть не с тобой, пусть не твой, о! Это сто тысяч раз легче, чем засыпать его сырой землёй.

Когда умер Эвил, у меня было чувство, будто между небом и землёй открылись Врата, он ускользнул, а я – я застряла и бьюсь в стеклянный полог, как птица, не находя выхода. Каждый день я просыпалась, открывала глаза и вспоминала – его больше нет. Нигде нет. И с этим придётся просыпаться завтра, послезавтра – много дней. Я ждала, когда боль отпустит, но она не отпускала. Я просто слилась с ней, срослась, научилась быть, жить, дышать.

Но страшнее не это. Просто там, где раньше была жизнь, стало пусто. Уже больше не болело, но ничем не заполнилось. Как если бы в доме, полном жизни, существовала комната, где никогда не зажигают свет, где всегда темно, гуляет сквозняки и эхо. Пугающе тёмная комната, о которой не хочется не говорить, ни думать, о которой большую часть дня не вспоминаешь, но ты знаешь, всегда знаешь – она есть, она полна тьмы и тьма эта в любой момент может начать разрастаться подобно раковой опухоли. Лишь дай толчок к развитию болезни, и она поглотит всё. И все комнаты в доме наполнятся темнотой, влагой и эхом.

– Госпожа, лорд-протектор просил вас прийти на галерею, как только вы оденетесь, – передала одна из девушек.

– Хорошо. Поторопитесь, девушки.

Мне хотелось спросить, с чем связана очередная просьба, но гордость сковывала уста. К чему лишние вопросы? Через пару минут и пару шагов всё узнаю без лишних ушей.

Отчего-то интуицией я чувствовала, что впереди меня ждёт что-то не слишком приятное. И уже на подходе поняла, что не обманулась.

– Отпустите меня! – раскатывался по переходам и лестницам замка отчаянный и яростный девичий голос. – Пощади! Умоляю тебя! Не надо!

Вопли были столь отчаянными, что у меня сердце похолодело. Может быть, несчастную там уже пытаются? Атайрон мог быть жестоким. Причинять боль ему не впервой. Ходят слухи о том, что чернокнижники собственными руками приносят жертвы, в особенных случаях – даже человеческие. Хотя думать об этом совсем не хотелось.

Я прибавила шаг, поднимаясь по лестнице на следующий ярус, выводящий прямоком на галерею.

Слава богу, никто и никого не пытал. Стражники всего лишь силой тащили повалившуюся на пол, упирающуюся изо всех сил, девчонку. Атайрон стоял с каменным лицом, широко расставив ноги и положив руку на эфес меча. Рядом с ним, как всегда, окутанная красными шелками, словно охваченная пламенем, возвышалась Хатериман.

Заметив меня, девица Грассьон на секунду заткнулась, блеснув глазами. Несчастный ангелочек в мгновение ока превратилась в разъярённую фурию:

– Ты! – ткнула она в мою сторону пальцем. – Ты виновата во всём! А-а-а!

От её воплей закладывало уши. Словно баньши – у меня того гляди из глаз кровь хлынет.

Стражник бросил короткий взгляд на Атайрона и, получив короткий, едва различимый кивок в ответ, отвесил девице пощёчину. Крик оборвался. Наступила благословенная тишина.

Подобравшись, встав на колени, девица всхлипнула:

– Я не хочу умирать, мой господин! Повелитель! Смилуйтесь! Это всё моя любовь к вам...

Никто её не перебивал и не останавливал, но слова сами собой замерли на губах девушки. Взгляд её испуганно метался от Атайрона к Хатериман, молчаливой и равнодушной, как сама Смерть. Если Жейсси и питала какую-то надежду на её заступничество, думаю, одного только взгляда хватило, чтобы надежда эта скукожилась и развеялась пеплом, как клочок бумаги на костре.

На лице же Атайрона и вовсе не один мускул не дёрнулся. Против воли я ощутила нечто вроде сочувствия к девушке. Да, она пыталась меня убить, но... какого это, любить мужчину и знать, что ты для него пустое место? Каким должно быть отчаяние, чтобы вынудить совершать заведомо проигрышный, глупый поступок? Или я приписываю этой кукле чувства, на которые она не способна? В моей памяти всплыла Эденсун – вот уж кому достоинства было не занимать. Огненная Плясунья, которой не было равных.

Атайрон продолжал давить на рыжеволосую Грасьон тяжёлым взглядом. Она скукожилась, опустила голову и тихо, словно побитая собачонка, заскулила высоким голосом. Мне ужасно хотелось зажать уши руками и крикнуть: «Прекратите!». Но, как и все участники сцены, я тоже застыла безмолвным изваянием в ожидании дальнейших реплик.

Атайрон медленно, будто каменный командор, подошёл ко мне и протянул мне руку. Что оставалось? Я вложила ладонь в его пальцы.

Рыдания усилились.

– Перед тобой, девица Грасьон, королева-мать и наша владычица. Ей решать, бросить ли тебя в темницу, на съедение крысам, прогнать из дворца прочь или приказать стражникам обезглавить тебя здесь и сейчас на месте. Прикажи немедленно вызвать палача и через пять минут эта буйная бестолковая голова украсит частокол во Дворе Ночи.

Плач прекратился. Девушка сидела на коленях, не поднимая на меня глаз. Страх и ненависть окутали её стройную фигурку, словно облаком, страх и ненависть стекали и искрились вместе с шёлком рыжих буйных кудрей.

Безопаснее было бы раз и навсегда отсечь эту буйную голову. Безопаснее и разумнее, но...

Вот честно, если бы рядом не стоял Атайрон, я бы велела отрубить дерзкой девчонке голову. Не потому, что кровь соперницы меня бы порадовала – не порадовала бы нисколько. И не обида или оскорблённое достоинство стало бы причиной такого решения – страх.

Я чувствовала дикую змеиную ненависть, исходящую от этой девицы. И ни тени раскаяния. Поменяйся мы местами, мне было бы не жить больше получаса. Жейсси бы, не моргнув глазом, приговорила меня к смертной казни. Я же не могла сейчас поступить иначе, чем обещала. Хотя не исключено, что в будущем мне это не отольётся.

– Я хочу, чтобы она покинула дворец. Нет, больше – столицу. Возвращайте на земли вашего отца, сударыня, и никогда не возвращайтесь.

– Да, госпожа.

– Уведите, – бросила я сквозь зубы страже. – Пусть проследят, чтобы ещё до заката солнца и духа её тут не было.

Стражники увели безвольную, как кукла, Жейсси Грасьон. Мы остались втроем – я, Атайрона и любезная Хатериман.

Атайрон оказался между нами, предлагая каждой опереться на его руку.

– Мы опечалены, что всё так получилось, – проговорила Хатериман. – Никто не мог предположить, что девушка окажется столь безумной, чтобы поднять на вас руку, Анжелика Ванхелия.

Колючие слова вертелись у меня на языке, но, прежде, чем я дала им волю, Атайрон произнёс:

– От всей души хотелось бы верить вашим словам, матушка, но я не верю в совпадения, – с жёсткой иронией произнёс Атайрон.

Хатериман напряглась, замедляя шаг. Остановившись, она в упор поглядела на сына непроглядно-чёрными глазами:

– Что ты хочешь этим сказать?

– Тем, что к чёрту прятки, игры в кошки-мышки и прочий политес. Никогда не видел смысла петлять там, где можно пройти прямой дорогой, дорогая моя родительница. И я прямо говорю, что, хоть нож был в руке Грасьон, не исключая, что вложили его в ладонь ей вы.

Хатериман сделала глубокий вздох. Всё ещё тугая, несмотря на годы, грудь, поднялась мягкой волной.

– Нам не известно, что ты слышал, но мы представляем, как нас могли оболгать.

– Нет надобности клеветать на вас. Вот что я скажу вам обеим, дамы. Впереди у нас непростые времена – очень непростые. Король мал и слаб, наша власть шаткая, со всех сторон, как шакалы, подбираются враги. Я не потерплю склок и интриг внутри дома, внутри семьи. Ни одна из вас не должна ничего замышлять против другой. Та, что пойдёт на это, покинет дворец.

Хатериман медленно подняла подбородок и сузила глаза.

– Вы знаете меня, матушка. Воля моя неоспорима.

– Ты не в состоянии держать под контролем своих женщин, а виноваты мы, сын мой?

– Я сказал достаточно, – ледяным тоном отрезал Атайрон. – И если кто-то не сочтёт нужным меня услышать, я перейду от слов к действию.

Он развернулся к матери, глядя на неё в упор точно такими же, как у неё – её глазами.

– Вы не смеее больше и пальцем коснуться моей женщины, матушка. Я этого не потерплю.

– Ты забываешь, с кем говоришь?

– Конечно, нет, – с деланной мягкостью проговорил Атайрон. – Не будь вы моей матерью, вы были бы уже в темнице. Но, учитывая, кто вы, я грожу вам не плахой, а ссылкой. Выступив против семьи, вы лишитесь семьи, мама. А Анжелика, нравится вам это или нет – часть нас. Смиритесь, примите и не смейте больше интриговать. Вы меня знаете: дважды предупреждать не стану. Всё сказанное в равной степени касается и вас, Анжелика.

Я возмущённо вскинула на него глаза. У меня и в мыслях не было подставлять Хатериман! Всё, чего я хотела – это покоя и мира.

– А сейчас, сударыни, прошу меня простить. Дела государственные ждут меня.

Он шёл по коридору и тёмный плащ, словно крылья, стелился за ним над белыми плитами. И сердце моё неровно билось, как у пятнадцатилетней девчонки, которая впервые влюбилась.

Но когда я обернулась на Хатериман, романтическое настроение вмиг улетучилось.

Она смотрела на меня глазами мёртвой змеи, в которой жива только неприязнь, если не сказать – ненависть.

– Ты настроила против меня моего сына. Надеюсь, ты довольна собой?

Это было несправедливо! Чёрт возьми, я не настраивала Атайрона против Хатериман.

– Я буду довольна, когда в нашем доме воцарится мир. Не понимаю, что этому мешает? Я пришла, я здесь – смиритесь с этим, я больше никуда не уйду. Но дворец достаточно велик, чтобы нам уместиться в нём вместе.

Я сделала шаг вперёд, юбки мои зашуршали, словно потревоженный ветром ворох сухих листьев:

– Я в последний раз прошу вас о милости и дружбе. Ваш сын мудр. Никому не нужна война между нами.

– Но каждого, кто пойдёт против тебя, ты уничтожишь?

Наши взгляды встретились. Её глаза горели как угли, насмешливо переливались алыми всполохами.

– Что, по-вашему, я хочу сделать? Лишить вас вашей власти? Отнять всё, что вы имеете? Я не хочу вас уничтожать!

– А чего же ты хочешь?

Я сделала ещё один шаг вперёд:

– Вы знаете, что у обоих ваших сыновей, каждого из которых я любила, ваши глаза, Хатериман? Вы воспитали в них то, что покоряло им людей. Вы сильная, умная, страстная... вы такая, какой я хочу быть. И если бы вы только позволили мне надеяться, что когда-нибудь вы посмотрите на меня если не с любовью, то без ненависти, я была бы счастлива. У нас одна боль в прошлом, одна надежда в будущем. Не можете меня полюбить? Что ж? Мне достаточно будет терпимости. Я нанесу удар только в том случае, если вы не оставите мне выбора. Ваше падение причинит боль тому, кто мне дорог, а мне не доставит радости. Вы станете той правой рукой, которую я отрублю только в том случае, если пойму, что иначе организму не выжить...

– Ты – отрубишь?..

– Отрублю. Не сомневайтесь. Вы каждый раз недооцениваете меня. Но мой тайное желание драться не против вас – драться с вами. Против того, что грядёт.

– Что же грядёт? – свела тонкие брови Хатериман.

– Я ещё не знаю. Но я его чувствую. И оно всё ближе.

Глава 14

В Цитадели климат резче, чем в Оруэлле, переменчивее и капризней. В один момент зной может смениться грозой и наоборот, часто дуют ветра с моря. Но всё же солнечных дней здесь больше. Приятно погожим деньком прогуляться в саду, полном душистых роз.

Огромные, чуть меньше человеческой головы, бутоны, которых на земле я никогда не видела, они какого только цвета не было: больше всего тёмно-алых. Кремовые, розовые, жёлтые, тёмно-синие и даже

чёрные, на стеблях разной длины и плетущиеся, карабкающиеся вверх по аркам, прекрасные розы наполняли воздух сладким, даже приторным, ароматом. Но ветер, нагоняющий воздух с моря, не давал цветочным запахом устояться и утяжелиться.

Терраса сбегала прямо к песочному пляжу и блестящим, как чешуя форели, волнам. Море сегодня было спокойным, вода не пенилась и была столь чистой, что на расстояние полуметра можно было увидеть песчаное дно, кое-где перемешенное с калькой и пляшущих между ними рыбок. Милое, умиротворяющее зрелище.

– Долго мы ещё будет тут гулять? – в голосе Ангэя слышались раздражённые нотки.

Вот в ком умиротворения ни на грош не было. Э

«А он, мятежный, просит бури»...

Я не в первый раз задумалась о том, каким мужчиной станет мой сын? И какая женщина способна быть рядом с ним? Привлечь его внимание? Мне представлялось, что по молодости он будет жесток и, каким бы характером и красотой не обладала женщина, она вряд ли сможет стать для него чем-то большим, чем просто кусок мяса на ночь. Но ведь придёт время, когда он повзрослеет достаточно? Я на это надеялась.

Не один человек не может быть счастливым, не любя другого человека. Я же, как всякая мать, желаю лучшего для своего ребёнка, поэтому от всего сердца надеюсь, что когда-нибудь он встретит настоящего друга и настоящую любовь.

– Мне скучно, мама. Здесь ничего нет кроме волн и дурацких цветов, – с презрением протянул он. – Кому они могут быть интересны?

– Мне, – строгим голосом произнесла я в ответ. – Я люблю и солнце, и море, и цветы. А ещё я люблю своего сына. Неужели ты не можешь уделить мне совсем немного времени.

– Да сколько угодно! – фыркнул он, срубая маленькой шпагой головки с нескольких бутонов. – Только почему здесь?

– А что именно тебе здесь не нравится?

– Слишком жарко, слишком тихо и слишком пахнет этими твоими... розами, – с презрением выплюнул он. – У меня от них вот-вот голова разболится. Почему бы не приказать их вырубить?

– Потому что мне они, например, нравятся. И наверняка вашей бабушке тоже?

– Красной женщине? Мне нет дела до того что ей нравится, а что нет, раз сама она не нравится мне. Только не нужно делать такого лица, матушка! Я же знаю, что вам она не нравится тоже. Когда стану королём, немедленно вышвырну её отсюда и велю уничтожить посаженные ею розы.

– А заодно и море вёдрами вычерпать?

– Нет, зачем же? Я не так глуп. С морем, в отличие от бабушки, мне не справиться так легко.

– Вы уже король. Но надеюсь, вместе с годами и опытом к вам придёт мудрость, сын мой.

– Мудрость – это скучно, – своевольно пожал он плечами и, подхватив камешек, запустил его в воду, да так ловко, что тот несколько раз отскочил от воды, прежде чем утонуть в солёных волнах.

– Отлично! – ухватилась я за возможность сменить тему. – Здорово получается. Сам научился?

– Дядя Атайрон научил.

– Надеюсь, хотя бы он, в отличие от твоей бабушки, тебе нравится?

Под немигающим, твёрдым взглядом Ангэя я ощутила, как неприятно потянуло холодком, чувствуя, что боюсь того, что могу услышать в ответ на свой безобидный, вроде бы, вопрос.

– Нравится? – сын сузил большие тёмные глаза. – Он сильный, умный и всегда знает, что делать. Он много чего умеет.

– Это так.

– Скажи, он лучше моего отца?

Это неприятное ощущение, когда сердца в груди словно на качелях – падает вниз с высокой точки. Слишком внимательным, слишком острым был взгляд Ангэя. Вопрос явно не был праздным и, скорее всего, не последним.

– Не правильно сравнивать их...

– Почему? – голос Ангэя звучал твёрдо и требовательно.

– Они братья.

– И? Разве нельзя сравнивать братьев? – о, как эта насмешливая интонация была мне знакома! Я слышала её сотни раз в голосе

Хатериман, Атайрона и даже Эвила. – Почему ты не ответишь прямо – кто из них двоих лучше, мама?

– Потому что я знаю, сын. Твой отец был хорош...

– И мой дядя хорош – тоже? Вот вы явно нравитесь ему, матушка. Он так смотрит на вас всякий раз, когда вы встречаетесь, что его страсть к вам даже слепой бы заметил.

Я почувствовала, как кровь приливает к лицу. Странно, почему я раньше не подумала о том, как сын отнесётся ко всему этому и, в первую очередь, сплетням. Любой дворец набит сплетнями. Чем же подданным, фрейлинам и придворным кавалерам ещё заняться, как не перетирать кости господам? Сериалов и ток-шоу в Цитадели нет. А тут бесплатное кино: связь вдовы брата и лорда-протектора, две любовницы под одной крышей и возможные ставки на то, сумеет ли Атайрон окрутить глупую вдову своего братца, приблизившись ещё на один шаг к власти? Укрепив тем самым собственное влияние и положение. Конечно, Ангэй, как лицо заинтересованное, был посвящён в вовсе не детские проблемы. Не исключено, что кто-то, пока не видимый и незримый для меня, уже борется со мной за влияние над моим сыном, пытаюсь вбить клин между мной и им, посеяв недоверие в маленьком гневном сердечке, которое так легко охватывало пламя ярости.

– Почему ты об этом спрашиваешь?

– Хочу знать. Мой дядя – он понравился тебе только теперь? Или нравился ещё раньше, когда был жив отец?

Неужели кто-то смеет ставить под сомнения происхождения моего сына?! Ответ напрашивался сам собой – конечно, смеет. Ни для кого не секрет, что именно Атайрон обучал меня, что мы долгое время оставались наедине, без свидетелей и наши враги вполне способны использовать это как аргумент, обвинив меня в адюльтере, которого, слава богу, не было и быть не могло.

– Я всегда с уважением относилась к родне твоего отца.

– Уважением? – и снова это мерзкое, ненавистное, насмешливое фырканье.

Вот так бы дала по высокородной королевской попе для просветления мозга! Но, конечно же, настоящее просветление мозга здесь совершенно не при чём. А «при чём» здесь очень даже то, что

сын задаёт неловкие, неудобные вопросы, на которые я даже наедине с собой редко отвечала правдиво.

– С уважением и восхищением. Трудно иначе относиться к таким людям, как твой отец и его брат.

– Всё так, но я слышал, как некоторые говорят, что я вовсе не сын младшего, королевского, сына. И... разве мой отец был младшим братом?

– Да.

– Но как же тогда он первым стал королём?

– Это долгая история. У твоего дяди и отца одна мать, но лишь младший сын Хатериман имел права на престол.

– Я не понимаю – если у Хатериман был первенец, то зачем мой дед-король женился на женщине с ребёнком, да ещё и сомнительного происхождения?

– И что ты слышал на этот счёт?

– Что Хатериман – ведьма и опоила его.

– Хатериман – дочь вождя древнего народа и именно армия, пришедшая за ней, помогла вашему деду сесть на трон Цитадели.

– Армия или тёмные чародеи? Такие, как моя дядя?

– А есть разница, если в итоге твой дед получил то, что хотел.

– В награду он женился на женщине сомнительного происхождения?

– Может быть в награду, может быть, по любви. Может быть, и то, и другое. Согласитесь, ваша бабушка даже теперь весьма привлекательная женщина...

– Возможно, всё дело в колдовстве и под маской чар она всего лишь страшная старуха?

– Ты спросил, кто твой отец? Король Эвил, мёртвый, к сожалению.

– Но это правда, что ты собираешься выйти замуж за дядю Атайрона?

Вот он – момент истины. И чёрные глаза сына, так похожие на глаза его отца... и на глаза дяди, строго и требовательно, взыскательно смотрят мне в душу. А я гляжусь в них и вспоминаю, смутно, как сквозь воду, что в детстве мир весь чёрно-белый, в нём ни оттенков, ни полутонов. Перед тобой либо святой, либо подлец. Либо верная жена, либо предательница.

Кем может быть в глазах сына мать, решившая влюбиться в брата его отца? Предательницей, иудой (хоть в здешних землях и знать о таком не знают), изменщицей.

подавив в себе желание сразу начать оправдываться, я коротко кивнула:

– Именно таков наш план.

Я опасалась вспышки гнева, истерики, но сын продолжал смотреть и в черноте его глаз, как у всех отпрысков Хатериман, можно было утонуть, сгореть, потеряться, но вот прочесть что-либо – да фигурки!

– План, – повторил он медленно, словно смакуя слово на вкус. – Всё дело в плане? А не в чувствах между вами – тобой и дядей?

– Не стану утверждать, что этот союз вызывает во мне отвращение, но, чтобы я не делала, в первую очередь я думаю о вашем благополучии, сын мой.

– Конечно. Я так и думал.

Сколько сарказма может быть в ребёнке, которому ещё и полных шесть лет не исполнилось?

– Если ты будешь против, я прислушаюсь к твоему мнению.

– Но дядя будет лучше служить нам, если мы станем одной семьёй? Но разве не может случиться так, что когда придёт время, дядя Атайрон не захочет отпускать бразды правления и передавать их мне?

– Никогда нельзя ни о чём зарекаться заранее, но до сих пор брат твоего отца ни разу не нарушал данного им слова. И твой отец полностью полагался на него.

– И умер.

– Когда не послушал старшего брата и меня, а поступил по-своему.

Ангэй поморщился:

– Звучит, как нравоучение.

– Возможно, это оно и есть.

– Мне надоели эти розы. И эти разговоры. Я хочу полетать на драконах. Мы слишком давно этого не делали.

– Вряд ли сегодня я готова к полётам. Кроме того, вы пока слишком малы, чтобы в одиночку управлять драконом.

– Пингвин отлично слушается.

– Нет, Ангэй! – строго сказала я.

Со всей строгостью, на какую только была способна. Недовольно накупившись, сын убежал вперёд – дальше бросать камешки в море.

Мне показалось, что ветер поменялся. Теперь он стал куда более пронизывающим и холодным. Ох уж этот, переменчивый климат Чёрных Земель, окружённый с одной стороны горячими пустынями, а с другой – холодным серым океаном.

Вторую половину дня я провела в своём новом кабинете, разгребая финансовую отчётность. Я сама потребовала, чтобы мне предоставили документацию обо всех тратах во дворце. Статей было много, все они были в далёко от нормально-читаемого состояния. Словно кто-то специально путал приходы и расходы. Основной статьёй расходов были продуктовые траты, так же большое количество денежного содержания уходило на горячую воду и топку в каминах дворца. Фрейлины (или как они тут назывались?), опять же, обходились в копейку. Балы, пиры, праздники с танцовщицами, охота и прочие развлечения, содержание лошадей на конюшне, покупка драгоценностей для дам при дворе – траты, траты, траты...

Но и доходы были немаленькими: пошлина с торговли, налоги с феодалов, неплохие урожаи последних лет.

По документам все складывалось вполне неплохо, но я редко доверяю документам. Наверное, потому, что в свою бытность, в прошлой жизни сама умела прекрасно составлять отчёты, в которых реальность отображена как «тип-топ» даже если на самом деле полна *опа.

На следующий день я твёрдо решила полетать немного на Молнии, нагрянув к подданным с должным уровнем неожиданности.

Вечером Атайрон нанёс мне визит. Он был неистощим, неумолим, неутомим в своей страсти. Поначалу мой настрой был весьма далёк от романтического. Для себя я это объясняла заботой и состоянием дел в стране (ну, да, я такая вот нужная! Пять лет стояла Цитадель без меня, и ещё век простоит – но чувство собственной важности ещё никто не отменял, да?), но на самом деле меня тяготил разговор с сыном.

Я очень старалась быть страстной и нежной, но загружённый мозг женщины не лучшим образом влияет на её сексуальность – больше мыслей в голове, меньше отзывчивости в нервных рецепторах половой сферы. Никуда от этого не деться. Мне казалось, что мои заморочки

остались в тайне, я даже оргазм, в конце концов испытала, так что вопрос Атайрона:

– Что сегодня не так? – стал для меня неожиданностью.

– Всё так! Было просто чудесно!

– Возможно, только ты всё время норовила ускользнуть от меня в свои мысли. Что такое? Снова думаешь об этой Грассьон? Она того не стоит.

– Нет, не думаю. Я верю тебе и... дело в Ангэе.

Атайрон хмыкнул, отбрасывая волосы с лица:

– Что он опять затребовал? Полёты на драконах?

– Это, конечно, да.

– Не волнуйся. Драконье Логово надёжно защищено. Я лично выставлял Охранные Заклинания и без моего ведома там мышь не пролетит.

– Мыши не летают.

– Летают, если они – летучие.

– Меня беспокоят не мыши. Ангэй задавал вопросы о нас с тобой.

Атайрон приподнялся, опираясь на локти и несколько секунд смотрел мне в лицо:

– И?.. Что он спрашивал?

– Правда ли, что я собираюсь выйти за тебя замуж. Но это полбеда. Второй вопрос меня просто обескуражил.

– Да ну? Чем тебя можно обескуражить?

– Ангэй очень серьёзно интересовался, кто из вас с Эвиллом действительно его отец.

Усмешка, даже наигранная, после моего заявления, сошла с лица Атайрона.

– Проклятье! Они посмели донести грязные сплетни даже до ребёнка!

– Как я понимаю, сплетни ходили уже давно?

Лицо Атайрона потемнело ещё больше:

– Тебе правду сказать?

– Конечно.

– Они начались ещё при жизни Эвила. Возможно, именно поэтому наша мать решила выбросить тебя из нашей жизни, устранив яблоко раздора. Многие считают, что я убил брата, чтобы завладеть его женой.

– Но это же бред! Ты до последнего пытался его спасти.

– Ты это знаешь. Я – это знаю. По счастью, мать это тоже знает. Я любил тебя, не отрицаю, но...

– Тебя не в чем упрекнуть.

– Мы оба знаем, что это не совсем правда. У меня были моменты слабости. Но что можно сделать со своими чувствами?

– Не давать им ходу, – заправила я выпавшую прядь волос обратно за ухо. – Дело не в правде. Нашим врагам нужна не истина, а – повод. Возможность объявить наши притязания незаконными.

– Именно. Сомнения в отцовстве Эвила делает притязания Ангэя на трон незаконными.

– Проклятье! – не сдержавшись, выругалась я. – Но если это так, разве не роковой ошибкой стало то, что случилось между мной и тобой? Мы только плеснули масло в огонь?

– Анжелика! – резко поднявшись на ноги, Атайрон набросил халат на мускулистые, широкие плечи, скрывая от моего взгляда накачанные, твёрдые полукружия ягодиц и узкие бёдра. – Неужели ты думаешь, что если мы оба дадим обед целомудрия, отказавшись от своих чувств, это хоть что-то изменит? Наши враги не испарятся подобно утренней росе с восходом солнца – увы, нет! Мы откажемся от своего кусочка счастья, то проблемы этим не решим. Единственный человек, за которым я признавал право разлучить меня с тобой мёртв, а всё остальное? – он упрямо вздёрнул острый волевой подбородок. – Все остальные преграды я разрушу.

– Но разве это не усложнит и без того сложное положение? Разве не поставит под сомнение право Ангэй на трон его отца?

– У прадедов Ангэя было до черта прав – и что? Право – ничто без решимости воспользоваться им; без силы и воли. Я твёрдо знаю, чего хочу: тебя и власть. И горстка амбициозных лордов, даже объединившись между собой, мне не помешают.

– Но наша свадьба может спровоцировать войну.

– Война будет в любом случае, любовь моя. А если она неизбежна...

– Ты уже говорил мне однажды: пусть грянет.

– Именно так, – плотоядно и при этом странно светло улыбнулся он мне в ответ.

– Война – это не только наши риски. Война – это жизни других людей. Невинных людей! Невинные всегда страдают первыми. Имеем

ли мы право платить за своё счастье такую цену?

Судя по тому, как сузились глаза Атайрона, как блеснули огнём его зрачки, как гневно затрепетали побелевшие ноздри, мои слова задели его заживое:

– Что ты предлагаешь, любовь моя? Сидеть и ничего не делать? Отдать бунтовщикам и изменщикам то, что они жаждут заполучить? И кого это спасёт? Те, кому суждено погибнуть, погибнут с нами или без нас, но я своё заберу по праву – древнейшему праву, существующему на свете. По Праву Силы. Тех же, кто посмел отравить слух племянника грязными сплетнями заплатят за это.

– Жизнью?

– Возможно. Но я дам им шанс откупиться.

– Чем?

– Полезными сведениями о заговорщиках.

– Почему людям не сидится спокойно? – вздохнула я. – Вечные заговоры, интриги...

– Власть – это то, что заполучить хотят все, взять могут немногие, а удержать способны – единицы. Выше короля только Бог, но он молчит, не с кем посоветоваться. А рниже – миллионы божьих созданий, тысячи из них считают, что властитель что-то делает неправильно, горстка же негодяев всегда готова оседлать волну народного гнева и устроить бунт, надеясь обернуть ситуацию в свою пользу. Нравится властителю или нет, но в его руке всегда должен быть кнут и меч, иначе власть не удержать. Упадёшь сам – толпа тебя растерзает. А после, словно неразумные дети, и себя доведут до гибели, в кратчайшие сроки разбазарив государственные богатства, чтобы потом изнемогать от голода и холода. Ответственен же за все эти беды всегда король – пусть даже и мёртвый. Не сумел удержать корону, не предотвратил смуту, не справился с ситуацией – виновен, потому что слаб. Только идиоты думают, что власть можно использовать для себя, на самом деле – это такая ноша, которую не скинуть, пока дышишь. Ты в ответе за всё. В минуты редкой большой удачи толпа тебе рукоплещет, но она ежеминутно жаждет новых идолов в своей глупой склонности к новизне. Толпа не понимает, как легко разрушить то, что выстраивается годами; каким непоправимым может быть неправильный выбор. Смута будет всегда, враги будут

всегда. От этого никуда не уйти. А в нашем положении либо ты властелин и на коне, либо ты повержен и мёртв.

– Ты подозреваешь кого-то конкретного?

– Наши враги и не думают носить масок. Как и подобает благородным рыцарям, борцам за справедливость, они открыто бросают нам вызов. Это Лорды Алых Песков. Здешняя знать никак не может успокоиться. Когда-то они подчинялись Саторьманам, но, по сути, столица Десятицарствия была далека от них. Они принимали власть Порочных Королей лишь формально, открещивались деньгами, по сути же были практически суверены. Но наш огненный поход с Эвилом всё изменил. Драконы заставили их подчиниться. Брат вознамерился стать королём на деле, а не на словах.

– Мы оба понимаем, что Эвил был слишком молод. Что основная работа лежала на твоих плечах.

Атайрон насмешливо выгнул бровь:

– Будучи безбородым юнцом я мечтал о магии. Мне нравилось уединение, нравились тайные ночные тропы, заполненные неясными шорохами, неведомыми потусторонними тварями, нравилось вступать в те области, в которых человечество знает так мало. Нравилось открывать для себя что-то новое, запредельное – волнующее. Мне нравилась опасность, игра со смертью, поединок воли (которая представлялась мне светом) и тьмы. По сути своей я скорее учёный, искатель, естествоиспытатель, а не правитель. Но мать убедила меня, что мои желания я успею осуществить позже, даже с размахом, когда полмира подчинится воле моего царственного младшего брата, – в голосе Атайрона зазвучали горькие нотки сарказма. – Вот так я и оказался в этой игре, из которой теперь уже никак не выйти.

– Что сказать? Иногда, вопреки утверждениям, не мы выбираем судьбу, а она – нас, зачастую не спрашивая о наших желаниях. Самое удивительное, что в конце получается, что всё правильно и в итоге все получают то, что должны.

– Я не верю в судьбу.

– В некоторые вещи верить не обязательно – они существуют объективно, сами по себе. Так силу притяжения, например, не отменить. Ты одинаково разобьёшься, упав со скалы, вне зависимости от того, веришь ты в этот закон или нет.

После разговоров с Атайроном я передумала совершать аудиторские визиты неизвестным подданным. Неразумно было с моей стороны подвергать себя опасности. Причём опасалась я не столько лордов, сколько реакции Атайрона. Интуиция, опыт и простая наблюдательность – все говорило за то, что он явно не выпишет мне премиальные за подобное самоуправство. Результат от моих действий сомнительный, риски, в свете нашего ночного разговора о заговорщиках и мятежниках, весомые, а сознательно нарываться на неприятности – это не моё амплуа. Так что я решила быть пайнкой и хорошей девочкой. Занялась предписанными знатной даме развлечениями – вышивкой гладью и сплетнями. Кто мы мне в моей прошлой жизни сказал, что я преуспею в вышивании? У меня ж хроническая рукожопость помноженная на кривозоркость во всём, что касается всех видов поделок и рукоделия. Но и медведя можно научить всему на свете при большом количестве подходов и должной мотивации. Да, став из Ангелины Анжеликой, счастливой матерью и несчастной вдовой, я ещё на арфе выучилась играть. И петь, по уверениям придворных льстецов, как соловей. От избытка свободного времени и природного шила в попе я уже подумывала об уроках живописи.

Итак, в тот светлый момент моей жизни мы в солярии развлекались вышивкой, музыкой (пару девчушек бренчали на арфе, чтобы остальным было не слышно, о чём мы сплетничаем с Турхан).

А сплетничали мы о счастливом убытии из дворца девицы Грассьон в её родовые земли. Турхан взахлёб повествовала о холодной и спокойной ярости соперницы, которой не оставили другого выбора, кроме как удалиться восвояси, в родовые земли. Как говорится – скатертью дорога. Не спешите возвращаться.

Когда доложили о приходе дорогой свекрови, мы с Турхан невольно переглянулись. Я поднялась навстречу матери Атайрона, выказывая уважение. Мне было любопытно и волнительно перед встречей. От всей души надеюсь, что Хатериман сделала правильные выводы из недавнего диалога.

– Доброе утро, Анжелика.

Голос её звучал вежливо. Доброжелательно ли? Да так сразу и не поймёшь.

– Доброе утро, – поприветствовала я в ответ. – Рада вас видеть.

– Мы решили поздравить вас.

– С чем? – сделала я удивлённые глаза.

– С очередной победой. Разве вы не слышали о том, что наша слуга Грассьон покинула Цитадель?

– Ах, это? – улыбнулась я, словно новость была пустяковой и незначительной. – Надеюсь, то, что девушку отлучили от двора, не огорчило вас?

– Как будто если бы я огорчилась это что-то изменило. Но нет. Ты, наверное, задаёшься вопросом, почему я пришла? Зачем я здесь?

– Почему я должна удивляться? Мы с вами родственники, мы – две женщины, занимающие самое высокое положение во дворце. Что удивительного в том, что равный стремится проводить время с равным? – разыгрывала я спокойствие и уверенность, которых я на самом деле не испытывала. По крайней в той мере, в какой бы хотелось.

– Мы не равны. Но всё же, раз у меня нет иного выбора, как принять тебя, мне придётся это сделать.

Она стремилась задеть меня, но... я уже стала привыкать к её шпилькам. Рано или поздно, как бы не тёрли жестокие туфли вам ноги в кровь, наступает пора, когда кожа грубеет настолько, что мукам наступает конец. С сердечными ранами происходит тоже самое. Шпильки Хатериман вызывали скорее раздражение и насмешку.

– Мудрое решение, – кивнула я. – Желаете кофе, вина или щербата?

Хатериман коротко усмехнулась и, поправив пышные юбки, опустилась рядом на подушки. Жестом подозвав одну из девушек, она взяла с подноса маленькую чашечку. Выбор был предсказуем. Конечно же – кофе.

– Пусть все уйдут, – не терпящим возражений голосом проговорила Хатериман.

Турхан сделала большие глаза и предупреждающе покачала головой. Но что Хатериман могла мне сделать.

– Ступайте, – отпустила я слуг и наперстниц.

Когда мы остались одни, Хатериман заговорила так, словно продолжала разговор. Возможно, она действительно вела его с самой собой, не переставая:

– Ты говоришь, что мы равны, но это не так. Чтобы завладеть властью, мне пришлось идти по пустыням, живой входить в огонь, одной растить сыновей, защищая их от всего мира. Тебе же всё досталось гораздо проще. Когда умер отец Эвила, он забрал с собой моё сердце, а с тобой этого не случилось. Твоё сердце живо.

– Не надейтесь, что я стану извиняться за это. У каждого своя судьба

– Но ты ведь и не выбирала моего сына, – словно не слыша меня, продолжала Хатериман. – Тебя выдали ему, словно ценный приз. Как рабыню, даром, что царская дочка. Имей ты изначально возможность выбора, может быть, ты бы сразу выбрала старшего сына, а не младшего? Но как бы там ни было, теперь вы оба свободны. Ваш союз никому не причинит боли и укрепит наш дом. Пусть будет так, как хочет Атайрон. Я приму тебя.

Глаза Хатериман были черны и холодны. Тёплых чувств в них не отражалось. Но она была человеком слова. Жестокая, бессердечная, вероломная – это всё да. Коварная, как море, такая же глубокая, тёмная, непредсказуемая, эта потрясающая женщина умела быть надёжной, как скала.

Признаться, я с облегчением услышала её признание.

– Это прекрасно, Хатериман. Госпожа, я родила вам внука. Дала продолжение рода Порочных принцев. Я никогда не была непочтительна к вам. Вам не за что меня ненавидеть.

– Порой ненависть так же иррациональна, как и любовь и не нуждается в поводе, – со вздохом произнесла моя собеседница. – Наши чувства нам не подвластны, но подотчётны действия. У тебя есть моё слово и ты можешь спать спокойно. Возможно, я никогда не стану любить тебя, но и врагами мы быть не должны.

– Полностью разделяю ваше мнение, госпожа. В этом дворце и вы, и я увидели и ад, и рай; вкусили любовь и горечь потери любимого, мы вместе видели смерть. Пусть же по отношению друг к другу мы не познаем предательства.

Мне самой собственная речь показалась излишне пафосной. Но тут пафос был к месту. Кажется.

– Если для будущего династия Саториманов данный союз необходим – да будет так, – произнесла Хатериман без всяких эмоций.

Что ж? Я и не надеялась на её любовь. Терпимости мне вполне хватит.

Вот тут бы и хэппи-энд, и полнейшее благоденствие семейное. Как говорится – занавес, но...

Дверь отворилась и, подобно смерчу, влетела Турхан:

– Госпожа!..

– Что случилось? – я не очень обеспокоилась её всклокоченным видом и вытаращенными глазами, пребывая в счастливой эйфории от того, что я готова была посчитать победой – заключением мира с Хатериман.

– Ангэй – он оседлал Пингвина и улетел.

В первый момент я всё ещё сохраняла спокойствие. Мозг мой словно подвисал, как давшая сбой программа.

Мой сын. Улетел. На Пингвине. Абсурдная, нелепая, едва ли не смешная фраза. Шестилетний ребёнок на драконе-подростке, который никогда никуда не летал и который совершенно не предсказуем. Даже опытные драконьи всадники на дальние расстояния используют крепёжные средства, чтобы не низвергнуться с высоты на землю.

Мой сын – он где-то там, один. Возможно, уже разбился. Возможно...

Весь ужас случившегося навалился на меня внезапно, со всей своей отчётливостью.

Глава 15

Я сорвалась с места, намереваясь бежать к Молнии, но не успела я достичь цели, как дверь с силой захлопнулась прямо перед моим носом. В гневе я обернулась к Хатериман, которая, в свой черёд, поднялась со своего места и возвышалась надо мной, словно статуя, облитая красным цветом.

– Откройте дверь! – срывающимся от владеющих мной эмоций, сдавленным голосом проговорила я.

Чёрные глаза казались жерлом погасшего кратера вулкана. Невозмутимая холодность свекрови подействовала на меня, как масло, плеснувшее в огонь.

– Немедленно! – вскричала я.

Она шагнула с пьедестала, где мы только что столь чинно восседали. Неторопливо шагнула с одной ступеньки на другую, пока не остановилась рядом со мной.

– Никогда не стоит спешить, Анжелика Ванхелия.

– Мой сын в опасности, – прошипела я, чувствуя себя так, будто в любой момент смогу обернуться змеей и вонзить ядовитые клыки в гибкую, длинную шею противницы. – С учётом обстоятельств...

– Никогда не следует спешить. Чем серьёзнее обстоятельства, тем точнее должны быть действия.

– Вы не понимаете...

– Нестись и бежать – так себе план. Результатом становится лишь увеличившееся количество потерянных жизней.

– Молния сможет отыскать Пингвина. А бескрайнее пространство из небес и морей не место для прогулок шестилетнего ребёнка, будь он хоть трижды королевских кровей!

Хатериман схватила меня за руку и тонким стилетом сделала тонкий надрез у меня на ладони. В следующий момент и её ладонь украсил точно такой же зигзаг. Она с силой схватила меня за руку, смешивая два алых потока в один.

В следующую секунду она отступила:

– Теперь иди.

На мой вопросительный взгляд она приподняла бровь:

– Магия крови – лучшее средство для поисковой магии, – пояснила она. – Твоя кровь станет маяком на случай, если придётся искать и тебя тоже, – улыбка её была сухой, как тонкий штрих. – Я дам знать Атайрона.

– Будем надеяться, что его помощь не потребуется и я смогу отыскать сына достаточно быстро...

– Надейся, – кивнула Хатериман. – Но лучше ко всему быть готовым.

Двустворчатые двери распахнулись почти беззвучно, и я бегом устремилась в сторону Драконьего Логова.

Я почувствовала тревогу моего дракона ещё до того, как вошла в Логово. Молния то издавала надрывный взволнованный клёкот, то оглашала окрестности гневным, угрожающим, громогласным рыком, которое может вылететь только из огнедышащей драконьей глотки. Воздух вокруг словно уплотнился, как бывает перед грозой.

Нетерпение и тревогу мы разделяли на двоих. Пингвин вызывал у Молнии не меньшую тревогу, чем у меня – Ангэй. Если бы могла, драконица уже давно сорвалась бы с места, но охранные заклинания,

выставленные Атайроном невидимым, но непроходимым куполом отделяли Молнию от вольного неба. По счастью, даже моей, пусть и небольшой, магии хватило для устранения препятствия. Я не слишком вникала в хитросплетения чар, но действовали они приблизительно так же, как датчики в само открывающихся дверях в супермаркете, реагируя не на человеческое тепло, а на определённые магические волны.

Издав очередной вопль, Молния поднялась, вытягивая шею и расправляя крылья, видимо, чутьём ощутив, что путь открыт, а возможно, рассчитывая на мою способность устранять препятствия. О! Если бы я в действительности это умела! Но за веру спасибо, дорогая. Хоть кто-то мне доверяет.

Мир закачался, кровь шумела в ушах от волнения и перемены давления. Мощный рывок-толчок перед взлётом заставил меня каждой косточкой тела ощутить силу притяжения и тяготы её преодоления. По воздуху шли волны, приходилось прижиматься к жёсткому, горячему драконьему панцирю, изо всех сил сжимая руками кожаный ремень, цепляться за шипы на хребтине Молнии.

Взлетать – самое волнительное во время полёта. Отрываться от земли, терять опору всегда тяжело; всегда дезориентирует.

Я не отдавала никаких дополнительных команд и приказов. Образ наших детей, устроивших этот незапланированный квест «найди нас над океаном» и без того ярко витал между нами. Я отчаянно надеялась на то, что у драконов есть какой-нибудь тайный, неизвестный мне способ обмениваться... ну, не знаю, чем? Что-то нечто навигационного аппарата, встроенного прямо в мозг, способного одновременно с тем работать, как приёмник, улавливая сигналы другого дракона. Проще говоря, с таким же успехом можно рассчитывать на случай, удачу, просто верить в бога... но иногда, когда ничего иного не остаётся, мы, отбросив всякое рациональное начало, именно так и поступаем – верим в чудо, Деда Мороза. Всё, что угодно лучше, чем просто опустить руки, признав полную беспомощность и невозможность что-либо изменить в ситуации.

Молния стремительно набирала высоту. Вскоре Цитадель и её земли остались далеко внизу. Мы ворвались в густую, серую, мокрую вату облаков. Влажность была такой высокой, что выпадала конденсатом на волосах, делая горячую кожу дракона влажной и

скользкой. Если с Пингвином было тоже самое, есть лишний способ беспокоиться, хотя я и без того паниковала. Но если до этого мне казалось, что стрелочка на измерители страха зашкаливала, то теперь я убедилась – нет. Градус можно ещё поднять на парочку делений.

Даже с кожаной уздечкой я едва держалась на Молнии, а я ведь летала на ней последние пять лет и моя умница и красавица умела прекрасно под меня подстраиваться. Пингвин же был необуздан, несмышлён и необъезжен. А Ангэй спесивым, самоуверенным до дури, шестилетним ребёнком.

О! Это моя вина! Я была плохой матерью. Боясь отворотить его от себя излишней строгостью, не желая огорчать, да просто щадя себя, потому что сын мой обладал тяжёлым, неуправляемым, яростным характером, мало склонным к признанию авторитетов и подчинению, я не смогла оградить его от этой опасности. Не подготовила. Не предостерегла. Не уберегла.

Как ни страшно мне сейчас – я ещё могу жить надеждой, что каким-то чудом Ангэй удержался на своём Пингвине и выжил, но какого мне будет завтра или послезавтра, если это не так? Я не смогу с этим жить. Просто не смогу. Только не с такой пустотой и болью в сердце.

Видимость была почти нулевой. Всё, что я могла разглядеть – серое клубится справа, серое клубится слева; серость позади, впереди, сзади и впереди меня. Летай тут самолёты, была бы высокая вероятность аварии, но в этом мире в облаках летают лишь драконы, которых тоже единицы.

Я почему-то была уверена, что мы летим к Змеиному Острову, от одного воспоминания о котором меня начинало тошнить от ужаса. Страшнее того в моей памяти был только замок, где убили Эвила. Хотя, нет... в замке была дикая боль и отчаяние, а Змеиный Остров – настоящая Обитель Страха. Как Врата в Ад.

Я отчаянно молилась про себя о том, чтобы сын мой оказался не на нём, но в тоже время понимала, что скорее всего именно туда и понёс его Пингвин. Как в своё время поступила Молния.

С другой стороны, между мной и Молнией тогда было нечто вроде сражения, мы мерялись характерами. Пусть сейчас мне сложно было поверить про мою послушную и верную девочку, готовую стоять за меня, как за себя – до последнего, но правды-то не забудешь, пусть и

способен закрыть на неё глаза. А правда в том, что умница и красавица угробила до меня пять жён Эвила. Словно меня ждала, моя несравненная. Но она их не просто не приняла – она их убила. Я выжила потому, что мне помог найти подход к дракону Атайрон-Чернокнижник. Возьмись за дело Эвил, и я вполне могла стать шестой жертвой.

Приятно верить в любовь с первого взгляда и в то, что Молния была предназначена мне судьбой, но, чтобы предназначение сбылось порой приходится пахать до седьмого пота.

Молния в тот момент со мной боролась, но между Пингвином и Ангэем никогда не было борьбы. Вот кто был связан друг с другом с самого рождения невидимой пуповиной. Они, эти два создания, чёрт возьми, были характерами похожи. Если характер человека рисовать красками, то Ангэя, как и мою свекровь, и его отца, я бы рисовала черно-красным. Таким же был и Пингвин. Черная чешуя с красными шипами и длинными рогами на голове. В нём было нечто дьявольское, настолько, что даже нелепая кличка, идущая ему как помпон – ракете, не могла смягчить впечатления.

В каждом драконе видимо и правда есть нечто незримое, что связывает его с хозяином. Дракон Эвила был мрачен и горделив, закрыт, но при этом не слишком агрессивен. Словно погружён в себя, в свои мысли – задумчив и независим. При этом предан до последнего вздоха. Он ведь мог спастись, но предпочёл погибнуть вместе с хозяином. Благородный рыцарь чёрно-золотого цвета. Дракон Атайрона был резок, стремителен, отважен и изворотливо-хитёр, можно сказать – коварен.

Молния же моя была осторожна, предпочитая политику отхода политике нападения, но уж если решалась атаковать, превращалась в воплощённую смерть – за ней никогда не числилось промахов. Спокойная, ровная, задумчивая – при нанесении ударов беспощадная и расчётливая.

Но вернёмся к Пингвину. При всей свирепости его нрава я не боялась, что Пингвин может причинить Ангэю вред. Он так же предан сыну, как был предан хозяину его отец. Но оба были слишком неопытными и горячими.

Молния, сложив крылья, стала терять высоту. Уши привычно заболели – явный признак резкого перепада давления. Конечно, спуск

из-под облаков не стремительный подъём с глубины, кессонной болезни не вызывает, но и удовольствия не доставляет – это уж точно. Однако я не пыталась замедлить спуск – видимо, у моей красавицы были веские причины.

Как только мы опустились под облака, я с удивлением увидела, что под нами вовсе не море и даже засомневалась в правильности своей политики – полностью доверить поиск дракону.

Внизу лежала пустыня. Зловещая и раскалённая. Здешние пески были не буро-жёлтыми, какими я видела их на картинке у себя на Земле, а красными, как обожжённые кирпичи, казались затвердевшей глиной. Возможно, такими и были. Наверху ещё было сравнительно прохладно, но внизу, скорее всего, царило пекло.

Молния уверенно летела вперёд, к гряде алых пик на горизонте. В этот момент ко мне пришло озарение – драконы, дети огня и солнца, конечно же, не могли стремиться к холоду и воде. В прошлый раз Молния отнесла меня туда, где, по её представлению, было очень плохо – к гиблому месту. Но Пингвин, ведомый своими инстинктами, стремился туда, откуда драконы родом – к тем далёким Красным Землям, откуда были родом они все: Хатериман с её огненной кровью.

Красные Земли, Пустыни и Горы... край колдунов и людей с бронзовой кожей и огненным взглядом. Колдуны, оборотни, кочевники – дикари, бесстрашные и, вместе с тем, беспощадные.

Край непримиримых бунтовщиков, дерзко бросающих вызов нашей неустоявшейся, шаткой власти. Зачем тебя понесло сюда, Ангэй?

Сердце взволнованно трепыхнулось прежде, чем взгляд сфокусировался на чёрной тонкой линии, представляющей собой ни что иное, как караван.

Молния издала низкий, угрожающий рык. Я не стала сдерживать крик злости и отчаяния: на песке, спутанный сетями, опутавшей его чёрные крылья, лежал Пингвин. Услышав мать, он рывком поднял голову и отозвался возмущённым, полным гнева и ярости, но в тоже время жалобным, как у ребёнка, голосом.

О! Я чувствовала желание Молнии залить пламенем всю округу. Полить её обильно, как ливнем, но... это спасло бы Пингвина, но почти с уверенностью погубило бы Ангэя.

Сдержатъ гневнаго дракона одной силой воли – дракона, готовога жечь и терзатъ, это я вам скажу приблизительно то же самое, что остановить стену пламени взглядом. В мире магии возможно, но... тяжело. Молния видела сына, который был спутан, возможно, ранен, какими-то жалкими людишками, добрых полсотни которых она могла опалить одним выдохом.

Но людишки стояли внизу спокойно, словно значили, что им ничего не грозит. И были правы, что б им сгореть! И они ещё будут гореть! А возможно, я прикажу своим драконам жрать их живьём и по частям. Тот, кто посчитал Дейнерис Бурерождённую безумной в момент, когда она спалила Королевскую Гавань просто не видел своего сына заложником в руках врагов.

В тот момент, каюсь, мне было глубоко плевать на невинных детей. Я могла и хотела сжечь – сжечь их всех! – по примеру Безумнаго Короля. Огонь не пролился на их головы исключительно потому, что... я ещё надеялась.

Подвергать Молнию удару дикарей я не стала. Жив или мёртв мой сын, Молния не должна пострадать.

Мы приземлились на большой каменистый выступ, так, что наши враги оказались перед нами, как на ладони. С этой стратегической точки я могла бы легко уничтожить их, в то время, как их луки и копья представляли собой угрозу лишь только в их воображении. Даже баллиста навредить Молнии была не способна – кожа дракона жёстче стали, камень и стрелы в равной степени отскочили бы от неё. Если только тут не найдётся столь точнаго стрелка, что попал бы толстым копьём дракону в глаз, что лично мне представлялось невозможным.

Мужчины были в боевом облачении, пусть оно и казалось мне странным, даже немного диким. Это был так называемый куюк – доспех из кожи, металлических пластин и бархата. С виду казались лёгкими и приятными, но по опыту я уже успела узнать, что любой средневековой костюм, особенно военный – тяжёлый и плотный.

Вооружена эта дружина в большинстве своём была копьями, копьями и алебардами, поэтому никаких крепёжных ремней ими было не приспособлено. Под куюком на воинах были кожаные рубахи с коротким рукавом.

Один из них, видимо, предводитель, с чёрными, как смоль, прямыми, словно у наших азиатов, волосами, выступил вперед:

– Простите за любопытство, – с лёгким акцентом и таким же поклоном проговорил он. – Мне кажется, что прекрасная госпожа заблудилась в наших Алых Песках?

Молния громогласным рёвом опровергла это предположение. И я была с ней солидарна.

– Заблудилась? – по волчьей хищно оскалилась я. – Может ли хозяйка заблудиться у себя в доме? Это мои земли! А передо мной, полагаю, мои верные подданные? Исходя из этого, я спрашиваю, вместо того, чтобы сразу покарать: почему мой дракон лежит спутанный? Как вы посмели накинуть на него сеть? Стоит ли мне воспринимать вас, как бунтовщиков, о которых мне доносили верные люди в столице?

Житель Алой Пустыни сузил змеиные глаза:

– Рискну предположить, что передо мной королева Чёрной Цитадели – Анжелика Ванхелия?

Я ответила ему с жёсткой усмешкой:

– Здесь немного риска, ведь на свете в данный момент существует одна единственная драконья всадница. Так что шансов на ошибку немного. Теперь, когда мы выяснили мою личность, я хотела бы знать ваше имя. Представьтесь, – велела я стоящему передо мной мужчине.

– Я Дейн Тэрли.

Это имя мне было известно. Так звали одного из непримиримых диких повстанцев. Алые пески коварны, а сторожевые башни Красных Гадюк, населяющих эти бесплодные земли, даже Атайрона предусмотрительно обходил стороной.

Нельзя сказать, что прозвучавшее имя повергло меня в отчаяние. Я была верхом на драконе, но... поводов для оптимизма не наблюдалось.

Пингвин был спутан и пленён. Скорее всего, мой сын находился в заложниках у этих людей. Так что поводов для особого оптимизма точно не наблюдалось.

Я очень надеюсь, что моё лицо в тот момент не отражало эмоций, которые я испытывала. Их, этих эмоций, было много. Больше всего на свете мне хотелось дать волю Молнии и обратить наглцов в чёрный жирный пепел... ментальная связь заставляла меня разделять желания моего дракона.

– Рад приветствовать высокородных гостей, – с лёгкой иронией проговорил наглый, возможно, даже лишённый инстинкта самосохранения, человек, стоявший внизу, передо мной. – Царственный визит оказался для нас несколько... неожиданным, поэтому, я надеюсь, ваше величество простит нам наше не гостеприимство?

– Это зависит от того, насколько негостеприимны вы будете. Если вы немедленно отпустите моего дракона и вернёте моего сына, обещаю не наносить вам урона, – попыталась я подойти к решению ситуации с позиции силы.

Впрочем, я и сама не верила в то, что у меня получится. Мозг пой прощупывал возможные варианты решения проблемы. Шансов на то, что этот смуглолицый выскочка просто так возьмёт и вернёт мне моего сына, стремительно двигались в сторону нуля. Столь ценного заложника никто не отдаёт. То, что Пингвин до сих пор не залил всё вокруг огнём, свидетельствовало лишь об одном: у этих людей есть нечто, что может сдерживать ярость молодого и необузданного дракона. Скорее всего, это магия. Не исключено, что сдерживающие заклинания были вплетены в сами путы, но могло случиться и так, что у них припасён козырь, о котором я могу не знать.

Но даже если нет козырей, у них мой сын! Заставит ли меня это разоружиться и сдать им на милость? Жизнь научила в милость врага не верить. Но и мужественно оставить моего ребёнка в руках его возможных убийц я тоже не могла.

Что я могу сделать? Выслушать их условия и согласиться принять их требования – это раз; уничтожить всех, кто сопровождает Дэйна Тэрли, а его самого взять в заложники... хотя, второе проблематично. Верхом на драконе я сильнее всей этой когорты, но, чтобы взять заложника, нужно спешиться, а против воина что я могла противопоставить? Рискнуть применить магию? Могло получиться, могло – нет. Тут двое-на-двое. Да и не факт, что, попав в заложники, мужчина примет мои условия. Подобное нападение – большой риск. Уничтожить их всех? Но тогда я не узнаю, где Ангэй. Позволить им захватить в плен и меня, предварительно позаботившись о безопасности драконов, с тем, чтобы они отвели меня к сыну, казалось приемлемым вариантом.

С одной стороны, они будут выдвигать Атайрону условия, имея таких ценных заложников на руках. С другой – истинную ценность, если сбросить со счетов наши с Атайроном чувства друг к другу, представляет лишь мой сын, как будущий законный властитель. Без сына я просто пешка. Не то, чтобы для меня это имело большое значение, но моё пленение не изменит сильно уже имеющийся расклад.

Одна часть меня не желала думать ни о чём ином, кроме как о воссоединении с сыном. Но вторая, более жёсткая и тёмная, сдаваться не желала. Да, к сыну я попаду, но... я больше никак не смогу влиять на расклад и ситуацию, превращусь в пешку в чужих руках. Подобным образом я лишь спихну все решения на Атайрона, взяв на себя традиционную роль «девы в беде».

Все эти мысли пронеслись у меня в голове стройной (и не очень) картиной. Варианты, вероятности и – возможные грядущие последствия. Всё, кроме самого решения. Я так и не смогла решить, что буду делать дальше.

Одно знала наверняка: если вытащу сына из этой передраги живым, невредимым он не останется: его царственная попа познакомится с моей королевской дланью.

– Я не ослышался? – дерзко качнувшись в носка на носок, мужчина с насмешливым вызовом глядел на меня снизу-вверх. – Вы обещаете не наносить нам урона?

– Вы отлично меня слышали. Признаться, терпение не мой конёк. Мои дракона так же не слишком склонны к долгим раздумьям, предпочитая долгим разговорам действие. И у меня уже успел сложиться план. Я спалю вас живьём, вместе с вашими копьями, саблями и золотыми щитами. Я обращаю твоё войско в дым. Но не всех. Парочку из вас оставлю в живых, чтобы развязать им языки. А когда они укажут путь к вашим домам, ваша участь постигнет ваших жён, матерей и детей. Я сравняю ваши города с алыми песками. Таков мой план и у вас не так много времени, чтобы убедить меня ему не следовать.

Говорят, актриса Эмилия Кларк вдохновлялась речью Гитлера, когда играла поехавшую крышей Мать Драконов. А я вдохновлялась её образом, благо, в этом новом мире никто сериал не смотрел и обвинить в плагиате меня не мог.

– Вы вольны убить нас, госпожа. Мы вольны защищаться. И мы, несомненно, воспользуемся своим правом.

– Есть альтернативный подход тотальному истреблению. Отдайте моего сына – сейчас! Немедленно. В обмен обещаю выслушать ваши требования и подумать над тем, чему можно дать ход. Подумайте, прежде чем проявлять надменность и жадность. От вас зависит исход нашей встречи. Я слушаю ваши условия.

– Наши условия просты – независимость. Мы вернём вам сына, и вы покинете Красные Пески.

О! Это требование я готова была выполнить с рвением. С радостью и без промедления. Покинуть Красные Пески и вернуться в Цитадель? Не вопрос! Только вряд ли всё так просто...

– Независимость?.. – приподняла я бровь. – Что вы подразумеваете под этим?

– Независимость – это свобода. Алые Земли станут жить по своим правилам и не будут больше платить дани Цитадели. Наши права, наши обязанности, наша жизнь будет принадлежать только нам и зависеть станет только от нас.

Я нахмурилась, разыгрывая задумчивость. Это же будет как некрасиво, если я сразу заору: «Да! Берите ваши суверенитет – отдайте мне сына!».

В конце концов, что такое дать свободу в средневековье? Сегодня ты выиграл войну – ты король; завтра выиграл войну противник – он король. Все решает сила. В любом случае, я сейчас могу обещать хоть звезду с неба – мои обещания, выражаясь современным языком, неправомерны и неправомочны, я мать короля, что весьма почётно, но по закону регент-то Атайрон.

Мне не верилось, что вопрос может решиться так просто: сына мне возьмут и отдадут.

– Вы обещаете не присылать к нашим столицам армию, королева?

– Я обещаю поговорить об этом с Атайроном Хасепти, – не стала лукавить я.

Мужчины о чём-то коротко переговорили между собой. Потом Дэйн Тэрли коротко кивнул и что-то проговорил на неизвестном мне наречии. Несколько человек устремились к песчаным валунам и через несколько секунд я увидела моего сына.

Его костюм запылился, он выглядел таким маленьким в руках обитателей Красный Земель, но гонора, судя по всему, в нём так и не поубавилось. Он пытался вырваться из удерживающих его рук.

Сердце моё сжалось от ярости, возмущения и страха, когда один из его стражников грубо встряхнул моего царевича за воротник.

Дэйн засмеялся и, выхватив острый кинжал, приставил его к горлу Ангэй, жестко схватив сына за волосы. Сталь жёстко блеснула у мягкой округлой детской шеи.

– Итак, госпожа, – мягким бархатным голосом промурлыкал он. – Вы можете попробовать повторить ваши угрозы. Я не ошибся в расчётах – вы из тех, кто предпочитает силу. А сейчас я изложу мои планы. Если вы немедленно не сойдёте с дракона, я перережу глотку мальчишке. Потом можете жечь и палить, что захотите – вашему сыну это уже не поможет. Мои требования просты: вы сдаётесь в плен, мы едем к Пирамидам Харды, где вас и вашего сына станут содержать со всеми почестями ровно до тех пор, пока Атайрон-Чернокнижник не подпишет Хартию о независимости Красных Земель.

Я почувствовала, как ледяная рука сжимает горло. Оставить Молнию и отдаться на милость дикарей?..

– Госпожа?..

Разве у меня был выбор?

Глава 16

Никогда и никому не пожелаю выбора, что встал передо мной: выбора между долгом и жизнью.

Толпа, что стоит внизу, она смотрит и судит – судит так легко, ничего не прощая, часто предпочитая не помнить о том, что короли такие же люди, как все – из плоти, крови, нервов. Народ желает поклоняться богам, а павший?.. Павший больше не бог.

Может, так и правильно.

Все мы, подобно ручью, от истоков метим сначала в реки, потом – в моря, но не каждой капле дано стать океаном. Я не родилась королевой, я – простая смертная. Не я выбирала – на меня пал жребий и... он, кажется, слишком тяжёл.

Сколько весит корона? Она весит целое королевство, берущее твоё чело в кольцо. Что такое корона? Это то, что давит на тебя, ограничивает, обрекает и – возвеличивает. Обязывает держаться и не падать из последних сил. Даже если нет сил держаться...

Я чувствовала напряжённое тело Молнии под собой, чувствовала ужас толпы и жажду дракона облить своей яростью стоявших перед ним маленьких человечков... Я видела холодный зеркальный блеск острого, как бритва, лезвия, у маленького горла сына.

Я королева. Я должна знать, что делать даже тогда, когда понятия не имею...

А время стремительно несётся вперёд...

А на решение нет времени...

А действие не обратить вспять...

Цена ошибки – цена жизни. Говорят, что любовь сильнее смерти? Бред и ложь! Смерть сильнее любви. Смерть всё поглотит. Из её зубо-жерновов ничего не вытащить. Я пыталась... но невидимый купол прочнее любой тверди. Потеряв отца, я не переживу смерти его сына...

Эта тысяча и одна мысль стремительным потоком неслись через мою голову и сердце. А вместе с ним возможный способ исхода. Разве в самый последний момент не должны были бы появиться Атайрон и Хатериман верхом на грозном драконе? Появиться и спасти ситуацию. Сравнять счёт, исправить все сделанные ошибки, сжечь дотла – их. И спасти – нас.

Но секунды стекали каплями в раскалённый песок, а небо оставалось жестокосердно-чистым. Ни одной спасительной тени – лишь раскалённый диск солнца висел над нами безмолвным свидетелем.

– Госпожа?..

Повторяет он вновь?.. Или это всё тот же до бесконечности растянутый момент?

– Отпустите дракона, – словно со стороны слышу я свой голос, похожий на сухой ветер здешних пустынь.

– Боюсь, что это невозможно. Никто не посмеет приблизиться к нему без риска быть растерзанным. Но вы, если пожелаете, можете спуститься и освободить его сами, – слова вежливые, а голос сочится мерзким, сладким ядом.

В чёрных узких глазах мятежников я читала приговор Пингвину – смерть. И в сердце моём вновь взметнулось пламя, почти залитое безнадежностью. Несчастный детёныш верной Молнии этого не заслужил! Моя верная соратница – тоже! Будь что будет – но мы либо прорвёмся, либо погибнем, как жили – все вместе.

Почувствовав изменения в моём настроении Молния издала победный клёкот и расправила крылья, взметая вокруг алую пыль...

Несколько секунд я с ужасом не могла рассмотреть, что творится там, внизу, на земле. Лишь слышала крики, в которых органично сливались удивление и ярость.

Когда дым рассеялся, я увидела, что Дэйн катается по земле, прижимая окровавленные руки к глазам в нескольких метрах от моего сына, окружённого кольцом пламени.

Ангэй стоял, раскинув руки, словно обнимая окружавшую со всех сторон опасность или готовясь рассеять её одним взмахом рук. Клинок, потускневший от крови, валялся у него под ногами.

«Он воспользовался магией», – с гордостью осознала я. – «Мой безумно храбрый сын по-прежнему не ведает ни страхов, не сомнений – в отличие от своей смертной матери».

Молния, не дожидаясь приказа, одним махом обратила в головёшки лучников, посмеявших натянуть тетиву, нацелив стрелы на своего короля. Пламя не обратило их в пепел, они горели, громко вопя, ломая строй. И это было, должно быть, страшно, но меня не пугало.

Ангэй, не раздумывая, бросился к Пингвину, рвущемуся к своему хозяину, вопреки удерживающим его путам. Не обращая внимания на то, что между ним и его драконом несколько десятков опытных, умелых воинов. Схватив нож, он не колеблясь вогнал его в живот одному из тех, кто пытался его схватить. Ещё троих отбросил магическим щитом. От остальных мы с Молнией прикрыли его огненным валом.

Перепрыгивая через горящие тела, увёртываясь и уклоняясь от случайных ударов, он с разбега вскочил на спину Пингвину, и металлическая цепь в его руках вспыхнула золотом и рассыпалась трухой. Издав трубный клич, Пингвин расправил крылья и толчком оттолкнулся от земли, набирая высоту.

Мы с Молнией кружили рядом, прикрывая.

Странное это было чувство... неверие наполовину с дикой яростью. Неужели это мой шестилетний сын нашёл выход там, где меня парализовало от ужаса?

Невыносимый, храбрый, умный и несносный мальчишка! В кого же ты вырастешь, когда вырастешь?.. Кем ты станешь? Чудовищем? Полубогом? И неужели это я дала тебе жизнь?..

Я чувствовала себя мышью, породившей гору.

Ангэй обернулся, чтобы проследить, следуем ли мы за ним, будто я могла оставить его?..

Земля была далеко, а из опасностей здесь оставались воздушные течения, которые, конечно же, не стоит недооценивать, особенно в случае, если Пингвин ранен, но которые ни в какое сравнение не идут по сравнению с людьми.

Я не смогла защитить сына. Он защитил себя сам. Как странно и жутко осознавать это. И... я чуть было не решила разбазарить государственные земли?

Меня всё ещё потрясывало, когда мы вернулись в Драконье Логово.

Я чувствовала себя сдувшимся шариком – сил не оставалось ни на что.

Так всегда бывает после большого выплеска адреналина в кровь, когда действие гормона сходит на нет и ты начинаешь казаться себе машиной, у которой закончился бензин и всё – финиш, сколько не крути зажигание, дальше не поедешь.

Мне хотелось запереться у себя и никого не пускать, никого не видеть, ни с кем не говорить, но о подобной роскоши можно было только мечтать. Толпились придворные, толпилась охрана – топтались у входа в Драконье Логово. Приблизиться им мешал страх перед драконами, но стоит нам шагнуть за порог, как обступят со всех сторон. О желанном одиночестве не может быть и речи...

А ещё был драгоценный сыночка, заслуживший горячего леща. И нужно обеспечить ему заслуженное.

Спускаясь с шипастого гребня Молнии, я едва ли не кряхтела, как древняя старуха. Ангэй же скатился с Пингвина бодрячком, как с горки в парке. По его внешнему виду никак нельзя было сказать, что он раскаивается в содеянном. Паршивец чувствовал себя героем, что сквозило во взгляде, осанке – во всём победном виде.

– Здорово прокатились, правда? – его улыбка больше походила на ухмылку.

Мне хотелось отвесить ему оплеуху, но вокруг было слишком много свидетелей. Любопытных ушей. Не по-царски это – дать выход естественным человеческим эмоциям.

– Лучше не бывает, – сквозь зубы процедила я.

Видимо, что-то в моём голосе Ангэя всё-таки зацепило. Наглая довольная улыбка сошла с его лица, и оно совсем не по-детски вытянулось. А что вообще в его поведение было детским за последнее время?

Он только что убил человека. Причём – кинжалом, магию даже и считать не хочу. Да, это спасло ему жизнь, и я об этом не жалею. Но меня это чертовски пугает. А ещё меня пугает то, что я перестала контролировать то, что происходит в моей жизни. Жизнь подо мной как взбесившийся конь и я из последних сил держусь за гриву, лишь бы не вывалиться из седла.

Судя по клёкоту и рёву в драконьем загоне, моя драгоценная Молния уже приступила к разборкам с Пингвином. Ну-ну, моя дорогая – желаю тебе удачи. Может, хоть кому-то повезёт в неблагодарном деле воспитания отпрыска?

– Иди за мной, – велела я Ангэю и, чтобы исключить возможное неповиновение, схватила его за руку, боюсь, без лишней нежности. Хотя – какое боюсь?.. Я не стремилась проявлять деликатность.

– Госпожа! – бросилась ко мне Турхан как только расстояние, разделяющие нас с нашими драконами показалось ей достаточным. – Хвала небесам, что вы и его величество в порядке! Мы...

– Где Атайрон?

– Он отправился искать вас, как только узнал о случившемся.

– Ещё не возвращался?

– Нет. Прикажите доложить Её Милости и о вашем возвращении? Возможно, она найдёт способ связаться с сыном.

– Доложи, – согласилась я.

Я чувствовала обиду от того, что Атайрон так и не встретился нам. Конечно, это было глупо. Мы могли полететь куда угодно, но я так привыкла к тому, что он умело страхует мои правильные и неправильные шаги, привыкла полагаться на его умение выходить сухим из воды, что подсознательно мне казалось: он не нашёл нас исключительно потому, что не слишком хорошо искал.

– О, господи!.. – глаза Турхан распахнулись шире, когда взгляд её задержался на Ангэе чуть дольше. – Госпожа?!...

Кровь заприметила?

– Он не ранен, – отрезала я, не желая тратить энергию и время на то, чтобы рассказывать о случившемся.

Вообще, чем меньше людей будет знать, тем лучше.

– Позаботься о ванне и новой одежде, – сказала я, сбрасывая плащ с плеч и накрывая им сына, пока чей-то любопытный не уловил неприятных деталей.

– Но мне не холодно! – попытался вновь проявить характер Ангэй.

– Тихо, – цыкнула я на него. – Попридержи-ка свои капризы, мой дорогой. Не смей больше испытывать моё терпение. Поверь, оно не безгранично.

Мой голос звучал на грани слышимости, но в нём было, видимо, что-то такое, отчего Ангэй, взглянув на меня, как-то сник, хотя и продолжал упрямо поджимать губы.

Никто из слуг и придворных не рискнул приблизиться. Они следовали за нами чуть в отдалении. Сейчас меня мало интересовали их взгляды, перешептывания, мнение о случившемся. Я едва дождалась того момента, когда дверь в мои покои подарила желанное уединение, оставив, наконец, меня и сына наедине.

– Вы сердитесь, матушка? – серьёзным тоном спросили меня, всем своим видом выражая подчёркнутое раскаяние. – У вас есть на то право, ведь я в самом деле виноват.

– Ещё как виноват, – голос мой был холоден и пуст.

– Я готов принести извинения.

– Готов? Правда? – с иронией спросила я и, скрестив руки на груди, кивнула. – Прекрасно. Приноси.

Ангэй насупился. И, явно борясь с собой, выдавил:

– Простите меня, матушка, за беспокойство. И безрассудное поведение.

– Значит то, через что ты заставил меня пройти, нарушив всё правила и запреты, выставив плохой матерью в глазах твоего дяди и его матери, твоей бабушки, к слову говоря – обозначают теперь этим словом: беспокойство? Тебе правда до такой степени безразличны мои чувства?

– Конечно, нет! Я... я очень ценю вас. И всё, что вы для меня делаете.

– Как мило. Если ты меня так ценишь, ответь, пожалуйста, на один единственный вопрос – почему ты, наплевав на все мои просьбы

и приказы, сделал то единственное, что тебе было запрещено под любым предлогом?!

Ангэй поморщился, стоило моему голосу взвиться вверх.

– Пингвин хотел полетать, я чувствовал это. Но я его всадник! Никто другой не должен был его оседлать. Я говорил с вами, говорил с Атайроном, говорил с новым наставником, которого дядя ко мне приставил – но вы все как сговорились.

– Значит, этому была причина! Пятилетний ребёнок, летящий в одиночестве над океаном... ты хоть понимаешь, какое это чудо, что ты вообще жив?

– Это не чудо. Я знал, что делал.

– Ни черта ты не знал. Ты, конечно, король, мой драгоценный сын. Ты весьма крут, и знатен, и красив, и богат, но знаешь – что? Смерти плевать! Плевать на все твои титулы, и привилегии, реальные и мнимые. Она, смерть, в какой-то мере одновременно и хороша, и страшна одним – берёт всех, ни на что невзирая. Ты не представляешь, через что заставил меня пройти, пока мы с Молнией вас искали. И что я испытала, когда нашли. Как так получилось, что ты попал в плен к этим людям.

– Пингвин приземлился. Он, наверное, устал. Я хоть и маленький, но и он пока тоже ещё растёт. На самом деле это было клёво – такая свобода, такая сила! – на лице сына на мгновение проступил полный восторг. Но в следующий момент он опомнился и вновь посерьёзnel, тщетно пытаюсь удержать покаянное выражение на своей смазливой мордяхе. – Мы их не заметили, я даже не понял, что случилось, а когда пришёл в себя... они грозились убить Пингвина! А меня – связали. Наивные! Будто это могло мне помешать.

– А разве не помешало? – не без сарказма поинтересовалась я.

Недовольство и растерянность были крупными буквами написаны на его лице.

– Я... поначалу испугался. Вдруг они успели бы убить меня. Или моего дракона. Ну, до того, как мы успели бы взлететь. Не уверен, но мне показалось, что Пингвин был то ли оглушён, то ли ранен. Я боялся рисковать. Решил выждать, пока кто-то из вас не придёт мне на помощь. А потом, когда понял, что ты... прости, мама, но тоже не слишком хорошо справлялась. Впрочем, ты отвлекла их. Конечно, пришлось рискнуть.

Он снова просиял, раздуваясь от важности:

– Но я ведь справился! У меня отлично получилось всех нас спасти, а ты даже не похвалила меня.

– Никого не пришлось бы спасать, если бы ты не совершил эту безрассудную глупость, – отрезала я. – Ты сын властелина, никогда не забывающий о том, что родился господином. Но власть – это прежде всего долг и ответственность. Настоящий король не должен поступать безответственно. Сегодня нам повезло – очень крупно. Никто из нас не только не погиб, но даже не пострадал. Однако, – мой тон зазвучал строже, – пострадали другие люди.

– Наши враги! – презрительно искривился Ангэй. – Так им и надо! Какое право они имеют восставать против своего законного короля?

– Мы не знаем, почему они так поступали. Может быть, другие ваши слуги поступали неправильно и вели себя по отношению к покорённому народу несправедливо. Люди не бастуют на пустом месте. У любого бунта есть причина и чаще всего эта причина голод, болезни, страдания.

– Вы всё усложняете, матушка. Наши враги мертвы и беспокоиться теперь не о чем. А если они посмеют вновь пойти против нас, снова познают наш гнев!

– Сейчас, сын мой, вы познаете мой гнев. Любите карать за провинности других, так умеете достойно понести наказание и сами. Стража!

Ангэй нахмурившись, обернулся на вошедших. Впереди обычных охранников, пусть и элитных, шёл наставник, выбранный Атайроном.

– За то, что вы ослушались моего приказа, проявили не послушание, чем подставили всех нас под угрозу смерти и пленения, вы будете наказаны. Отведите царевича в подвальные казематы, оставите его в камере до вечера без света.

– Что?! Вы не посмеете!

– Я должна. Вы можете посвятить это время тому, чтобы начать меня ненавидеть, мой гневливый сын, а можете хорошенько поразмышлять о том, что у всего есть границы.

– Даже у вашей любви? – с вызовом взглянул он на меня.

Я подошла и опустившись рядом с ним на корточки, отвела прядь от бесконечно дорогого лица. Сердце моё переполнялось болью. Не из-

за вынесенного наказания – я не сомневалась в том, что он его заслужил, а потому, что я видела злые, опасные ростки в его душе и, откровенно говоря, плохо представляла, как их корчевать.

– Именно моя любовь к вам, сын мой, заставляет меня на этот раз проявить строгость. Вы должны прочувствовать все тягостные последствия своего необдуманного поступка.

– Я – король! Ты не имеешь права бросать меня в темницу! Да они и не справятся со мной! Не посмеют. И не сумеют! Ты же видела, что стало с тем, кто поднял на меня руку...

Я поднялась, глядя на сына сверху – вниз.

– Вы сейчас пойдёте вместе со стражей и с достоинством примите предписанное наказание, как и положено человеку с благородной кровью. Принять наказание добровольно за заслуженную провинность. А если вы не сделаете этого, сын мой, если моё слово для вас не авторитет и не указ, я больше не нужна вам. Как бы больно мне не было, клянусь, я немедленно покину Цитадель.

Сын поднял на меня глаза. Несколько секунд мы глядели друг на друга в молчании. Кровь стучала у меня в висках и гудела в ушах, а руки – холодели. Сказанное мной не было ложью. Если сейчас я не смогу подчинить его себя, он вырастет в неуправляемого тирана.

– Хорошо, – сделал Ангэй шаг назад. – Вы правы, матушка. За свои ошибки должен платить даже король. Но можно мне хотя бы факел оставить?

– Нет, – не дрогнула я (хотя так хотелось!).

– Но там же крысы! – на его лице отразились страх и брезгливость.

– Какой мужчина боится крыс?

«Ничего, у тебя есть твоя магия, – пронеслось у меня в голове. – Темнота и страх тебе точно не навредят, если уж полсотни наёмников не справились».

Гордо выпрямившись, сын хлюпнул носом, но царственно важно заявил:

– Идёмте. Я готов.

Мужчины окружили его со всех сторон. Наставник-маг был гарантией от неприятных магических сюрпризов.

Он не ел около пяти часов. Его костюмчик пропитался кровью павшего мятежника. Я запретила давать ему факел. Он ещё ребёнок!

Ему же нет и шести. А все его жестокие речи – он просто не понимает до конца, о чём говорит.

Но перед глазами промелькнули картинки, как, не раздумывая и не колеблясь мой шестилетний сын убивал. И его решительность избавила нас от опасности. Он вырастет настоящим воином, бесстрашным и сильным. Что хорошо. Но ещё у него есть все задатки бессердечного тирана.

Внутренний голос вопил о том, что жестокостью жестокость не исправить, что нужны любовь, понимание, нежность... которые люди, подобные Ангэю и Хатериман принимают за слабость.

Он должен меня уважать. Иначе всё станет ещё хуже. На любого дракона должна быть своя узда. Я постараюсь ему внушить мысль о том, что он принял наказание добровольно, поступил благородно, но время, проведённое в компании крыс вряд ли ему понравится. Надеюсь, он станет осторожнее.

Своего решения я не отменила, хотя, бог свидетель, мне было бы легче отправиться в подземельные казематы самой.

Глава 17

Не успела дверь закрыться за Ангэем, как почти следом распахнулась вновь. Атайрон появился в дверном проёме, полностью заполняя его собой. Под тяжёлым чёрным плащом, наброшенным на плечи, отливал металлическим блеском доспех и столь же мрачный блеск отражался во взгляде Атайрона.

Вид у него был столь суровым и нерадостным, что я ощутила нечто вроде робости.

Мне казалось, прошёл не день с той минуты, как мы расстались – прошёл век. Слово полжизни пролетело с тех пор, как мы расстались утром.

Я едва не потеряла сына...

Откровенно говоря, я опасалась... чего? Того, что он может сказать мне; того, что могу наговорить сама.

Мне отчаянно требовалась опора. Что-то тёплое и твёрдое под моими руками. Мне нужны были любовь и опора. Я не отказала себе в радости сорваться с места и, бросившись к нему, повиснуть у него на шее, зарываясь лицом в мягкий мех опушки на воротнике. И с облегчением почувствовала, как его руки смыкаются на моей талии, обнимают – не отталкивают.

– Атайрон!..

Вот теперь отстранился, отступая на шаг, чтобы заглянуть мне в лицо:

– Ты в порядке? – он явно старался смягчить голос, но он всё равно прозвучал отрывисто, лающе. – Как Ангэй?..

– Я велела запереть его в подземелье.

По лицу Атайрона не удалось прочесть, осуждает он моё решение или одобряет.

– Это было ужасно! Он попал в плен к Дэйну Терли, и...

– Я знаю.

– Откуда?!

– Я был там, – мрачно добавил Атайрон, выразительно поведя бровью.

– Был?..

– Конечно. Я полетел за вами почти сразу же, как только гонец от матери доложил мне о случившемся. Но, к сожалению, всё же недостаточно быстро...

Он с нежностью обнял меня, бережно прижимая к себе. Это было таким бальзамом после всего ада, сомнений и страхов чувствовать себя в безопасности, чувствовать себя любимой. И я размякла, начав хлюпать носом.

– Я всё время ждала, что ты вот-вот появишься, и спасёшь нас. Только эта мысль меня и поддерживала, не давая окончательно пасть духом.

– Мне жаль, что обманул твои ожидания, но я рад, что всё обошлось...

– А всё обошлось?

– Более или менее, – сказал Атайрон, сбрасывая с себя тяжёлый плащ. – Ты жива, наш отчаянный король – тоже. Кажется, парнишку можно поздравить с первым боем? С первой одержанной победой?

– Он убил человека. Ему – шесть.

– Да. И это его спасло. К сожалению, вы убили не всех. Так что из-за твоего гуманизма, любовь моя, война разразится чуть раньше, чем могла бы.

– Война?.. Усмирение кучки бунтовщиков посреди пустыни – это ведь ещё не война? – с надеждой спросила я. – Ведь настоящая война невозможна, правда? Или... возможна?

– Моя прекрасная Анжелика, к сожалению, вынужден признать, что война возможна где угодно и когда угодно, – проговорил он, усевшись на кровать и стягивая сапоги с ног.

– Да, – кивнула я, присаживаясь рядом. – Но какова её вероятность сейчас?

Атайрон выпрямившись, поглядел на меня, а потом продолжил со вздохом:

– Красные Пески и Цитадель разделяют горы, любовь моя. И в этих самых горах залегают рудные жилы. До того, как мы объявили эти земли своими, жители Песков десятки лет занимались их разработкой, обработкой и торговлей. А теперь горы принадлежат нам.

– Да, но ведь часть доходов достаётся и им тоже.

– Часть! В то время как раньше благородные вожди племени имели этот доход целиком.

– Но ведь бунтовщики должны понимать, что так легко им нас не одолеть. Горы являются естественным препятствием на их пути. У нас есть драконы. У нас есть магия. У нас есть армия.

– Именно поэтому они и не приходят сюда, а пытаются выманить нас, вынудив прийти на их земли и сражаться на нейтральной территории, которую знают куда лучше нас. И до сих пор в моём распоряжении был только один дракон. Армию наёмников они не слишком уважают, считая, что за оплату люди сражаются далеко не так рьяно, как по убеждению.

– В этом, возможно, они правы.

– Три года в Песках практически не было дождей. Земли в их оазисах практически истощились, урожаи скудные и ситуация становится критической. А теперь, ко всему прочему, мы убили того, в ком они видели законного правителя.

– Если бы я уничтожила всех, у них не было бы повода обвинять нас, – сокрушённо вздохнула я.

Атайрон с улыбкой взял меня за руку, нежно пожимая мою ладонь:

– Это, в конце концов, не так важно. Они бы в любом случае и при любых обстоятельствах обвинили ли бы нас, как они делают это всегда, с основаниями или без. Самое худшее позади. Стань вы их пленниками, они могли бы диктовать условия, а так... не волнуйся, милая. Мы отразим эту угрозу. И не бери в голову, – прижался он

губами к моему лбу. – Они всё равно нашли бы незначительный повод, чтобы обострить ситуацию.

– Да, но им было бы в разы это сделать сложнее, если бы мой сын не был столь своеволен и непослушен.

– Будь он менее своевольным и управляемым, я бы усомнился в том, наших ли он кровей, – с усмешкой заявил Атайрон.

– Это моя вина. Я не сумела привить ему должных навыков.

– Я мог бы поставить охранный купол вокруг Драконьего Логова. Какой смысл теперь искать виноватых? Лучше думать о будущем... и, кстати об Ангэе – как долго ты намереваешься держать его узником?

– Ещё пару часов, не меньше. Надеюсь, ты не станешь возражать?

– Не стану. Он заслужил своё наказание.

– Рада, что в этом мы согласны.

– А мы в чём-то расходимся? Неужели я что-то упустил?

Теребя край пояса на платье и не глядя на него, я произнесла:

– Думаю, нам нужен повод, чтобы собрать всех наместников наших земель.

– Здесь и думать долго не надо. Давай объявим о нашей будущей свадьбе. Отличный же повод? Устроим турнир в честь этого знаменательного события.

– И того, кто сменит Дейна в Красный Песках предлагаю пригласить тоже.

Улыбка сошла с лица Атайрона, между переносицей залегла складка, свидетельствующая о глубокой задумчивости:

– Пригласить-то можно, но вот приедет ли?.. После того, как мы убили Дэйна?

– Дэйн повёл себя как изменщик. Он осмелился поднять руку на своего короля. По существующим законам он подлежал казни.

– И наш государь оказался достаточно силён, чтобы расправиться с обидчиком лично, – не оправдано довольно проговорил Атайрон.

– Мы предложим вместо войны – мир. Вместо кары – помилование. И вместо сражения, мирный турнир, на котором мужчины смогут избавиться от лишней агрессии, не причиняя никому вреда. Нужно будет отправить всем приглашения.

– Прежде, чем рассылать приглашения на свадьбу, не мешает для начала огласить её саму.

– Прекрасно! Нам будет, чем заняться в ближайшее время. Свадьба – это отличный способ снять напряжение. Хлеба и зрелищ хватит на всех.

– Ты предлагаешь избежать нападения, если я правильно тебя понял?

– Я предпочитаю более гуманные действия. Наша цель – примирение.

– Красные пески и Цитадель воевали веками. Думаешь, одной свадьбы будет достаточно, чтобы всё уладить, любовь моя?

– Одной свадьбы – нет. Но свадьба – плюс драконы и армия могут сыграть все вместе. У нас нравственное превосходство и драконы.

– А у них дикая армия. И ещё – пустынники бесконечно упрямы. И они хотят войны. Так что попробовать можно, но на многое рассчитывать не стоит.

– Хорошо. Что ты предлагаешь?

– Уничтожить этот рассадник бесконечных восстаний и навсегда положить конец этому конфликту.

– Или – мы можем поделиться своим богатством, ведь жители Песков считают, что им нанесли ущерб...

– Хорошо, давай попытаемся, – усмехнулся Атайрон. – Мы ничего не теряем и ничем не рискуем. И если ничего не получится, мы просто начнём с того места, на котором стоим сейчас, верно?

– Верно.

Я поднялась с кровати.

– Куда ты?

– К сыну. Думаю, с него достаточно темноты и крыс.

– Думаю, мне следует пойти с тобой.

Атайрон со вздохом вновь натянул сапоги и, набросив мне на плечи свой тёплый плащ, первым пошёл вперёд. Мы долго спускались вниз по винтовой лестнице. Длинный коридор, бесконечная лестница и подземелье, тёмное, как угольная яма. Где-то вдалеке слышался стук капель.

– Какое жуткое место! – передёрнула я плечами, готовая почувствовать раскаяние за то, что велела отвести сына сюда.

– Когда мы только прибыли в Цитадель, мы с Эвиллом верили, что в этом каменном лабиринте стены способны передвигаться за нашими спинами.

– А они способны?

– Да. Если правильно их зачаровать.

Не сдержав нервной дрожи, я поежилась. Казалось, в любой момент прямо из стены появятся чьи-то зловещие тени. Отчего-то вспомнился давний сон об Эвиле. Мне казалось, я чувствую его холодный, неодобрительный взгляд. Мать, не сумевшая уследить за сыном, и наказавшая его за это. Его женщина, которая теперь стала наложницей его старшего брата.

– Анжелика? – окликнул Атайрон и зловещие тени вновь отделились. – Держи меня за руку. Здесь полы неровные, крысы... да так надёжнее и теплее.

Масляная лампа в руках Атайрона отбрасывала робкий свет. Впрочем, вскоре у неё появилась соседка. У окованной железом двери стоял стражник, а перед ним на крюке висела точно такая-же лампа-сестра.

– Господин? – засуетился тюремщик.

– Открывай дверь, – коротко велел Атайрон.

– Как прикажете.

Атайрон толкнул дверь, и я приготовилась ступить в густую, как смола, тьму. Но, к моему удивлению, в камере горел свет. В первый момент мне подумалось, что слуги решили проявить милосердие и ослушались, но всё дело было в том, что Ангэй соорудил себе собственную лампочку, светящуюся не слишком ярко, но достаточно, чтобы побороть тьму. Световой шарик висел у него над плечом. В свете масляных ламп он сразу побледнел, а в следующий момент погас.

– Сэр Атайрон? – судя по голосу, раскаяния в размышлениях мой любимый сын не обрёл. – Вы пришли, чтобы освободить меня?

– Я сопровождаю вашу матушку. Она сочла, что вы достаточно наказаны.

– Хорошо, – кивнул Ангэй, поднимаясь с пола.

Видимо, свет резал ему глаза. Он прикрывал их рукой.

– Если у вас есть ещё что сказать в воспитательных целях, я буду рад выслушать вас у себя наверху.

И вот что ты будешь с ним делать.

Подойдя к сыну, я обняла его. Он был как деревянный в моих руках. Дуется и злится.

– Согласен, на сегодня для всех нас хватило мрака и холода. Давайте вернёмся туда, где тепло и светло, – подвёл черту Атайрон.

Одно из преимуществ быть королевой в том, что твои желания исполняют. Ты можешь не думать о таких мелочах, как вовремя накрытый стол или приготовленная ванна.

– Позволь себе немного расслабиться, – то ли посоветовал, то ли приказал, то ли разрешил мне Атайрон. Вот так прямо и не разберёшь. – Ты, наверняка, устала и тебе нужно прийти в себя. Я позабочусь о мальчишке, – добавил он, положив руку на пока ещё по-детски худенькое, хрупкое плечо моего сына.

Ангэй, прищурившись, поглядел на дядю, но предусмотрительно смолчал, что само по себе немалое достижение.

В Цитадели можно было принять ванну несколькими способами. Иногда её приносили прямо в комнату, устанавливая перед пылающим камином. Ванна при этом была погружена в деревянный сундук, изголовье напоминало собой прямую спинку кресла. Подобная конструкция позволяла дольше сохранять тепло. Также для того, чтобы помыться, можно было отправиться в купальню. Вода в ней было не горячей, не больше 40 градусов. Попасть в купальню можно было как с женской, так и с мужской половины дворца по коридорам, в дневное время ярко освещённым окнами, выбитыми в стенах. В вечернее время, как сейчас, пространство освещалось фонарями.

Сами ванны в купальнях имели овальную форму и опущены наравне с полом так, что для схода в них были сделаны по три ступени. Наполнялись они горячей водой через трубы с двумя медными кранами из горячих термальных источников. Выпускалась вода через отверстие, пробитое на дне, закрывающееся свинцовой втулкой.

Самих ванн было несколько. Так что я, погрузившись в одну из них, распорядившись девушкам подать мне горячего вина со специями, приготовилась расслабиться. Горячий пар колыхался тонкой вуалью, в которой мои служанки выглядели почти бесплотными.

В тепле расслаблялись мышцы, теряли остроту мысли, отодвигались страхи. Войны, опасность, убийство, свершённое моим сыном, мой мёртвый муж, его, влюблённый в меня брат и ненавидящая мать – всё выглядело не таким уж и важным, теряло остроту.

Всё уладится. Как? Как-нибудь. Непременно.

– Съешьте что-нибудь, госпожа, – звучит голос Турхан. – У вас же с самого утра во рту маковой росинки не было. Так и обессилить недолго.

– И вино кажется слишком крепким, – выдохнула я, глубже погружаясь в воду, так, что та заплескалась под самым моим подбородком.

Нужно быть осторожней. На мокром мраморе легко поскользнуться.

– Налей ещё вина, – велела я, протягивая верной наперснице опустевший кубок.

Поджав недовольно губы, она не посмела возразить.

Тени, тени... поднимаются к самым вершинам колонн. Легче, чем драконы, беззвучно, как облака.

Всё же – остаётся ли от нас хоть что-то после смерти? Правда ли, что после смерти мы можем возвращаться к тем, кого любили? Хотя я, в своём мире, наверное, умерла и – что? Я никак не могу влиять на жизнь людей, которые были мне дороги. Между мной и ими – миры. Возможно, Эвил очнулся где-то в ином измерении и вынужден идти дальше, не оглядываясь. Никуда и ниоткуда нельзя вернуться, время, как река – непрерывно течёт вперёд, а за спиной с каждой секундой меняется всё.

– Госпожа! Вам лучше выйти! Ненароком заснёте – далеко ли до беды.

– Ты права, – кивнула я, чувствуя, как веки наливаются свинцом.

Закутавшись в мягкие, подбитые лёгким мехом неизвестного зверька, одежды, набросив на ноги лёгкие ночные туфельки, я направилась к себе, сделав девушка знак не следовать за мной. Я нуждалась в одиночестве. Я нуждалась в покое и свободном пространстве. Но стоило сделать шаг из купальни, как меня бы вновь обступила стража.

Память услужливо нарисовала картину тайных переходов, таящихся в стенах. Когда-то именно благодаря им мне удавалось добыть ценную информацию.

Коснувшись отделанных мрамором стен, я шепнула: «Откройся». И передо мной вспыхнул белым светом проём, в которой я, отчего-то не раздумывая, шагнула. Во мне открылось детское любопытство и жажда чего-то нового.

Двери – моя тайная слабость. Двери, открывающиеся в новые миры, открывающие тайны мироздания снились мне с детства. А этот мир показался похожим на рай. Я была здесь когда-то – с Эвилом. Это место почти не изменилось, словно время здесь остановилось. В арочные проёмы, откуда открывался отличный вид на лежащий внизу город, вливался холодный лунный свет, зачаровывающий, усыпляющий, колдовской и холодный.

Плетущие цветы, похожие на гроздь сирени, спускались с ветки, наполняя ночь нежным горьким ароматом, спускались вниз, словно кисти спелого винограда.

– Здесь очень красиво, – услышав голос сына я вздрогнула, отступая в тень плетущейся лозы, словно стремясь слиться с ней. – Что это за место? Похоже на сказочный сад, в котором живут после смерти люди, прожившие жизнь правильно. Она мне говорила название, но я его забыл.

– Это хорошее место, – раздался голос Атайрона. – Сюда не могут попасть непосвящённые. Его укрывает магия нашей семьи, поэтому только мы имеем сюда доступ. Тут ты можешь чувствовать себя в безопасности.

– Я всегда чувствую себя в безопасности.

– Обманчивое ощущение. Но даже если тебе не нужна безопасность, всегда ведь приятно иметь тайну?

– Пожалуй, – не слишком охотно согласился Ангэй.

– Мы любили прятаться тут ото всех с твоим отцом, когда были мальчишками. Здесь мы дрались на мечах и упражнялись в магии...

– Ты скучаешь по нему?

– Да. Всегда. Теперь уже немного меньше, чем раньше, но – всё равно скучаю. Мне его не хватает.

– Ты любил его? – голос сына звучал требовательно, даже жёстко.

– Любил.

– Но разве то, что теперь ты собираешься жениться на моей матери, не предаёт памяти твоего брата? Разве оба вы не ведёте себя по отношению к нему, как предатели?

Сердце моё болезненно сжалось. Остатки тепла, оставшиеся после вина и горячей ванны, стремительно улетучивались.

Атайрон опустил на корточки рядом с Ангэем и теперь их головы оказались приблизительно на одном уровне

– Как вообще ты посмел полюбить мою мать, если она принадлежала твоему брату? – в лунном свете лицо сына казалось нереально бледным, а глаза с него зияли чёрными провалами.

– Дело вовсе не в смелости. Я понимаю, тебе сложно это понять, но... что связывает одного человека с другим? Общее прошлое, пережитые моменты, сходство взглядов, вкусов, привычек. В жизни людей часто разъединяет именно то же, что и сближает.

– Ты прав, дядя, – холодно уронил Ангэй. – Я тебя не понимаю.

– Нам с Эвиллом часто нравилось одно и то же: драконы, стихи, оружие, лошади... женщины. Когда твою мать выдали замуж за твоего отца, речи о чувствах не велось.

– И всё же моя мать принадлежит моему отцу.

– Твой отец мёртв, мальчик, – эти жёсткие слова Атайрон смягчил голосом, как умел. – Будь он жив, я никогда бы не посмел не то, что заговорить о моих чувствах, но даже бросить случайный взгляд. Не стану лукавить, я полюбил Анжелику раньше, но... сложились обстоятельства иначе, никто бы не знал о моих чувствах. Однако, когда твой отец умирал, он сам взял с меня слова, что я позабочусь о вас с твоей матерью.

– Но он же не предполагал...

– Предполагал. И просил меня жениться на его вдове. Через Хатериман мы связаны с Красными Песками, а у людей с тех земель так принято – если один брат умирает, второй женится на его жене.

– Так всё дело в обычаях? – с насмешливым презрением проговорил Ангэй, пристально глядя на Атайрона.

– Нет. Я женюсь на твоей матери, потому, что люблю её. И потому, что это позволит мне лучше выполнять мой долг.

– Не женишься, если я буду против.

– Ты прав, – согласился Атайрон. – Не женюсь. Ты единственный человек в мире, который может этому помешать. Анжелика не пойдёт против твоих желаний.

– И? – с вызовом спросил Ангэй. – Что тогда? Как ты мне отомстишь?

– Никак, ваше величество. Разве я могу сделать это? Вы – сын своей матери и своего отца, я никогда не пойду против вас.

– Ты продолжишь служить мне? Так же верно? Продолжишь блюсти мои интересы?

– Да, в этом можете не сомневаться. Моя верность, как и моя жизнь, без остатка будет принадлежать вам. В первую очередь, как моему родственнику, во-втором – как моему королю.

– Ничто не сможет её поколебать?

– Конечно, сможет. Если вы вырастите в тирана, ни во что не ставящего людей, принимающего опасные решения, я буду вынужден ограничить вашу власть. Но, бог свидетель, я сделаю всё от меня зависящее, чтобы вы были достойным королём.

– Разве сам ты не хочешь власти?

– Разве сам ты способен нести её бремя? Или, думаешь, с этим справится твоя мать? Дело не в том, чего хочу я – дело в том, чего от меня требуют обстоятельства. Ты можешь мне доверять. Не стоит видеть во мне соперника за любовь твоей матери, малыш. Любовь к тебе всегда будет для Анжелики на первом месте. Но моя любовь сделает её счастливой, а её – меня. Твоего отца не вернуть из Края Теней, но ничья привязанность, верность твоим интересам не будет так близка к отеческой, как моя.

Повисла напряжённая пауза.

– Я похож на отца? – неожиданно спросил Ангэй.

– Внешне – очень. Но по сути... по сути ты куда большеходишь на Хасепти, чем на Сатори.

– А мой отец – каким он был?

– Твой отец был человеком долга. Ему пришлось рано повзрослеть и взять на себя ответственность. Он никогда не делал то, что хотел он сам.

– Он делал то, что хотела ваша мать, не так ли? Но я – не мой отец. Я хочу быть воином, хочу быть королём и драконьим всадником. Я верну нашей короне то, что принадлежало моим предкам.

Атайрон ответил коротким, горьким смешком:

– Думаю, что так и будет.

– Но ты не одобряешь? Мама тоже не любит разговоров о войне. Всё время говорит о крови невинных. Но кровь невинных будет литься всегда...

– Да, войны – дорогое удовольствие. А король нужен как раз для того, чтобы защищать, чтобы обеспечивать закон и порядок, чтобы вершить справедливое правосудие. В этом суть власти. Скажи, малыш, хочешь ли ты жить в мире, где города лежал в руинах, повсюду трупы,

мор и голод?.. Ты будешь самым сильным в этом мире, ты будешь в безопасности и все, кто стоят у подножия твоего трона, станут наверх глядеть со страхом и подобострастием? Они станут льстить тебе, закладывая друг друга, обворовывать и предавать?

– Конечно, я этого не хочу!

– Думаю, ты, как и я, хочешь, чтобы у всех было вдоволь хлеба, тепла и безопасности. Но люди так устроены – каждый слишком сильно тянет одеяло на себя, поэтому оно то рвётся, то соскальзывает. А король должен следить за тем, чтобы всё было разделено максимально по справедливости. В этом суть власти. Не чтобы делать то, что хочешь и заставлять трепетать подданных, а чтобы исполнять волю бога на земле. Да, порой, чтобы удержать власть, приходится поступать не самым лучшим образом, но, если не удержать, она, как плита, слишком многих погребёт под собой. Мы держим её не ради себя – ради всех.

– Ты знаешь, как править так, чтобы у всех был хлеб и дрова? Чтобы злые не обижали слабых? Чтобы жадные не обворовывали сирот и вдов?

– Не знаю, конечно. Думаю, этого никто не знает.

– Даже бог? Иначе все бы мы жили уже в том саду, о котором рассказывала мама?

– Этого о боге я не знаю.

– А что ты знаешь о нём?

– Что мы видим его таким, каким он нам представляется и служим тому, кому видим. Бог находит отражение в каждом из нас, как облака в реке. Хочешь жить в праведном мире? Служи светлому богу и тогда, даже умирая, ты будешь верить лишь в лучшее. Ты не будешь ни несчастен, ни одинок.

Ангэй коротко, недоверчиво фыркнул:

– Я не очень хорошо понял то, что ты сказал.

– Поймёшь, когда вырастишь. Я на это надеюсь.

Усмешка Ангэя могла бы принадлежать кому-то, намного лет старше него:

– Надеешься, что я стану добрым богом?

– Именно так, – поднявшись, сцепив руки за спиной, коротко кивнул Атайрон.

– Что ж?.. Можешь жениться на моей матери. Посмотрим, что из этого получится.

Ангэй помолчал, а потом добавил дрогнувшим голосом:

– В конце концов, я тоже хочу видеть её счастливой. Даже богам нужна семья.

Глава 18

Это была счастливая ночь. Лунная, напоенная теплом, любовь и томлением. На несколько упоительно сладких часов я забыла о всех тяготах и позволила себе отдаться любви, переполнявшей меня, родившейся из благодарности, из чувства защищённости, из того, как Атайрон сумел то, что мало кому удавалось – достучаться до сердца моего сына.

Отдаваясь ему с жадностью и нежностью, я пыталась через прикосновения передать переполняющую мою душу любовь, нежность, благодарность. Мне хотелось отдать себя ему без остатка.

Хотела отблагодарить – за всё. За то, что всегда был рядом, даже тогда, в первые дни, когда я отчаянно пыталась выжить, заполучить Эвила и победить своих драконов. Рядом со мной был ты, Атайрон, а не он. Ты был рядом всегда, в самые сложные времена, когда я сбивалась с пути и не знала, куда и как идти дальше. Ты находил ответы тогда, когда у меня их больше не было. Ты всегда знал, что делать. И ты... ты согреваешь меня любовью, внушаешь уверенность в моих женских чарах, рядом с тобой жизнь играет красками, и я чувствую себя такой живой, страстной и любимой.

Быть счастливой – так просто и так приятно. Жаль только, ночь не длится целую вечность, если она наполнена страстью, звездами и запахами цветов.

Мы проснулись под звуки отдалённой канонады и испуганный гомон человеческих голосов.

Атайрон был уже на ногах.

– Что происходит? – с трудом разлипая глаза и не в силах прийти в себя со сна, бормотала я, пытаюсь спросонья нащупать одежду.

Атайрон помог, резко бросив мне её в лицо. Не с раздражением, хотя его тоже хватало – но, слава богу, не против меня.

Следом за ним я выбежала на балкон, с которого открывался вид почти на весь город и залив. Куда входила добрая дюжина кораблей. В воздухе пахло горячей смолой и кое-чем похуже, но тоже палённым.

То и дело вверх взлетали горящие ядра и копья, устремлённые в сторону города.

– Да что творится?! – мой мозг никак не желал мириться с масштабами катастрофы и признавать её.

Береговые постройки уже занялись пламенем. Слышался лязг металла, звон оружия и дикий рёв наших драконов. Чёрный едкий дым стелился над горько вздыхающим морем. Дым такой густой и плотный, надвигающийся на Цитадель, словно вторая ночь. Только уже без звёзд и цветов.

– Что творится?! – Атайрон плевался словами от ярости, переполнявшей его. – Этот город готовится пожрать сам себя, вот что происходит!

Я бросила взгляд на подплывающие корабли, брызжущие снарядами, доступными этому времени. Судя по тому, что я видела – на нас напали.

– Это измена! Наш флот обратился против нас, объединившись с нашими врагами! Что ж?.. Пора со всем этим разобраться!

Руки Атайрона, до того момента с такой силой сжавшие мраморные перила, что в какой-то момент мне показалось, что треснет либо мрамор, либо его пальцы, судорожно разжались. Он метнулся обратно в комнату и принялся судорожно одеваться.

Я, не дожидаясь прихода служанок, последовала его примеру.

– Что будет делать?

– Мы должны быть и будем безжалостны. Оседлаем драконов, любовь моя, и покажем людям, кому они должны подчиняться. Мы покажем им, как отныне станут поступать с теми, в ком видим врагов. Мы отбросим их от стен нашего города, потому что он наш, потому что мы можем и потому что – должны.

Атайрон дёрнул за шнур, чтобы вызвать стражу.

– Приведите короля, – коротко велел он.

– Зачем? – дрожа от нервного волнения спросила я.

– Он полетит вместе со мной.

– Что?.. Нет! Ты с ума сошёл! Я не позволю!

– Я не спрашиваю твоего разрешения. Враги напали на нас практически в нашем собственном доме – дерзко и нагло. Мы должны ответить. А король должен быть во главе своего войска.

– Но мы же не войско будем туда посылать! Ты сама сказала – мы используем драконов!

– Да, мы используем драконов. И, когда мы поднимемся в воздух, мы уже не сможем контролировать безопасность Ангэя на земле.

– Оставь его Хатериман! Она не позволит, чтобы с ним что-то случилось.

– Твой сын должен быть с нами. Со мной. Все должны видеть нашего короля, его мощь и силу.

– Это небезопасно.

– Сейчас нигде не безопасно, но в воздухе чуть меньше опасности, чем на земле.

– Если мы потерпим поражение – пусть это маловероятно, но...

– Если мы проиграем, лучше умереть, чем попасть в руки живым к врагу. Вспомни, что они сделали с его отцом. Быстрая смерть – чистая смерть.

– Но ты же не думаешь, что дойдёт до этого? – ужаснулась я.

Вероятность смерти сейчас казалось невозможно. Только не теперь, когда я так близка к своей мечте, ко всему тому, к чему шла. Не теперь, когда, наконец, счастлива...

Видимо, мои мысли отразились у меня на лице. Черты Атайрона смягчились. Он ласково прикоснулся к моей щеке:

– У нас есть все шансы на победу, если не станем медлить. Но если не получится... любовь моя, я не о чём не жалею. Всё, что человек может получить от жизни, у меня было. Лучше умирать счастливым, полным сил, чем влачить жалкое существование.

– Мне совсем не нравятся такие речи!

– Мы все смертны. Пусть мы не всегда в это верим, но мы всегда это знаем. Если не будет выхода, лучше уходить красиво, гордо и быстро, не позволив врагу глумиться. Ничего не бойся.

Дверь распахнулась и вместе со стражниками в покои шагнул Ангэй в сопровождении Хатериман, как всегда, с ног до головы, закутанной в алый шёлк.

– Дядя, что происходит? На нас напали враги?

– Бунтовщики. Пришло время надрать нашим врагам зад. Вы готовы, ваше величество?

– Да! – радостно заверещал Ангэй, словно ему пообещали самую чудесную в мире игру и килограмм конфет.

Мальчишки любят играть в войну. До определённого срока они и мысли не допускают о возможном поражении. Да и чего бояться шестилетнему карапузу, когда рядом его семья, которая видится ему едва ли не богами, всеильные драконы, те, кого следует спасти и те, кого следует наказать?

– Они не представляют, что мы сделаем с ними! – подпрыгнул он на месте от возбуждения.

– Будьте осторожны, – чёрные глаза Хатериман блестели слишком ярко.

От ударов ядер мелко и нечасто, но уже содрогались стены.

Атайрон кивнул. Они обменялись с матерью взглядами перед тем, как он протянул руку мне.

Отчаянно звенел тревожный колокол, как набат. Не смолкали человеческие крики. Атайрон отдал приказ городской страже не выходить на береговую линию, а стянуть все силы к стенам города, дожидаться высадки неприятеля и оборонять главные укрепления.

– Да будут ваши сабли остры, а пламя драконов – очистительным и смертоносным! – звучали в ушах моих слова Хатериман.

Не успели пройти мы и половину пути, как путь нам заступил один из командующих войсками:

– Госпожа, ваше величество, – склонил он перед нами голову на миг и тут же обратился к Атайрону. – Повелитель!

– Говори, – коротко бросил ему Атайрон.

– Скверная весть. Войска узнали, что вы покинули Цитадель, улетев на драконе в поисках королева Анжелики. Вообразив, что дворец остался без присмотра, не вас, не Её Величества здесь нет, они окружили дворец. Город охвачен огнём и мародёрством. Кругом бесчинства и погромы. Дома и лавки грабят, детей убивают, женщин насилуют...

У меня комок подкатил к горлу. Ладно бы, если нас захватил враг – так ведь нет. Бесчинства творят свои и среди своих!

– Плохи наши дела, повелитель! Мятежники готовятся осадить особняк.

– Что ж? Никто из нас не намерен из сочувствовать, – с жёсткой усмешкой едко проговорил Атайрон. – Клянусь памятью брата и моих предков: у них не останется даже могил!

– Предатели обезумели! – проговорил военный начальник, не глядя в мою сторону, буравя взглядом плиты. – Они требуют вашей казни, господин, обещая позволить королеве Анжелики править от имени своего сына до его совершеннолетия. Говорят, король Оруэлла, ваш батюшка, согласен поддержать ваши притязания на трон.

– Даже так? – Атайрон, обернувшись ко мне, смерил меня взглядом. – Что скажете, ваше величество? Готовы принять требования народа?

– Сомневаюсь, что народ тут хоть каким-то боком. Давайте уже доберёмся до наших драконов и поговорим с мятежниками в позиции «сверху»!

Атайрон довольно улыбнулся:

– А вы что скажете, мой король?

– Что тут говорить?! – раздражённо мотнул головой Ангэй. – Я не намерен тратить время на то, чтобы выслушивать брехню псов. Нужно показать им, кто здесь хозяин. Пусть знают своё место.

– Исход битвы никогда не предрешён. Мятежникам нужна моя голова...

Я не сомневалась, что эта игра, но она меня бесила! Как будто кто-то из нас мог рассматривать подобный вариант. Даже не люби я Атайрона, я никогда не пошла бы на условия мятежников. Глупо поддаваться шантажу – стоит сделать это раз, и уступать придётся до самой смерти. В моём случае весьма скорой и, вероятно, весьма мучительной.

– Мы одна семья, – сказала я, – будем жить или умирать – вместе. Не стоит тратить время на то, чтобы говорить о пустом. Никто не станет вами жертвовать, лорд-протектор.

– Бунтовщики подошли к воротам, город со всех сторон охвачен огнём. Охраны слишком мало, долго они не выстоят.

– Что ж? Раз пламя уже здесь, да будет так! – подвёл черту под сказанным Атайрон. – Отведите придворных и слуг, женщин и детей в подвал. Сделайте всё возможное для спасения их жизни. Не исключено, что дворец придётся придать огню.

– Да, повелитель.

Сказанное Атайроном мне не понравилось, но возражать я не стала.

– Кругом изменщики и предатели, но у нас есть небо, огонь и драконы. Вперёд. Дадим им то, что они заслуживают своим безумием – пусть их кровь испарится в огне наших драконов.

«Только бы суметь взлететь», – пронеслось в моей голове.

Когда ты под облаками, ты не уязвим ни для кого, кроме бога. Но бог всегда выше тебя, как бы высоко ты не поднялся. Будем надеяться, он ещё на нашей стороне.

Когда приходит война, все превращаются в чудовищ. Даже самые родные лица перестают казаться родными и близкими. Ты уже не знаешь, на что и кто способен. Ты не знаешь, на что способен сам в минуту величайшего страха и гнева. Во время войны ты в любой момент можешь стать героем или чудовищем. Во время боя ты не принадлежишь себе – ты бьёшь, словно молния. Тебя ведут инстинкты, рождённые страхом, гневом и яростью. Чтобы выжить, ты готов убить любого, а начав убивать – входишь во вкус и теряешь границы.

Жизнь принадлежит богам. Люди не должны убивать. Это затягивает. За то, чтобы подарить жизнь, женщина платит часами мук, кровью и порой собственной жизнью. Давать жизнь тяжело и трудно, но убивать... убивать легко. Не нужно никогда верить, что ты можешь быть лучше других людей. Бойтесь зверя, который сидит в каждом – особенно это касается тех, кто склонен судить других, а не себя. Не давайте повода чудовищу, сидящему в тени вашей души, проснуться и окрепнуть.

Лучше не знать о худшей версии себя. Мы держим своё тёмное эго у тени подсознания, на больших цепях. Стоит раз опустить решётку и дать этому выйти... сложно забыть, как сложно и простить...

Оседлав Молнию, я позволила её ярости вести меня. Её гнев и жажда крови, жажда уничтожения нашли отклик и во мне. С гневным, радостным воплем мой дракон взвился в воздух, царапая, разрывая острыми крыльями в клочья воздух и тишину. Отталкивая от земли, мы поднялись над ней, торжествуя надо всем, что осталось внизу; беря вверх над врагами уже одним взлётом.

Я видела, как люди от ужаса падали на землю, хотя мы ещё не полили её огнём – мы лишь накрыли её своей тенью.

Моей целью был не город – его я оставила Атайрону. Моей целью стали корабли, приближающейся к нам со стороны моря, плюющиеся ядрами. Они казались с высоты детскими игрушками. Всё казалось нарисованным, далёким и жалким. А я чувствовала себя исполином, который одним ударом перевернёт и опрокинет.

Сзади я слышала яростный рёв Пингвина. На мгновение он колебался, выбирая, за кем следовать – за любимым хозяином или матерью. Потом ушёл в сторону за Чёрным Пламенем.

За мной и Молнией следовали Ведьма и Алое Пламя.

Маленькие, смешные, мельтешащие человечески. Драконы выдохнули и добрая сотня воинов, с клинками наперевес спешащие к городским стенам, обратились в ничто.

Главное не думать, что под тобой люди. Они не собирались щадить ни меня, ни моего сына, ни моего любовника. Они убили моего мужа. С их нелёгкой руки город предан поруганию. Они не заслуживают пощады.

И пламя из драконьих глоток пролилось широким потоком. «Гори гори ясно, чтобы не погасло!». Во славу твою, далёкий бог мои неведомых предков, оставшихся в прежнем мире – тебе, Ярила, приношу эту жертву. Защити, Волчий Пастырь, овец своих. Пусть горит, болит и пылает, чтобы, когда остыло, жизнь возродилась вновь.

Корабли занимались, как сухие щепки. Они горели, а я слышала звук – сильный, пронзительный. Казалось, он рождался из корабельных недр и глубин, в него органично вплетались последние предсмертные крики, стоны, проклятия...

Море покрылось пламенем. Огня было больше воды, над всем клубился чёрным дым и пространство походило на иллюстрацию картины ада. Я дарила смерть и ужас, щедрой рукой разбрасывая вокруг себя смертные огненные стрелы. Я стала королевой Ужаса.

Не стану говорить о том, что у меня не было выбора. Он был: либо ты невинная и мёртвая жертва, либо жестокий, но живой палач. Я выбрала свою жизнь и их смерть. Может быть это плохо, но я не жалею.

Те, кто горели внизу, вольно ли, невольно – сами заслужили свой ад. Мы все заслуживаем то, что получаем, даже если у нас не хватает мудрости признать это. И за всё, что мы делаем, мы заплатим.

Море пенилось и поглощало в себя остатки флота. Те, кому чудом удалось уцелеть, пытались отгрести от негостеприимного берега, кто-то выбросил белый флаг. Потом будут говорить, что капитулировали, а я продолжала их жечь. Но о чём они думали? Разве в чёрном-огненном смерче, с высоты, на которой парят драконы, я могла видеть их просьбу о пощаде? И хорошо, что не видела – меня не мучали сомнения.

Они бросили нам вызов, и они проиграли.

Что чувствуешь, когда терпишь поражение в сражении? Когда видишь, как горят ярким пламенем все надежды, когда напрасными оказались любые расчёты?

Подо крыльями Молнии клубилась чернота. Мир казался нескончаемой зыбкой волной. Удушливый чёрным дым тянул щупальца к небесам, сливаясь с ртутными облаками. Не было в этом серо-ртутном мире ничего твёрдого, кроме сильного, горячего тела дракона. Острый шипастый гребень давал мне возможность держаться. Длинные витые рога, венчающие узкую зубастую морду, разрезали воздушные вихри, символизируя власть и силу.

Какого быть победителем, парящим над бездной, которую сам же запалил? Что я чувствовала? Воздух, плетью бьющий в лицо жёсткими струями, грозящий сорвать и сбросить вниз. Слышала пронзительный свист в ушах. Чувствовала влагу, оседающую каплями на коже, на волосах. Стремительный полёт, как падение. В этом парении по-настоящему легко перепутать где верх, а где низ, почти так же легко, как утратить ориентацию между добром и злом, приемлемым или нет. Я больше не задавалась вопросом о том, что правильно или нет.

Единственное, что меня заботило – мысль о том, в безопасности ли мой сын и мой любовник? Всё, что меня страшило – это мысль о том, что история с Эвиллом может повториться. Драконы сильны, но и драконы – смертны.

Знаете, что самое страшное на высоте? Перестаёшь думать о том, что оставил внизу. Это правда страшно.

Никто не желает стать жестоким тираном. Мало кто из живущих реально делает выбор в пользу кровавого террора. Всё зло в этом мире от бессилия и слабости. Ты просто не можешь понять, как иначе? Увы, но жестокая, непопулярная, даже уродливая правда заключается в том,

что единственное, что доходит до абсолютного большинства людей, это удар кнута. Любовь не эффективна. Долг не эффективен. Люди нарушат любые правила – если только их не остановит страх перед неминуемой карой. Не даром боги карают – иначе управлять человеческим стадом невозможно.

Ты жив, пока у тебя есть дракон и руки верных подданных не могут до тебя дотянуться. Превращаюсь ли я в зло, позволяя себе думать так? Или всего лишь беру на себя храбрость быть честной? Хочешь иметь власть – учись пользоваться кнутом, так, чтобы наименее кровавым методом суметь заставить себе подчиняться.

Мне не хотелось терять высоту, не хотелось возвращаться с безопасного неба на грешную землю, но бежать всё равно бесполезно. Поэтому я мысленно отдала приказ Молнии снижаться, осторожно. Вскоре залив стал виден весь, как на ладони. Даже чёрные клубы дыма не могли скрыть картину разрушения.

Дыму было от чего подниматься. Пылала половина города. Сверху он казался кукольным, с его черепичными крышами, нависающими друг над другом, почти скрывая узкие улочки, разделяющие дома. Выступами, кирпичиками, столбиками выглядели хрупкие дома отсюда, их заволакивало едким чёрным дымом. Город был взят в кольцо огня. Звенел тревожный набат, созывая гасить пожар.

Я видела, как бестолковой живой лавиной люди бежали по площадям, устраивая дикую свалку, в которой давились, задыхались, наступили друг на друга. С чего бы? Они же прекрасно знали, что у нас есть драконы? Мы летали на них. Они видели их не в первые. Никто не пытался их съесть или спалить, но как бараны, они уничтожали друг друга сами в приступе животной паники. Бежали и орали дикими голосами на все лады.

Я чувствовала, что этот страх начинает возбуждать в Молнии охотничий инстинкт. Как не крути, дракон в первую очередь хищник, а каждому ещё с детства известно – нельзя бежать от собаки до последнего, потому, что, если ты от неё побежал, ты стал для неё добычей.

Жесточайший усилием воли я пыталась подавить стремление моего дракона ударить огнём в беспорядочно мятущуюся внизу толпу, обращая её в жаркое. Много-много вкусного мяса – вот что сейчас

видела Молния внизу, под собой. Поэтому сомневаюсь, что она попыталась бы спалить – скорее, поджарить. Чтобы потом съесть.

– Не смей!!! – заорала я на неё.

Она протестующе заклекотала, рвано разрезая воздух перепончатыми крыльями.

– Нет!!!

И тут, хвала тебе господи, словно под заказ, под нами открылась площадь, заполненная мятежниками. Их красные одеяния хорошо просматривались даже с расстояния, что нас разделяли. Они стояли плотным кольцом, центром которого был тот самый маг, что Атайрон приставил служить к моему сыну.

Подняв голову, мятежники увидели сначала тень, падающую на них от Молнии, а потом и нас самих. Подняв голову, они смотрели, как, точно ястребы перед нападением, мы кружили над их головами.

Я уже говорила, что человек глуп? Злой человек глупее вдвойне. Чем, как не глупостью, можно объяснить то, что, видя над собой меч, один из главарей бунтовщиков не придумал ничего лучшего, как вогнать кинжал в бок одного из моих слуг? Его действия послужило знаком для остальных – достав кривые мечи, они одним движением перерезали горло всем пленникам. Среди которых были и девушки, прислуживающие мне в последние дни.

Словно этого было мало, безумцы подняли руки над головой и проорали воинственный клич. С чего они решили, что если я женщина, всё это сойдёт им с рук? Мне даже делать ничего не пришлось. Я просто прекратила наш поединок разумов с моим очень злым драконом, и Молния выдохнула реку пламени, низвергая её на голову тех, кто осмелился убивать по своему почину, попирая древнее право на суд и закон.

Тот, кто нарушает правила должен знать – с того момента и для него в игре правил не будет. Тот, кто поправил закон тот объявил себя вне закона.

Горите, шакалья свора. Горите, сукины дети! Горите ярким пламенем.

Ярость Молнии передалась мне. Как и жажда преследования.

Драконий рёв слился с грохотом разорвавшихся каменных стен, с криками ужаса, проклятьями. То был звук агонию, куда более страшный, чем агония потонувшего флота.

Пламя металось в узком проходе улицы. Пламя пыталась пробить и найти дорогу и... находило, растекаясь десятком горячих огненных языков. Боюсь, что в этом безумии могли пострадать не только виновные.

Это было страшно видеть даже с безопасной для себя высоты. Картину бойни. Мужчины, обезумев от страха и ярости, резали и кололи друг друга мечами, убивая без разбора всех, кто попадался под руку. А, понятное дело, что женщин и детей резать куда легче, чем другого воина.

Чем можно помочь жертве, которой палач перерезает горло, когда ты на драконе, а она в его руках? Полыхнуть огнём, чтобы огонь поглотил и тех, и других? Или оставить глумящуюся мразь безнаказанными?

Город казался мне отвратительным, полным не столько крови, сколько гноя. И я поняла, что ещё немного, ещё чуть-чуть и сорвусь, повторив «подвиг» безумной королевы.

– Лети!!! – заорала я Молнии.

А когда она попыталась заартачиться, и ментально, и во всю глотку завопила:

– Вверх!

Там, на высоте, дышится легче.

Если бы ещё только понять, где Атайрон и Ангэй?

Глава 19

Я чувствовала себя механизмом, у которого вот-вот закончится завод, и он просто встанет. Такое ощущение было знакомо в далёкой юности, после сдачи спортивных нормативов. В том, далёком и кажущимся отсюда ненастоящим, словно выветрившийся сон, мире, я не была поклонницей спорта и зачастую, грешна, прогуливала уроки физкультуры. А «зачёт» нужен был позарез, поскольку все остальные оценки, хоть на красный диплом я и не тянула, были высокими. «Неуд» по физкультуре никак не вписывался в общую картину.

И вот тогда, на уроках ненавистной «физ-ры» я впервые постигла смысл слов «любой ценой». Не важно, как сильно сбивается дыхание и что воздух отказывается проходить сквозь саднящую гортань и грозит разорвать грудную клетку; не важно, что сердце стремится вырваться из груди; неважно, как ноют руки и ломит логову и пересохло во рту – главное добежать до заветной черты, дойти до финиша любой ценой.

И вот дистанция позади, согнувшись пополам ты ловишь ртом воздух, хрипишь, словно последний вдох близок. Жжение в мышцах из-за окисления ткани молочной кислотой и холод на коже, покрытой липким потом – вот всё, что ты чувствуешь. Ни удовлетворения, ни сожаления, ни мыслей... разум уступает место телесным ощущениям.

Паря сверху над охваченным пожаром и колокольным городом, между чёрным дымом и серыми облаками я чувствовала себя так, словно только что пробежала кросс. Ни мыслей, ни желаний.

Впрочем, мысль об Атайроне и Ангэе давала искру, но мозг отказывался следовать за ним. Страшно было думать о них. С одной стороны, если уж со мной ничего не случилось на Молнии, то что могло быть с Атайроном, чей дракон был почти вдвое крупнее и сильнее моего? К тому же, он опытный воин и колдун, в отличие от меня.

Но с другой стороны из сердца моего так никуда и не делась боль об Эвиле. Разве можно было подумать, что он потерпит поражение? Что он погибнет?

Сверху надо мной тенью заслонило и без того тусклое солнце. Это мог быть только дракон! Молния приветственно заверещала – звук был чем-то средним между голосом птицы (если только можно представить себе очень большую птицу, размером с чудовище) и добродушным порыванием. Облегчение и надежда, вспыхнувшие в моём сердце при мысли о том, что это Атайрон, вмиг улетучились. На Алой Ведьме вокруг меня сделала круг Хатериман и устремила через гавань вперёд, к Цитадели, явно приглашая следовать за собой.

Долго не колеблясь, я пустила Молнию за ней. Конечно, Хатериман никогда не была и вряд ли станет мне другом, но шансов на то, что любимая свекровка решит сжить меня со свету, отдав в руки мятежникам казались равными нулю.

Пространство, отделяющее безопасное высокое небо от Драконьего Логова, сократилось куда быстрее, чем мне хотелось. Пришло время задавать вопросы и получать ответы.

Хатериман, как всегда, с ног до головы была облита красным пламенеющим шёлком, с которым удивительно гармонично смотрелись чёрные косы, выбившиеся из-под покрывала и неживые, холодные чёрным глаза.

– Что с моим мужем и сыном? – спросила я её, хватая за руку, как только представилась возможность, то есть мы оказались в пределах слышимости друг друга.

Смерив меня насмешливым взглядом, выразительно и без слов прокомментировав «мужем», – слово, которое, право же, совершенно произвольно, непредумышленно сорвалось с моих губ, потому что в глубине души именно так Атайрона я и воспринимала, – вслух, между тем Хатериман произнесла:

– Оба живы. Вернулись в замок.

Вот так! Без лишних слов, предисловий и описаний – но суть облегчающе ясна. Большого мне не надо!

– Мы уже в безопасности, надеюсь?..

– Атайрон разослал письма главарям мятежников с требованием в течении часа явиться во дворец для переговоров. С того времени должно было пройти не больше получаса, пока я летала за тобой.

– Вы так быстро меня нашли?

Уже договаривая фразу, до того, как очередная насмешка вспыхнула в глубине её чёрных зрачков, я поняла, что сказала глупость.

– Это было не трудно, – хмыкнула она в отчет.

– Что будет, если мятежники не подчинятся?

– Мы поднимем драконов и полетим к их родовым замкам и не оставим камня на камне. Тем временем у простого люда будет время, чтобы скрыться и сделать запасы. А потом мы вернёмся и сравняем с землёй город.

Её спокойный голос звучал ровно, словно мне рассказывали сказку. А у меня перед глазами вспыхивали картины бегущих сквозь пламя и объятых пламенем людей. Хотелось верить, что все они виновны, но теперь, когда запал боя проходил, голос совести звенел, почти как набат вдалеке – так ли это было? Когда бьёшь сверху, так легко промахнуться и так тяжело виновного отличить от невинного.

– Но ведь всерьёз до этого не дойдёт, правда?

И снова её бровь высокомерно заломилась вверх:

– Будем надеяться. Но исключать этого нельзя.

– Мы уничтожим собственную столицу?

– Если потребуется. Но это, естественно, крайний случай.

– Но как мы будем править людьми, которые видят в нас лишь врагов и палачей?

– А как мы будем править, став мёртвыми? У людей есть шанс спастись.

– Но если бунтовщики не захотят нам сдаться?

– У тех, кто им подчиняется всё равно остаётся шанс их сдать. Связанными и тёпленькими. Если они этого не сделает, пусть разделял судьбу тех, за кем пошли.

– А предателей мы оставим в живых?

– Конечно. Иначе никто в следующий раз не станет предавать своих лордов в надежде на помилование.

– И мы будем им верить в дальнейшем?

– Только в том случае, если они докажут, что достойны нашего доверия.

Да, времена меняются и отношения – тоже. Вчерашний враг никогда не станет другом, но вот ценным союзником, с которым вас связывает общность интересов, целей и устремлений – вполне.

Стоило нам выйти в широкий ход, ведущий их Драконьего Логова, как я увидела Атайрона. Он был верхом на чёрном коне, в окружении верных стражников. Лицо его было сосредоточенным и жёстким, но при виде меня, на миг застывшей в проходе, по его невозмутимому лицу словно прошла трещина и весь сквозь невозмутимую маску властелина и повелителя проступили человеческие чувства:

– Анжелика! – соскочив с коня, он протянул ко мне руки, и я бросилась в его объятия.

Казалось, что с момента нашего расставания прошло не несколько часов, а дни и недели.

– Матушка, – склонил он голову при виде Хатериман.

– Надеюсь, я оправдала ваши надежды? – с улыбкой спросила я. – К моей работе нет нареканий?

– Ты – жива! – проговорил он, расцепляя кольцо объятий и отстраняя от себя на миг.

– Главное, что все мы живы, – подвела черту Хатериман.

– Мой сын?..

– В безопасности, в окружении самых верных моих стражников и магов.

– Хорошо.

– Да, – вновь напомнила о себе Хатериман. – Будет надеяться, что худшее позади.

– Нужно идти в тронный зал. Скоро туда доставят главарей мятежников.

– Вы уверены в этом? Что, если мятежники решат проявить верность своим предводителям? – продолжала волноваться и беспокоиться я.

– Верность – самая дорогая, почти фантастическая вещь, встречающаяся реже, чем цветение папоротника, – с сарказмом, весьма напомнившим его мать, проговорил Атайрон. – Не беспокойтесь, королева. Не верность вела людей за вдохновителями восстания, а алчность и чувство ложной безопасности. Их уведомили о том, что нас с вами нет в Цитадели, а следовательно, нет и драконов. А те, которые есть, не имеют всадников.

– Для того, чтобы вновь стать всадников, мне потребовалось меньше получаса, – сказала Хатериман. – Был бы дракон – тот, кто раз покорял на нём небеса, сумеет сделать это снова.

В устах любого другого, боюсь, фраза прозвучала бы слишком пафосно, но от Хатериман звучало вполне естественно.

– О драконах Ангэй мятежники были не в курсе. Они сосчитали лишь до двух. А тех посчитали улетевшими далеко.

– Я всё равно не понимаю... как бы далеко мы не были, мы равно или поздно вернулись бы. На драконах.

– Их интересовала казна, любовь моя. Которая, по их подсчетам, осталась без охраны. Для того и нужны были корабли – на часть из них должны были погрузить золото, другие – были бы пустыми обманками. Чтобы вернуть золото, нам пришлось бы гнаться за рассеянной армадой. К тому же сегодня они не ожидали нападения и не расчехлили своё главное оружие.

– Как так получилось, что они так глупо угодили в засаду.

– Скорее всего, кто-то из враждующих лордов подставил соперника, устранив его нашими руками.

– Он играл нам на руку или против?

– Разумеется, против. У нас теперь почти нет флота. Но, с другой стороны, предателей тоже скоро не будет. Ступай, переоденься, любовь моя. Через полчаса жду тебя в тронном зале. И вас, матушка, тоже, разумеется.

– Ангэй...

– Я не стал бы приглашать ребёнка. Мы будем вершить правосудие, а значит, может литься кровь. Не хотелось бы растить мальчика в убеждении, что она дёшево стоит, а именно такое впечатление может у него сложиться, ведь истинных наших причин он вряд ли способен оценить. Хоть и не по годам разумен.

«Как и не по годам жесток», – договорила я за него про себя.

Больше всего мне хотелось лечь и уснуть. На душе было пусто. Я даже сына видеть не хотела. Отдых и полное уединение. Нет, не так, душа просила отдыха в полном уединении! То, что после такой страшной резни в глубине души я вовсе не рвалась обнять сына, стиснув его в объятиях, прижать к груди меня пугало. Я была разочарована сама в себе, я чувствовала себя плохой матерью, но факт оставался фактом – мне было достаточно знать, что Ангэй в порядке.

У Турхан были красные глаза и вытянувшееся, побледневшее лицо.

– Госпожа! – бросилась она ко мне, опережая остальных придворных девушек.

– Прикажи, чтобы быстро приготовили ванну и новую одежду. Через полчаса я должна быть в тронном зале.

Пока я быстро ополоснулась и девушки обтирали мое тело простынёй, смоченной в винном уксусе (местный аналог антиперспиранта), Турхан рассказала мне все последние слухи, новости и сплетни. Новости не расходились с тем, что я уже знала: уверенные в том, что я пропала, разыскивая сына, а Атайрон улетел на поиски нас обоих, местная знать, состоящая в оппозиции решила этим воспользоваться. Про то, что целью стала королевская казна, мои служанки не знали.

Вечно недовольная тем, что у власти теперь находятся иноземные захватчики (Сатори для лордов Цитадели навсегда ассоциировались с Алыми Песками и теми дикарями, что напали на моего сына в пустыне, а я – принцесса Оруэлла), знать решила этим воспользоваться. Подогрела их решительность и весть о грядущей свадьбе. Армейским служакам внушалось, что деньги, которые предназначались им и по праву, пойдут на свадьбу узурпаторам, а им не заплатят. Человек же глуп, правда? Они даже не стали дожидаться

дня очередных выплат, чтобы убедиться в правдивости упорно распускаемых слухов.

«Во дворце должны услышать наши требования», – таков был их вердикт и слоган, хоть о значении последнего слова они и понятия не имели.

Момент, когда в Цитадели не было ни драконов, ни Атайрона, а его главный маршал отправился на восток, чтобы разобраться с кочевниками, наносящими урон нашим поселенцам, показался им вполне подходящим, чтобы заявить о своих требованиях. Они и заявили.

Самое печальное, что всё, что было на переднем плане – всё это были лишь головы, надетые на пальчики истинных кукловодов, чьих имён, возможно, не знают даже те, за чьи ниточки они дёргают. Это не так сложно, оставаться в тени и отдавать распоряжения тем людям, которые льют в общие уши нужную порцию недовольства, медленно её подогревая. И вот военачальники подняли своих людей, город – в огне, их головы скоро полетят в корзины, а виновники торжества, вероятнее всего, так и останутся в тени. Возможно, если нам посчастливится они притихнут на длительное время, возможно – нет.

Шептуны и шпионы уже назвали имя того храбреца-идиота, который, выйдя к своим подчинённым проорал: «Выхода нет. Мы должны сами забрать то, что причитается нам по праву. Вперёд, отважные воины! Жгите, крушите, грабьте и насилуйте. Да будут ваши мечи остры о помыслы чисты».

Результат не заставил себя ждать. Мечи были остры. Ограбленными, убитыми и изнасилованными завалены улицы. Чище помыслов и не сыщешь. Чернь – грабила по своему; знать надеялась поживиться по своему, но лучше всех поживилась Чёрная Госпожа-с-Косой – Смерть.

А перед лицом у меня стоял Атайрон, вид его был решительным и беспощадным. Ещё до нового рассвета «презренные рабы», кем они были в его глазах, узнают цену своего предательства.

Тронный зал Цитадели был роскошным, но в нём всегда не хватало света. Единственный источник естественного освещения проникал сюда через витражи над длинным, резным тронном, стоявшем на высоком, в несколько десятком ступеней, возвышении.

В огромных жаровнях горели дрова, сотни факелов пылали в факелодержателях. Огонь отражался от кафельных стен, в кафельном полу и всё пространство казалось охваченном пламенем. Алым была кафтан Атайрона – таким же кроваво-красным, как одеяние его матери.

Хатериман стояла над левым его плечом, мне же оставили место рядом, по правую сторону. Но я предпочла не садиться. На самом деле в данный момент не я олицетворяла власть, правосудие и закон. Не я всем управляла. А видимость мне ни к чему. Я не нуждаюсь в преклонении колен и признании моей власти. В конце концов всю мою жизнь я была отличным исполнителем, но не лидером. Роль второй скрипки всегда мне нравилась больше.

Обменявшись безмолвными взглядами, мы замерли. Каждый на своём месте. Готовые к тому, что должно было произойти.

Я никогда не была свидетелем вынесения смертного приговора. Хотя, кому я вру? Разве не доводилось мне устраивать заговоры, приводящие к человеческим жертвам? И всё равно – это страшно, принимать решение о том, кому жить и кому умирать. Мы не боги. Мы простые смертные.

Двери распахнулись с сухим стуком и по кафелю застучали каблуки сапог. Между стражей шли пятеро мужчин, руки их были связаны за спиной. Стражники вели их с двух сторон, не снимая рук с плеча. По бокам залы стояла охрана, опустив голову и не разжимая руками мечей. Не слишком ли много оружия, с учётом того, что каждый их нас может превратить в кровавый фарш половину присутствующих?

«Это просто ещё один из способов демонстрации власти», – напомнила я себе.

Подведя к трону, мятежников бросили на колени.

– Ваше Величество, – проговорил один из мятежников, вполне себе молодой и весьма симпатичный молодой человек из числа тех «гусаров», что легко кружат головы влюблённым дурочкам от 18 и старше. Хотя и младше – тоже вполне...

– Ваше Величество, мы признаём свою вину и готовы понести наказание.

Это было нарушением этикета. Первым в тронном зале всегда говорит король. Даже то, что этот наглец открыл рот являлось продолжением поднятого ими мятежа.

Но Атайрон, казалось, не заметил этого. На лице его заиграла доброжелательная, почти ласковая улыбка.

– Понести наказание? Сначала я хочу узнать, чем недовольны мои подданные? Я предоставлю вам право высказаться. Итак?.. Я вас слушаю.

Бунтовщики казались обескураженными удивлёнными. Я, признаться, тоже немного удивилась, пытаюсь прикинуть про себя, что он задумал.

– Повелитель?.. Как вы знаете, наши войска состоят из ваших храбрейших воинов.

Пауза. Словно говорящий ожидал возражений, но, не получив, вынужден был продолжать:

– Воины должны воевать. Мы, храбрейшие и преданные солдаты во время военных походов, но что делать армии, если войны нет? Мечи и копья не должны ржаветь – им предстоит всегда быть в деле, обеспечивая воину его долю в военной добыче.

Атайрон выглядел чуть задумчивее, но по-прежнему казался доброжелательным.

– Итак, мои добрые подданные требуют войны?

– Сатори веками воевали...

– Я – не Сатори. Я – Хасепти. И я, как вам хорошо известно, не столько воин, сколько учёный.

– Это второе наше требование, Ваше Величество. Мы требуем снять всех магов и чернокнижников с высоких постов, что были вами им пожалованы.

Стоявший передо мной человек многим показался бы храбрецом, но мне виделся бахвалистый глупец. Когда ты стоишь на коленях, а над тобой десятки мечей, сотни кирпичей и парят драконы – что ты можешь требовать?!

– Итак, сначала я должен убрать верных мне людей с постов, которые им пожаловал и назначить тех, на кого вы мне укажите? Потом объявить военный поход, чтобы моя армия безнаказанно могла грабить и убивать чужеземцев. В противном случае мои верные воины станут резать моих верных подданных? – мягким-мягким голосом проговорил Атайрон. – Это всё? Или будет ещё пожелания?

– Примите наши требования и больше такого не повторится.

Несколько секунд Атайрон, прищурившись, смотрел на него. А потом глубоко вздохнул, будто его решение тяготило его. Опустив ресницы вниз, он молчал одну секунду, другую, третью...

И каждая падала золотой пылинкой. И каждая была тяжела, как вечность и томительна длина.

Нет выбора? Как часто мы говорим это слово? В то время как выбор есть всегда – даже у раба. А в представлении людей короли могут делать, что хотят. Выбирать, как хотят. Но это иллюзия, как и большинство другое в этой жизни.

Собрать врагов всех вместе и казнить одних махом – что это будет? Правильным ходом, избавившим всех нас от долгих противостояний и бед или величайшей мудростью? Единственным правильным решением? Когда смотришь снизу-вверх, и судишь деяния правителей, ты часто можешь позволить себе быть гуманистом. Когда сам стоишь наверху, тебе приходится выбирать – беспокойные ночи из-за страшных снов, насланных гарпиями и спокойный сон твоих подданных или – наоборот?

Бескровный путь – утопия. Стоит проявить милосердие, как его неминуемо примут за слабость, а дальше число жертв будет расти в арифметической прогрессии. Войны, восстания и бесконечные междоусобицы будут длиться до тех пор, пока страх перед правителем не окажется сильнее собственных эгоистичных желаний.

Так устроен человек, что власть для него олицетворяет возможную кару. Без карающей за грехи длани нет власти.

И всё же то, что произошло дальше... это было слишком.

– Принять ваши требования? Ваши условия я нахожу несколько странными. Я дал вам право высказаться и внимательно вас выслушал. Что ж, а теперь мои условия: вы чистосердечно признаётесь мне в том, кто из лордов стоит за этим восстанием, а я в награду подарю вам лёгкую смерть. Всё, что вам нужно, господа, это назвать имя изменника и предателя, после чего вам просто отрубят голову, быстро и чисто.

– Предлагаете нам предать других так же, как предали нас? – поднял голову ещё один из заключённых.

– Придав в руки правосудия. Совершенно верно.

– Но где здесь правосудие? Разве здесь суд? Если мы виновны, пусть нас судят так, как положено. При всём уважении, вы даже не

король.

Что это за люди? Наверное, правда, стоило признать за ними силу духа и мужества? С той стороны, с которой они пришли, они должны выглядеть героями. Я же не испытывала ничего, кроме недоумения и ненависти. Никто тут даже и не пытался договориться, хотя именно их жизни стояли на кону.

– Я представляю собой королевскую власть, – невозмутимо, даже не изменив тона, не повысив голоса, произнёс Атайрон. – Вы присягали мне на верность. Так что, чтобы вы о себе там не думали, на деле вы предатели и клятвопреступники. Но я допускаю то, что опытные кукловоды могли заморочить ваш неокрепший юный ум. Ещё раз даю вам шанс: одумайтесь и назовите имена.

– Ты даже не обещаешь нам жизни – только лёгкую смерть! Чего ради нам последний свой вдох отягощать малодушием? – спросил суровый с виду воин средних лет.

– Я приму ваши слова за покаяния. Я отдам ваши тела вашим семьям, позволил вас похоронить по принятому в этом краю обычаю.

– Нет имён, которых мы могли бы тебе назвать, государь, – твёрдо сказал наглый смазливый красавец, с которым изначально вёлся диалог.

– Ну, что ж? Нет – так нет. Вы выбрали свою судьбу.

По знаку Атайрона стража в один момент отступила, становясь в один ряд с братьями по бокам и тонкие, невидимые линии силового поля протянулись между ними и приговорёнными мятежниками. Те, озираясь, сгрудились в центре, прижимаясь спина к спине.

– У вас не будет отпевания, не будит могил. Сама ваша участь для многих останется неясной. Ваши матери и жёны, любовницы, дети или сёстры будут надеяться на ваше возвращение долгими годами. Посмертие вашей души мне неизвестно, но говорят без должного погребения души долго скитаются перед тем, как найти себе пристанище.

Под нашими ногами пол мелко завибрировал – плиты отодвигались и оттуда, из подземелья, раздался рёв. От многократного усиления эхом звук умножался и расширялся, приобретая всё более угрожающее звучание.

Драконы – Алая Ведьма и Пингвин, – вспорхнули наверх, к нам, грозно вытягивая шеи. У Ведьмы чешуя переливалась огненными

всполохами, то алыми, то жёлтыми; Пингвин, как и положено пингвину, был чёрно-белый.

При виде дракона у одного из мятежников сдали нервы, и он рванулся вперёд, но не успел пробежать и несколько шагов, как Ведьма, вытянув вперёд шею, откусила ему голову. Дракон, словно акула, стал трясти головой, а человеческое тело хрустело в его мощных челюстях. Пингвин выдохнул столб пламени, обращая оставшихся мятежником в пылающие факелы – его огня не хватило на то, чтобы испепелить их мгновенно.

Они вопили, охваченные пламенем. Я стояла, охваченная таким же ужасом. Всё произошло так быстро... вернее, продолжало происходить. Потому что Ведьма, набросила на пылающего человека и, не дожидаясь, пока он «догорит», прости господи, полакомилась следующим... «шашлыком».

В тронном зале пахло палёным мясом. Уши закладывало от криков. Впрочем, уже никто не кричал, голоса звучали исключительно в моей голове.

Огненные всполохи плясали по всему залу. Драконы довольно урчали.

Мои милые дракончики, такие милые, такие славные и нежные, преданные, как ручные псы, только что у меня на глазах пожрали пятерых людей! И выглядели довольными, как никогда. А у меня было такое чувство, будто маленьких детей растлили у меня на глазах.

Атайрон поднялся со своего места.

– Да будет Бог, сотворивший Небо и Землю, свидетелем моих слов. Больше никогда я не стану терпеть посягательства на права моей семьи на трон и власти Цитадели. А кто осмелится встать против...

Рёв драконов красноречиво завершил его речь.

Неторопливо, ровным текучим шагом Атайрон спустился вниз, ступая на окровавленные плиты. Драконы приблизили к нему змеиные головы с поднятым шипастым гребнем, выглядевшими подобно короне.

Атайрон подошёл к единственному, кого ещё не пожрали мои звери. Тот трясся, обняв себя руками.

– Ступай к своим. Ты свободен. Ступай и расскажи, что мы делаем с теми, кто объявляет себя нашими врагами. Драконы не люди, они летают высоко и видят далеко. И тот, кого они объявят добычей

нигде и никогда не сможет чувствовать себя в безопасности. Как быстро не беги – они летят быстрее, зрение их остро, а терпение – безгранично. Как и неутолимы охотничьи инстинкты. Только одно способно охранить вас от них – это наша, их всадников, воля. Ступай и пусть речь твоя будет пламенной и назидательной. Попадёшься мне ещё раз – разделишь участь своих собратьев.

Атайрон небрежно уронил на пол небольшой мешочек. Золото в нём слабо зазвенело.

– Это тебе за ту службу, которую ты мне сослужишь. Ну, и в качестве моральной компенсации за сегодняшнее. Убирайся.

Трясься, как осиновый лист на ветру, мужчина не замедлил убраться. Деньги подобрать с пола он не позабыл.

Даже драконы не смогли заставить его забыть о золоте.

Глава 20

Всё грущу о шинели

Вижу дымные сны

Нет, меня не сумели,

Возвратить из Войны.

Мне казалось, что я спокойно перенесла всё то, что случилось. Я хладнокровно сожгла корабли, залила драконьим огнём улицы города, я спокойно смотрела на то, как горят мятежники в тронном зале. Я делала в тот момент то, что казалось необходимым и старалась не думать о том, правильно ли это или нет. Моей целью было устранить врага и выжить самой.

«О цене подумаю потом», – примерно так я тогда рассуждала.

И вот это «потом» настало.

Человек, переживший военные действия и человек, никогда не знающий войны – два разных человека, это я теперь точно знаю. Как знаю я и то, что Гомер писал правду, описывая героев Троянской войны. Я, как и они, переживала «страшную тревогу», имела «огорчённую душу». Сердце моё мрачнело.

За окном цвели цветы и море было по тёплому синим, но мне было холодно. Холод шёл изнутри, из сердца. Между мной и миром как будто образовалась тонкая корочка льда, через которую я, как через стекло, смотрела на всё. И всё виделось мне иным, чем до сих пор – лишённым красок, вкуса и запаха. Жизнь казалась бессмысленной. В любой момент от всего, что ты строишь, ничего не останется. Тех, кого

ты любишь, в любой момент может не стать. Ничего не имеет настоящей цены – смерть всё обесценивает.

Жизнь потеряла цену, но вместе с тем я утратила способность расслабляться. С пристальным и постоянным бдением приглядывалась и вслушивалась, со страхом ждала новостей из-за высокого забора, ограждающего Цитадель от мира. Я постоянно была готова сорваться, чтобы, схватив сына, бежать к Драконьему Логову, опасность мерещилась со всех сторон. Если Атайрон не ночевал у меня, я практически не могла заснуть, а если оставался – меня мучили кошмары. Кошмары, в которых или мои драконы убивали других людей. Иногда их жертвой становилась я сама. Я превращалась в юную девушку, ещё не успевшую стать драконьим всадником, и становилась жертвой. Сны становились навязчивыми, я утопала в них, как муха в паутине.

Постоянное напряжение заставляло мои нервы искрить и одной мне известно, каких чудовищных усилий мне стоило, чтобы не сорваться, не наорать на девушек, стоило им допустить малейшую оплошность, не повысить голос на ребёнка. Мне хотелось швыряться вещами, орать в полный голос, топтать ногами. Нет! Я ничего подобного себе ни разу не позволила, но внутри копился и рос злой ком, и я боялась того момента, когда утрачу над собой контроль.

Какая ты королева, если не можешь контролировать саму себя? Это простые люди могут срывать, кричать, плакать – королям такой роскоши не дано. Даже когда всё летит к чертям, ты должен сохранять голову в холоде и выглядеть достойно.

Я прекрасно понимала, что со мной творится. Это был ПТСР – посттравматическое стрессовое расстройство. Все симптомы на лицо: тревожность, взрывные реакции и вместе с тем притупленные эмоции, агрессивность, которая пока поддавалась контролю, но я не могла одобрить изменения, происходящие со мной. Ещё вчера я не считала, что любую проблему можно решить грубой силой, а сегодня готова была уверовать в неё, как в панацею. Я с удовольствием говорила гадости моим девушкам, порой доводя словами до слёз и получала от этого мрачное удовольствие. В первый момент, потому что в следующие минуты мне становилось ещё хуже и начинало тошнить от себя самой.

«В кого ты превращаешься? Кем становишься?», – с ужасом задавалась я вопросом.

Порой случались провалы в памяти. Я целеустремлённо двигалась, собираясь что-то сделать, а в следующий момент замирала, напрочь забыв – что.

Но хуже всего перечисленного было уже озвученное мной ощущение бесполезности и ненужности всего и всех. Еда вызывала отвращение. И даже секс с Атайроном перестал доставлять удовольствие – я вообще словно утратила знание о том, что обозначает это слово. Помнила, как помнят вкус детских игр, но больше не могла прочувствовать.

Зато приступы ярости, которые пока ещё удавалось контролировать, становились всё чаще. Она распирала, копилась. Бесило всё, бесили все.

Воспоминания о горящих людях, горящем городе преследовали во сне и наяву. Я ощутила желание выпить, чтобы очертания картин, приходящих в памяти, размылись – хотя бы таким образом. Меня преследовало чувство вины и порой...

Правда, последнего признака не было – навязчивые мысли о самоубийстве меня не посещали. Я хотела жить, хотела быть рядом с теми, кого люблю. Я понимала причины происходящего, но это не помогало мне справиться с проблемой, решить её. Находишь я в своём времени и мире, наверное, отринув гордость и предрассудки, попыталась бы найти специалиста, способного мне помочь. Но в этом мире психологов и психотропных препаратов не наблюдалось, так что мне предстояло вытащить себя саму и трясину.

Этапы посттравматического синдрома проходят четыре фазы.

Шок и отрицание, похожие на болевой шок, когда ты просто не можешь постичь весь масштаб происходящего и оно проходит перед тобой, как будто ты едешь в поезде, а за окном меняется пейзаж – ты видишь, осознаешь, но словно со стороны.

Агрессия и вина. Когда ты принимаешь, но при этом начинаешь винить кого-то другого. В первый момент я винула Атайрона. Он не справился, не смог подобрать нужных людей, которые донесли бы, помогли предотвратить. Он слабак. Причём слабак – жестокий. К чему была та жуткая сцена? Чему он способен научить моего сына? Как не гнала я эти мысли от себя, они возвращались снова и снова. И я

чувствовала за это вину. Атайрона, слабак или нет, всегда играл на моей стороне. Он никогда меня не предавал. Я отдавала себе отчёт в том, что догадайся он о моих мыслях и чувствах, наши отношения пошатнутся, а это единственное, что ещё хоть как-то держит на плаву. И к слову, чем я лучше него? Да я хуже! Если бы я поступила иначе, возможно, ничего не случилось бы? Сумей я лучше следить за сыном, воспитай его лучше, он не отправился бы в Красные Пески, это событие не повлекло бы за собой весь этот гадкий кровавый клубок. Люди были бы живы. Мне не пришлось бы палить их с высоты драконьим пламенем.

Я не хотела, чтобы было так, как есть. Но что это меняло? Ничего! Я беспомощна, я бесполезна, я... как король на шахматной доске – могу ходить лишь на одну клеточку, на мои ходы ничего не решают. Я глупа. Я слаба. Всем было бы лучше бы, если бы...

Стоп!

Но «стопа» не было. Я стремительно теряла ощущение цели и жизни. Меня не оставляло ощущение ускоряющегося падения. Мне ничто не помогало.

Репке было легче. Репку тащили – бабка, дедка и иже с ними. А тут всё сама, сама. Ладно, я понимаю, что со мной происходит и почему. Это же хорошо? У меня есть цель – моему сыну, Атайрону и всей Цитадели не нужна безумная королева. Я не раз побеждала врагов, и на этот раз не сдамся. Если сегодня главный враг я сама – ну, что ж? Это ведь не повод опускать руки?

«Хуже, чем есть сейчас, уже не будет. Я достигла дна. Теперь – всплываем. Медленно, но верно», – уговаривала я себя каждое утро перед тем, как встать с постели и приняться за дела.

А дел было много. Пусть ни у кого не складывается впечатление, что можно было бесцельно лежать, глядя в потолок и жалеть себя. Вставали рано, одевались празднично и – вперёд. На советы, совещания, принимать прошения, общаться с лордами, мастерами, возглавляющими цеха ремесленников. Посещение храмов никто не отменял. От посещения балов пока спасал объявленный траур, но он подходил к концу.

Подсчитав убытки бунта, продлившегося меньше суток, получили следующую картину: склады и лавки, находящиеся в порту, разграбили, а затем сожгли. В это убытки и потеря лица перед теми,

кому мы гарантировали безопасность. Атайрон велел восстановить постройки и компенсировать потери если не прямым вливанием, так снижением налогов, пошлин, давал и прочие послабления.

Дома некоторых градоначальников и министров также подверглись нападению. Не всем удалось отразить нападение бунтовщиков.

Обычно многолюдные улочки столицы опустели. Хотя... бродячих обнаглевших собак стало в два раза больше. Везде чувствовалась угроза, и редко какое утро обходилось без того, чтобы городские стражники не обнаружили в сточной канаве новый труп.

Стражникам был отдан строгий приказ: без оружия, полного обмундирования и в одиночку на улицах не появляться. За нападение на представителей королевской власти наказания ужесточились.

За любым разрушением следуют болезни и голод. В моём мире это называется гуманитарной катастрофой. Первая головная боль правителя: как накормить свой народ? Из-за дефицита цены на продукты были просто космические, хотя последнего понятия здесь и не знали. Страшась голода, люди распродавали свои жалкие пожитки и уезжали в деревни.

Бродячие собаки исчезли быстро. Не стало в городе кошек и даже крыс.

– Господи, Атайрон! Почему так плохо дело с привозом? Да, наши запасы сгорели, но ведь их можно привезти из других районов?

– Дороги на юг и восток пока перекрыты, но мы решаем эту проблему.

Оседлав Молнию, я решила отправиться на разведку сама, чтобы посмотреть, как обстоят дела в царстве-государстве, а заодно немного развеяться.

Люди шарахались при виде летящего дракона, хотя Молния не проявляла ни тени агрессии. Королевская дорога проходила мимо плодовых садов и ухоженных полей пригорода, чтобы потом нырнуть в лес. По ней в обоих направлениях тянулась вереница людей: мужчины, крепкого и не слишком, сложения, высокие и низкие, вот только толстых не было. Старики и дети, пожилые женщины, матери с младенцами, в повозках, телегах или на своих двоих, босых – все были худыми и измождёнными. Подобной худобы не достичь за пару недель, эти люди, увы, голодали и раньше.

Многие ехали верхом, кто на чём придётся: мулах, ослах, пони, даже на волах. К телегам были привязаны коровы и козы. Мужчины были вооружены кто чем: кольями, топорами, вилами, серпами и дубинками.

Люди с тоской смотрели в небо, вслед летящему дракону. Что ему их топоры? Я с тоской смотрела вниз. Если бы у меня была возможность накормить и обогреть, а она ведь должна у меня быть?..

Возможно только так удастся накормить неутолимых демонов, пожирающих меня? Отогнать от себя гарпий совести – найти способ изгнать страх из сердца этих людей? Заставить их увидеть в драконах не угрозу, но защитников, способных отогнать врагов от их жилища? Понять, что и я, и Атайрон, и мой сын им не враги? Но мне придётся пройти долгий путь. Потому что даже с высоты я чувствовала их ужас и ненависть.

Дорога нырнула в лес и людей стало рассмотреть почти невозможно. Зато когда лес остался позади, вдоль дороги потянулись холмики могил. Отвратительное, тоскливое зрелище. Судя по холмику, насыпи были свежими. Но мятежники здесь не ходили и драконы – не летали.

Я летела и летела вперёд. Подо мной теперь колыхалось море зелёной травы, по которой вяло текли, слабой струйкой, проложенные две колеи. Не исключая, что такими жалкими они смотрелись из-за разделяющего нас расстояния. Дорога петляла, иногда путалась с другими. Зелёные поля иногда прорезались синими лентами рек, словно были перевиты ими. Вода ярко сверкала под солнцем, ветер бил в лицо и свежесть эта наполняла моё мрачное сердце... нет, не радостью, радость я пока не способна были чувствовать, но успокоением.

Сверху картина казалось такой мирно, что я велела Молнии спуститься на землю и, отпустив её немного полетать без меня (по опыту зная, что далеко моя красавица не улетит – полагаю, она чувствовала за меня ответственность и вела себя, как нянька), решила пройти немного по земле, полюбоваться природой. Идея не такая безумная, как может показаться. Магия, оружие куда более смертоносное, чем меч, всегда оставалась со мной, она позволит мне продержаться до того, как, в случае нужды, подспеет подкрепление с воздуха.

Земля пружинила под ногами в тот момент, когда Молния, оттолкнувшись от земли, поднялась в воздух. Я осталась, наконец, одна, в таком желанном и невозможном во дворце, одиночестве, наслаждаться тишиной и открывшимся пейзажем. Ветер колыхал тростник, густо разросшийся по берегу. Взгляд мой зацепился за круги, бегущие по воде следом за водяной змеей.

Я не спеша двинулась вперёд, тихо напевая что-то себе под нос. Вскоре, чтобы релакс был полным, срывая цвета, плела венки – это успокаивало меня, давало силы, словно сама земля делилась со мной тайными соками. Но идеалистической картина была совсем недолго. Я не прошла и полмили, как наткнулась на обгоревший, чёрные и закопчённые останки моста, по которому, впрочем, всё ещё можно оказалось пройти без всякого риска или даже усилий.

За мостом оказались дома, окружённые грядками с луками и тыквами. Тыквы выглядели большими и зрелыми, того и смотри, треснут. Если бы здесь были хозяева, они должны были бы их срезать.

Дома выглядели нетронутыми. Около некоторых нетронутыми стояли поленницы.

Нет ничего более тоскливого, чем вид оставленного человеческого жилища. Смотрится, как оставленный без присмотра, тоскующий щенок. Или как одичавшая собака, от которой не знаешь, что ждать.

А ветер по-прежнему дул с юга и был мягким и душистым, напоенным запахом цветов и трав.

Широкое и приземистое строение притулилось в конце деревни или как там ещё назвать это поселение? У постройки было два длинных крыла и два этажа. Первый – из побелённого камня, второй – из дерева. Строение рядом могло быть только конюшней. На возвышении стояли увитые диким плющом беседки.

– Миледи? – услышав человеческий голос я вздрогнула от неожиданности. – Если ищите, где остановиться на ночлег, моя гостиница самое то место. Лучшего приюта в здешних местах вам всё равно не отыскать, а я возьму с вас недорого.

Передо мной стояла ладно скроенная женщина, чьё отнюдь не хрупкое тело, словно свитое из не по-женски твёрдых мышц, скрывала мешковатая одежда также надёжно, как волосы – грубый чепец.

– Гостиница? – машинально повторила я, только теперь заметив вывеску, облупленную и потемневшую, болтающуюся над входом. –

Здесь безопасно?

– Не опаснее, чем в любом другом месте в это время, – хмыкнула женщина. – Если у вас найдутся деньги, миледи, у меня отыщется еда и питьё.

– Эль отыщется?

– Конечно!

– Отлично. Принесите.

Следуя за женщиной, я вошла в одну из беседок. Из них открывался прекрасный вид на реку. Столики были деревянными, но чистыми. Да с учётом посетителей, с чего бы им запылиться?

Хозяйка вернулась минут через десять, неся еду на подносе.

– Знаю, знаю – не густо. Но сейчас такие времена. У меня честное заведение, поэтому большего, чем чёрствый хлеб да сыр предложить не могу. Ну, и эль пока ещё.

– Вы живёте здесь одна?

– Скажите тоже! Будь это так, волки давно глодали бы мои кости. Нет, я живу вместе с мужем и двумя сыновьями. Крепкие парни. Но боюсь, что и их рук мало, чтобы оставаться здесь дольше.

– Куда ушли люди из соседних домов?

– Да кто куда. Ходят слухи, не сегодня, так завтра, начнётся война с Огненными людьми из Красных Песков. Так что кто-то подался в столицу. Но думаю, что пожалели. Надеялись найти спасение, а нашли гибель.

– Может быть и спаслись? С чего вы взяли?

– Да разве вы не слышали слухи из столицы, дамочка? Говорят, королева-иноземка жгла всех, не разбирая, кто стар, кто млад. Люди пылали, что твои свечи. А этот кровосос-Чернокнижник, он-то ещё хуже! Детьми своих тварей крылатых кормил?

– Детьми?.. – удивилась я.

– Да! Говорят, чтобы город уцелел, он велел обложить каждый дом данью в наказание за то, что осмелились восстать против него. И каждая семья в городе должна была отдать своего первенца. И проклятый колдун скормил их драконам на глазах у несчастных матерей!

Картина так растрогала особу, чей внешний вид трудно было ассоциировать с сентиментальностью, что она промокнула повлажневшие уголки глаз сомнительной чистоты передником.

– Ужасно, – согласилась я, чтобы хоть как-то запомнить возникшую вдруг паузу.

– Видимо, боги совсем отвернулись от нас, раз позволяют такому случиться. Повсюду сражения. На вашем месте я бы не рискнула путешествовать одна.

Я ответила холодной улыбкой, надеясь, что дальнейших вопросов с её стороны не последует. Вопросы я хотела задавать сама.

– Я не одна. Со мной охрана. Она скоро будет здесь.

Я ведь не лгала? Молния и правда скоро прилетит. И охраняет она лучше некуда.

– Как знаете. Но вот мой добрый совет – хотите путешествовать, куда бы вы не шли, держитесь подальше от Королевской дороги. Там такое творится! Каждый день люди гибнут.

– С чего?

– Так известно чего – то разбойники и грабители, то королевские гвардейцы, что, прости господи, ничем не лучше. То одна шайка, то другая нападает на кого не попадя. Поджидают всех, выискивая, чем можно поживиться. Но если миледи жаждет рискнуть головой, то кто я такая, чтобы мешать ей?

– Неужели всё настолько плохо? И наши правители на самом деле столь ужасные люди?

– Ужасные или прекрасные – они от нас далеки. А вот лорды наши в последние месяцы как с цепи сорвались. Там, в далёкой Цитадели, до наших нужд кому есть дело?

Поблагодарив женщину ещё раз, отвесив её несколько серебряных монет (дать золотой не рискнула – тут за такое, чего доброго, и убить смогут) я отправилась дальше, весьма расстроенная. Атайрон укреплял государство в плане военном, да и тут не особенно преуспел, судя по последним событиям. Экономика страны была... да никакая она была. И государственность в привычном для меня понимании выглядела весьма шаткой.

На обратном пути я вновь отметила, что земель с сожжёнными садами и полями в разы больше тучных нив. Периодически вдоль дорог встречались виселицы. Отвратительно!

До меня впервые стала доходить неприглядная истина, которую признавать не слишком хотелось. Семена бунта пали в весьма подготовленную почву. Когда люди живут в страхе и холоде, трудно

быть довольным. Но разруха была такой, что сложно было даже подумать, с чего начать. Я и не представляла себе истинных масштабов катастрофы.

Солнце уже клонилось к горизонту, когда я заметила очередной столб чёрного дыма. Молния сама, без дополнительного приказа с моей стороны, сделала крюк в ту сторону. Вскоре я увидела под собой стены башни. Последняя была окружена кольцом людей. Те метались с оружием в одной руке и с факелами, хоть день ещё и не сдавал своих прав, в другой. Долго задаваться вопросом: «Зачем огонь?» – мне не пришлось. Факелы полетели в соломенные крыши, которыми были покрыты в здешних местах и дома, и навесы. Солома вмиг занялась.

Молния издала пронзительный рёв, привлекая внимание. Всадники задрали головы.

Я заставила драконицу опуститься на одну из черепичных крыш, показавшихся мне достаточно надёжными для того, чтобы выдержать такое вторжение.

– Именем короля! – прорычала я. – Что здесь происходит?!

За стенами крепости, насколько я могла судить, прятались те самые крестьяне и горожане, что утром тряслись по дороге. Те, или другие, весьма похожие. Те же вилы-грабли-топоры у мужчин, орущая, перепуганная огнём и драконом, скотина, и босоногие дети, которые от ужаса даже не плакали.

– Кем бы вы не были! – прокричала я мужчинам, выглядевшим заправскими головорезами, – оставайтесь там, где стоите и отвечайте на мор вопросы, если вам дорога жизнь.

– Ты кто такая? Баба мне не указ! – прорычал один из вояк.

Но большинство оказалось не столь храбры или просто соображали быстрее. На драконах не так много людей каталось, чтобы не догадаться, кто перед ними.

– Ты королева Анжелика? – шагнул вперёд один из них, чьи мышцы на руках вились как канаты. – Шлюха Чернокнижника? Впрочем, тебя имели оба брата. Готов поклясться, что, познакомься мы ближе, ты бы и мне не отказала. Я хочу, чтобы ты не сдерживала свой язычок, когда станешь вылизывать мой член.

Интересно, чего он хотел добиться своей зажигательной речью? Правда думал меня расстроить или разозлить? Кроме омерзения его речь не вызывала ничего. Я видела перед собой презренного жалкого

червяка, которого опять придётся раздавить. А потом просыпаться в холодном поту от кошмаров. Господи, как же не хочется!.. Но – надо.

– Оставим в покое ваши нездоровое сексуальные фантазии. Расскажите лучше мне, что вы делаете?

– Они угрожали нам, Ваше Величество! – раздался голос из-за стен. – Грозилась содрать с нас кожу живьём.

– Правда? Эти люди говорят правду?

– Боюсь, что так.

– За какие же преступления и чьим именем вы решили вершить жестокую расправу?

Ответа не последовало.

– Судя по всему – от своего личного, что даёт мне право считать вас разбойниками. Кто ваш командир?

– Он перед вами.

– Ещё раз спрашиваю...

Но договорить я не успела, как рядом со мной просвистела стрела, буквально в нескольких дюймах от моего уха, задев щёку.

Молния взревела и, не дожидаясь моего приказа, волной изрыгнула пламя. Огненная река длинным языком устремилась вперёд, сбивая на землю людей и лошадей. Крики животных и людей, запах палёного мяса...

Лошадей было жалко до слёз. Ни в чём неповинные бессловесные твари. Красных искр вокруг было больше, чем порою звёзд на небе.

Люди за спиной притихли в испуге, не зная, чего ожидать. Разбойники бежали.

– Вам не стоит бояться, – как можно ласковее говорила я, стараясь их успокоить. – Я здесь для того, чтобы защитить вас.

К моим кошмарам прибавятся новые. Глаза людей, широко распахнутые, взирающие с надеждой и мольбой. Словно я была богиней, способной совершить чудо.

Я спасла им жизнь. Пока мой лимит на чудеса был исчерпан.

Глава 21

Я утратила связь с реальностью, иначе чем объяснить моё удивление, когда я обнаружила, что в Драконовом Логове меня поджидает охрана.

– Ваше Величество, – обратился ко мне капитан стражи, почтительно склоняя голову, – лорд Сатори просил вас сопроводить в

вашу комнату, как только вы вернётесь.

– Вот как? Что ж? А где в данный момент сам лорд?

– Он отправился на ваши поиски. Мы волновались. Вас слишком долго не было.

Прозвучало упрёком.

Молния поглядывала на людей, закованных в металлическую броню крайне неодобрительно. Пингвин и Ведьма и вовсе с аппетитом, но без разрешения, хорошие дети, лакомиться не решались.

Атайрон вошёл в мои покои раньше, чем я рассчитывала. Почти следом.

– Оставьте нас, – отрывисто велел он моим девушка и те, чувствуя приближение бури, поспешили выполнить приказ.

Что касается меня, то перспектива хорошей схватки, пусть только словесной, меня скорее радовала, чем огорчала. Слишком долго мы молчали. Слишком много недосказанности, как стена, вставало между нами.

– Анжелика, это переходит всё границы!

– Что именно? – наивно распахнула я глаза.

– Ты не можешь отрицать, что я пытался быть понимающим и терпеливым. Но твоё поведение ставит меня в тупик. Я отказываюсь понимать это безумие. Никому ничего не сказав, ты покинула столицу и весь день пропадала неизвестно где. Оставив сына! Оставив меня волноваться, хотя тебе прекрасно известно, что сейчас каждая минута на счету. Как мне понять твоё поведение? Нет, подожди! – прервал он моё желание высказаться. – Я понимаю и всегда принимал твою тонкую душевную организацию. Допускаю, что гибель людей произвела на тебя впечатление, что тебе нужно время, чтобы прийти в себя. Только у меня складывается впечатление, что ты не приходишь в себя, а уходишь всё дальше. Я хочу помочь, поверь. Но любому терпению есть граница. Как ты могла подвергнуть себя опасности? После всего того, во что мы влипли после предыдущей выходки Ангэя?! Но его хотя бы можно оправдать! Ему нет и семи! Но ты – взрослая, вроде бы разумная, ответственная женщина. Что за безумие на тебя нашло? Ты как будто сердисься на меня и нарочно заставляешь меня беспокоиться? Считаешь, у меня мало поводов для волнения?

– Нет, не считаю. Но ты прав. Не стану лгать и отрицать – я злюсь. Пойми, одна часть понимает, что я чертовски несправедлива, но я ничего не могу поделать с собой! Мне кажется, что всё идёт не так!

Под непонимающим, тяжёлым взглядом Атайрона мне захотелось расплакаться. Спасало то, что слёз не было.

– Всё и идёт не так. Думаешь, я не виню себя в том, что размяк, расслабился и позволил случиться тому, что случилось? Но я не могу себе позволить предаваться самоистязанию. Нужно идти вперёд. Ради себя самого, ради тебя – ради всех.

– Я понимаю, ты прав. Я пытаюсь держаться на плаву, пытаюсь не сойти с ума.

– Не сойти с ума? Но с чего? Непосредственной опасности больше нет. Ты и не была в опасности ни минуты. Ни ты, ни твоё дитя.

– Да! Но – другие? У других матерей такие же дети, как у меня! И они погибли!

– Разве ты убивала детей? Или я?.. Разве в наших руках держатся нити жизни и смерти? В чём конкретно ты обвиняешь меня? Или себя?

– В том, что... если б только знать! Люди голодают! Люди гибнут. Невинные люди! А что мы делаем?!

– Всё возможное. Я сплю по четыре часа в сутки, как и мои министры.

Я поднялась с кровати, на которой сидела и прошла по комнате:

– Когда утром я решила немного полетать, дав размяться Молнии, у меня не было намерений задерживаться надолго. Но потом... эта вереница беженцев. Кругом голод и разруха. Кругом нищета и голод. А ещё – банды...

– Ты всё слишком болезненно воспринимаешь. Ещё шесть лет назад от государства было лишь название, собрать воедино то, что лежит в разрухе, что разобщено не так-то просто. Лорды оказывают сопротивление, ведь каждый из них привык быть королём для себя самого.

– Но без централизованного управления ничего не будет. Народ так и будет страдать.

Я сжала руками виски.

– Я хочу помочь, хочу накормить, обогреть, но как это сделать так, чтобы всем и всего хватило? Чтобы еды было если не в избытке, то хотя бы хватало. Как остановить разбойничьи шайки?

– Мы ослабили охрану, стянув её к столице и королевские тракты сразу же стали небезопасны. А на твой вопрос – как? – я отвечу: не сразу. Этот процесс вовсе не быстрый. На всё нужно время.

– Но людям не хватает еды сейчас!

– А если мы поторопимся, её может не быть и завтра. Чтобы семенам прорасти нужно время. Чтобы колосьям налиться золотом тоже нужно время. Скоро можно только головы рубить, но и тут стоит дважды подумать – ведь раз отрезав её обратно уже не представишь. Помню, когда-то ты сама говорила нечто подобное? – усмехнулся Атайрон.

– Ты сердишься на меня?

– У меня не получается долго на тебя сердиться. Я понимаю, что в твоей душе произошёл надлом и нужно время, чтобы рана затянулась. Ты только не забывай, что мы на одной стороне. И не поступай безрассудно и опрометчиво. Иногда драконы внушают чувство ложной безопасности. Они сильны, но не неуязвимы.

– Я помню это. Как забыть?

– Не хочу, чтобы ты чувствовала себя пленницей, но, если ты не станешь вести себя разумней....

– Посадишь меня под замок? Для моей же безопасности? Выставишь охрану у моей двери?

– Если только ты не оставишь мне другого выбора, любовь моя. Но мне не хотелось бы, чтобы мы ссорились. Пока достаточно будет, если ты дашь слово больше не сбегать из дворца.

– Я не сбегала. Но слово – дам. Мне нужно какое-то дело. Что-то, чем я могла бы заняться.

– Прекрасно! Займись подготовкой к нашей свадьбе.

– Ты думаешь, сейчас подходящее время?! Кругом столько боли...

– Да. Именно поэтому людям нужен повод для радости. В честь свадьбы будет раздаваться милостыня: бесплатный хлеб, вино и – зрелища. Куда же без них?

– Народ нас ненавидит. Считает чудовищами!

– И это не помешает им любить нас в будущем. Любовь толпы переменчива. Не нужно искать их любви – главное знать, что мы идём правильным курсом и действуем в общих интересах.

– Всё же я думаю, что свадьба сейчас не к месту. Это как танцы на гробах.

– У многих племён в Красных Песках поминки именно так и справляют, – засмеялся Атайрон, обнимая меня. – Дорогая Анжелика. Есть времена плохие, есть времена хорошие – но во все времена люди влюбляются, играют свадьбы и умирают. Это жизнь. Что же касается нашей свадьбы? Мы любим друг друга – это раз; наш брак политически выгоден – это два. Под предлогом свадьбы мы сможем объявить амнистию, потому что казнить всех лордов, замешанных в последних событиях это значит ввязаться в бесконечные войны, обескровив множество знатный семей, что никому не надо. Они достаточно напуганы и предупреждены, даст бог, угомонятся. Это всё – три. Но и четыре: сейчас все нуждаются в поводе, чтобы забыть смерть и боль. А любовь и жизнь – лучший повод для этого. Ну, что?

– Я должна что-то ответить?

– Скажи – да.

– Тебе давно известен мой ответ.

– Я хочу послушать как он звучит ещё раз.

– Хорошо. Да.

– Скажи: я постараюсь приготовить грандиозную свадьбу, чтобы потомки запомнили нас в веках, чтобы увековечить нашу любовь друг к другу.

– Я найму для этой цели лучших менестрелей.

– Ты самая неромантичная особа из всех, которые мне встречались.

– Неправда. Просто сейчас я не в самом лирическом настроении.

– У тебя есть время, чтобы всё исправить. Уверен, тебе для этого понадобится настройщик. Готов взять на себя эту миссию...

Атайрон был страстен, чуток и нежен в ту ночь. Он был прекрасным любовником. И я не хотела выглядеть бесчувственной, холодной любовницей. Я боролась со сковавшим мою душу и тело льдом. В голове словно стоял барьер – в прошлый раз я позволила себе беззаботно кинуться в омут страсти, позволила себе быть счастливой – и мы чуть не погибли.

«Нельзя быть счастливой – это опасно», – вот что говорило мне моё подсознание.

И я пробивалась обратно к Атайрону, старательно отбиваясь от преследующих меня чудовищ, от жалящих, словно слепни в знойный день, воспоминаний. Голодные не наедятся, страждущие не утешатся, тонущие не выплывут если я потеряю тебя, любовь моя. Даже в самую безлунную ночь на небе все равно продолжают светиться звёзды. Нет существует на земле крошечной тьмы. Ты мой лучик света, и я не откажусь от тебя. Я знаю, что и тебе нужна моя любовь, моя нежность, моя поддержка.

Вместе мы всё выдержим, пройдем через всё. Только не отпускай меня, не размыкая кольца рук, не переставай переливать своё дыхание в меня, одаривая жгучими поцелуями. Твоя любовь сладка, несмотря на то, что порой любишь ты жёстко, словно в поединке. Ты берёшь горячо и жадно, но и одариваешь сверх меры.

Часто говорят, что секс похож на полёт, но большинство людей никогда не летало. Для меня соитие с полётом не ассоциируется. Это нечто, похожее на прорастающий цветок, что, как зерно, берёт своё начало в спокойном мраке, а потом вырастает, распускается и захватывает тебя целиком. Это гибкие волны, идущие одна за другой, пока не растекаются широкой рекой, сметающей всё на своём пути. Единение, невозможное без истинного влечения, без настоящей любви. Тот, кто хоть раз занимался любовью, а не сексом, навсегда запоминает разницу и его впору пожалеть – потому что на меньшее трудно согласиться. Когда тело так плотно срастается с душой, что ты словно сердцем проникает в тело другого человека, растворяешься в нём и не представляешь никого другого на его месте. В этом случае невозможна измена, потому что оторваться от того, кого любишь, всё равно, что разорвать себя напополам. Немыслимо и невообразимо.

Атайрон нежность и силой вытаскивал меня из черного кокона, которым я окружила себя. Его животные стоны и толчки возвращали меня к жизни вернее, чем заклинания некроманта – отлетающую душу.

Эвридику из Царства теней вёл голос Орфея, но она обернулась в последний момент и... не смогла выйти. Я же, уцепившись за плечи Атайрона, изо всех сил заставляла себя не думать ни о чём, кроме нас. Есть он, есть я, есть мой сын, который дорог ему едва ли меньше родного. Смерть будет всегда. Боль будет всегда. Если позволять себе всё время думать об этом, невозможно жить. Пусть злые призраки из

Тронного зала и Морского Залива катятся к чёрту! Он – есть! Я – есть! Мы – есть!

И в этой схватке мы одержали победу. Мы одолели врагов, остались живы. И останемся вместе.

Влажные после любви наши тела ещё прижимались друг к другу.

– Я люблю тебя, – прошептал он мне на ухо. – Рад, что ты вернулась.

Удивительно! Атайрон не выглядел чувствительным, способным воспринимать чувства и состояния других людей, но порой его эмпатия казалась мне воистину волшебной.

Лёжа в его объятиях я поняла, что раны затягиваются. Я и правда исцеляюсь. Не знаю, случилось бы это без него?

– Я тоже люблю тебя. Всем сердцем.

– Я знаю.

Так мы и уснули, лёжа в обнимку, прислушиваясь к биению сердца друг друга.

Истории – они как реки, имеют свой исток, своё начало, но не имеют конца. В этом они превосходят человеческую жизнь, ведь последняя ограничена смертью, а история? – история может продолжаться дальше.

Если взять за аксиому, что человеческая душа бессмертна, то получится, что история каждого из нас бесконечна, как вселенная. Заканчивается одна глава, чтобы могла начаться другая.

Из каких глав состоит моя жизнь? Сначала, в прошлой жизни, в которой я, возможно, умерла, я была простой учительницей истории. Поскольку в любой жизни случайностей не бывает, не было случайностью и это. Я всегда любила историю, не за сухие даты и числа, не за имена полководцев, а за то, что в ней, как в архиве, хранится то, что было и, рискну предположить, повторится вновь.

Если судить просто, то та, прошлая моя жизнь, наверное, была спокойней и в чём-то счастливей, если еда, комфорт и стабильность означают счастье. Мне же кажется, что такая жизнь и не жизнь вовсе – существование.

Чем живёт человек? Он живёт эмоциями. Эмоции для нас всё равно что дрова для костра, без них мы обращаемся в холодный пепел. Я такой и была в той своей жизни: продуманной, спокойной,

серой. Иного те условия, в которых я существовала, от меня и не требовали.

Быть королевой приятней? Ну, не знаю. Для меня важен не статус, а люди, которые окружают. В прошлой жизни я была спокойно и нежно привязана к членам моей семьи, поддерживала с ними отношения, но и близко мои чувства не были такими горячими и сильными, как те, что вызывали во мне Эвил и Атайрон, мой сын и... даже Хатериман.

Насыщенная событиями, часто тяжёлыми и тягостными, всё же... всё же то, что я имела сейчас, я бы не променяла ни на что.

Счастливые истории заканчиваются свадьбами? Что ж? Пожалуй, свадьба хороший повод поставить точку, хотя... на самом деле свадьба скорее начало?

Лето достигло зенита, а мир разделился на две половины: войну и мир. Я предпочитала находиться на последней и занималась приготовление к свадьбе, но была в курсе того, что происходило на второй половине. Мы понесли потери, но восстановили равновесие и мяч снова был на нашей стороне.

День свадьбы всегда особенный, даже если тебе уже много лет, как не шестнадцать, даже если это, увы, не первая свадьба в твоей жизни, и в активе у тебя вдовство, куча интриг и стремительно взрослеющий сын. С годами всё выхолащивается, будто солнце жизни с каждым годом излучает меньше света. Всё теряет свой цвет, вкус, очертания. Но день свадьбы всё равно в жизни остаётся либо самым счастливым, либо самым ужасным событием, в зависимости от того, что заставляет её говорить избраннику: «Да».

Прежде чем надеть свадебное платье, служанки наполнили ванну водой до того горячей, что она обжигала кожу, а потом тщательно расчесали и завили мои золотисто-рыжие волосы до тех пор, пока они не превратились в мягкие локоны, дождём ниспадающие мне на плечи и спину. Моё тело тщательно умастили маслами и увлажнили духами, с резким цветочным запахом, бывшим в ходу в этих краях. Шёлковое бельё студило кожу, а само платье было из чёрного бархата и золотой парчи. Глубокий вырез прикрыт дорогим изысканным кружевом, из-за пышных юбок и без того тонкая талия смотрелась ещё тоньше. Туфли обтягивали ногу, как перчатка.

– Сегодня вы даже прекраснее, чем всегда, госпожа, – льстиво проговорила Турхан, но на этот раз её льстивые слова были правдивы.

Я действительно выглядела великолепно.

Серьги и ожерелье из тёмно-алого рубина поставили точку в созданном образе. Впрочем, вскоре всё скрылось под кроваво-алым плащом. Алый – цвета Санисторов. А теперь и Хасепти. Плащ накинули мне на спину и скрепили тонкой золотой цепочкой.

– Пора, ваше величество. Храмовники ждут. И ваши подданные – тоже.

К алтарю меня вёл Ангэй. Я, как и все мои подданные была подопечной короны, а отца моего рядом не было.

Я сделала глубокий вздох и... пошла.

Атайрон выглядел не менее великолепно в чёрном дуплете. Шею и грудь его украшала широкая золотая цепь с огромными красными рубинами.

– Какая ты красивая! – улыбнулся он при виде меня.

– Разве я не всегда красивая?

– Да, но сегодня ты прекраснее обычного.

– Прекрасно. Всё так и было задумано, – я приняла протянутую мне руку, охотно опираясь на неё.

Впрочем, как и всегда, с первого дня нашего знакомства.

Так, рука об руку мы и пошли к алтарю, где нас ждал Великий Храмовник, собираясь соединить нас неразрывными узами в глазах людей так же, как уже там, в тишине и темноте, мы связали наши жизни друг с другом. Уста наши произносили положенные слова клятвы, руки наши соединились, а сердца? – сердца давно уже соединились в одно.

– Перед ликами Богов и людей, – зычно тянул голос храмовника.

Присутствующие выглядели едва ли не более счастливыми, чем мы, признавая, что, вопреки всем сплетням, слухам, наветам мы красивая, царственная пара.

Прозвучали клятвы, следом за ними – свадебные гимны.

Наш выход из храма возглавляли капитаны охраны. Над нашими головами летели лепестки роз, что разбрасывали девочки, похожие на маленьких ангелочков.

Я заметила, что Ангэй, несмотря на свой юный возраст тоже отдаёт дань их, пока ещё совершенно невинной прелести, подолгу

задерживая на них взгляд.

Улицы встретили нас ликующими криками, словно простонародье забыло свою ненависть. А может и правда она была далеко не так сильна, как мне мерещилось.

С вершины лестницы, на которой мы стояли, открывался прекрасный вид на всю городскую площадь. Стражники сдерживали ликующую толпу на расстоянии. По обычаю, мы должны были сесть в носилки, жарко разогретые огнём, но, словно почувствовав наше нежелание, к нам присоединились драконы.

Народ в ужасе притих, приветственные крики смолкли.

Пингвин, Молния и Алое Пламя опустились на землю, явно приглашая нас к полёту. Как можно было отказать всем в этом прекрасном зрелище.

Переглянувшись, мы, не стовариваясь с Атайроном, двинулись к нашим половинкам. Драконы для всадников играют ту же роль, что мифические фамильяры – они и аккумуляторы энергии, и домашние питомцы, и верные друзья. Как я уже сказала – целая половина тебя, без дракона ты уже как без руки. Или... бей айфона и средства связи. Вроде как ты – не ты.

Легко подняться по перепончатому крылу, сложенном для моего удобства «лесенкой» не помешало даже длинное платье со шлейфом. Я крепко вцепилась в длинные шипы на гребне Молнии. Сердце моё ликовало, кровь бурлила. Немного волновало то, что Ангэй тоже летит с нами, что ему бы ещё рано... но, по правде говоря, моё беспокойство ничего не решит. Он будет летать. И будет править. И, возможно, даже жестоко. Мы порой ничего не можем поменять в этой жизни и все наши беспокойства – пустое. Но мы можем принять всё как есть, подстроиться и смириться с тем, что всего нам проконтролировать не дано.

Всё не контролируют даже боги и в этом есть свой прелесть.

Шорох крыльев дал мне знать, что Алое Пламя уже поднялся в небо. Молния сорвалась за ним.

Драконы расправляли крылья, их чешуя ярко сверкала на солнце, и они в этот момент куда больше походили на жар-птиц, чем на ящеров.

А возможно, всё дело в любви? Когда любишь, даже чудовища кажутся прекрасными. Хотя и тут есть предел: чудовище чудовищу

рознь. Ветер запел привычную песню у меня в ушах, а небо – широкое и бескрайнее, вновь распахнуло объятие.

Полёт. Любовь. Власть. Вся жизнь впереди, с её невзгодами и падениями, солнечными бликами и тенями, со слезами (куда без них) и даже смертью, от которой никто не застрахован, потому что и она тоже часть жизни – всё впереди. Но стоит ли задумываться о тёмных ущельях, пока летишь в облаках?

У живущих есть здесь и сейчас и это – прекрасно.

Я буду лететь. Я стану любить. Я буду править, возможно, ошибаться – ведь я простая смертная, а из смертных никто от ошибок не застрахован.

Я стану жить.

Небо было словно пронизано золотыми лучами, а драконы походили на стрелы, летящие точно в цель. Всё окутано золотым огнём, и мы утопали в небе.

Была ли я счастлива в этот миг? О, да!

Что такое счастье? Это «миг, между прошлым и будущим» – миг, в котором царит полная гармония с собой, а между телом и духом установлен идеальный баланс. Счастье – это когда ты веришь в себя и тому, кого любишь. Счастье – когда ты нашёл себя, настоящего и таким ты себе нравишься.

Счастье... не бывает долгим, потому что, как высоко не летай, рано или поздно придётся вернуться на землю. А на земле всегда будут жить тени, найдётся способы для огорчения, разочарования. На земле вечно будут жить пороки, страсти, вечны голод, ложь и война. И с этим тоже придётся жить.

Так в чём смысл? Смысл в том, чтобы вопреки всему сохранять в душе гармонию и не разучиться летать, какой бы тяжёлой не становилась душа. Смысл в том, чтобы не разучиться любить. Смысл в том, чтобы уметь прощать – других и себя в первую очередь.

Короли или простолюдины – все мы простые смертные, а и те, кто не ошибаются, те, кто совершенны, те уже, наверное, стали богами?

Во дворец мы вернулись в сумерках, когда зал уже сиял огнями. Все вокруг пялились на нас и шептались. Для пира мы вновь переоделись.

– Наполним чаши сладким вином! – провозгласил Атайрон. – За мою жену!

– За королеву-мать! – взорвались приветственными криками гости. – За Анжелику! За принцессу Ванхелию! За королеву!

Хатериман выпила чашу вместе со всеми. Что ж? Похоже даже она признала меня в итоге.

Королевский свадебный пир длился долго. Развлечения и блюда следовали одно за другим. Певцы и менестрели пели песни, акробаты крутили сальто, звенели арфы и лютни...

На этом я, пожалуй, поставлю точку. Мой путь в объятья Атайрона, брата-чернокнижника, завершён. История о том, как складывались наши отношения вопреки всему – подошла к концу.

А вот история нашего правления по-настоящему только начинается. Нам столько предстоит сделать – вместе. И для укрепления государства, и для воспитания будущего короля.

Как я уже говорила, история по-настоящему никогда не подходит к концу. Её всегда ждёт продолжение.

И продолжение моей истории – это мой сын с Эвиллом. Король Ангэй Сатори, маг, драконий всадник. Человек с чёрной кровью. Смогу ли оградить тебя от проклятия, сгубившего твоих предшественников? Достанет ли моей любви и мудрости?

Придёт время и другая королева, более молодая и прекрасная, сядет на этом троне в этом тронном зале. Ей предстоит покорить Алую Ведьму, свирепую и жёсткую, независимую, как Хатериман и беспощадную, как все в их жестоком роду. Но что такое Алая Ведьма по сравнению с моим сыном, которому даже в шесть лет удаётся держать людей в страхе?

Я не испытываю ненависти, вражды или неприязни к этой неизвестной мне девочке, затерянной где-то в пространстве? Кем ты будешь, прелестная незнакомка? Какой ты станешь? А ты должна быть личностью выдающейся, чтобы обуздать страсти Сатори, чтобы подчинить себе дикую кровь драконьих всадников. Тебе с одним Ангэем, милая девочка, будет куда сложнее, чем мне с обоими братьями. Он жестокий и с ним нелегко?

Что тебе сказать, незнакомка, которая, возможно, ещё не родилась на этот свет, или, может быть, уже живёт и дышит? Почему-то мне видится светловолосая девочка, бегущая по полям за догорающим солнцем, протягивающая к нему руки – отважная, дикая, нежная и сильная. Девочка, которую испытания закалят ещё до встречи с моим

сыном. Он полюбит тебя первым, хотя любовь его и будет похожа на ненависть, и вы станете жечь друг друга и ваша страсть будет обжигающей, как сражение.

Но придёт время, и ты сядешь на моё место. И вместе с моим сыном вы полетите навстречу ветру, догоняя тонущее в море солнце.

Видение рассеялось. Вместе белокурой девочки, бегущей по полю, я смотрела на тонкое, чуть надменное, ироничное лицо сына. Его чёрные глаза были так похожи на глаза его отца.

Мой сын! Я любила и люблю их обоих, мёртвого Эвила и живого Атайрона, твоих отца и дядю. Но ни один из них не пугал меня так, как порой пугаешь ты. Ни с одним из них мне не было так сложно. Даже укрощать Молнию мне было проще.

– Счастья вам в браке, дорогая матушка, – проговорил он.

А я, склонившись, прижала его к груди.

Да, жизнь не будет простой и лёгкой. И это отлично! Потому что так и должно быть.

Полёт продолжается, несмотря на то, что именно в этом месте я поставлю в своём рассказе точку.

Конец книги